ПИОНЕР 10

ОКТЯБРЬ • 1976 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

К 35-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
ГЕРОИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ
А. ГАЙДАРА

Юрий ЛУЦКЕВИЧ

ЖИВУТ СРЕДИ РЕБЯТ ЕГО ГЕРОИ!

Хотелось век прожить в строю,
Все с Армией делить!
Но врач заботлив не к добру:
— Вам больше не служить!

Гайдар не знал иной судьбы,
Как быть всегда бойцом.
Ведут шеренги букв бои
И с трусом и с врагом!

Юрий Алексеевич Гагарин в день рождения дочери Лены подарил ей книжку Аркадия Гайдара и написал на ней: «Моей дорогой Леночке в день рождения. Будь нужной людям, как Аркадий Петрович Гайдар. Папа».

ЗДЕСЬ КАЖДЫЙ — КОМАНДИР ИЗ Р.В.С.

Никак у нас не склеится игра:
Хотят все быть Жиганом
или Димкой.
Считаемся в сарае у бугра,
Кто белых пост проскочит
невидимкой.

Вот, затмевая солнца теплый
блеск,
Проходит с песней по деревне
рота.
Здесь каждый — командир
из Р.В.С.
Бесстрашный взгляд и со звездой
пилотка.

И мы за ротой четкий держим
шаг,
И деды нас зовут любовно
взводом.
Нам каждому доверить можно
флаг,
Октябрьский флаг — надежду
всех народов.

Рисунки
С. ТРОФИМОВА.

В 1937 году Аркадий Гайдар начал работать над повестью «Судьба барабанщика», повестью «не о войне, но о делах суровых и опасных не меньше, чем сама война».
С сочувствием относился Аркадий Гайдар к герою повести Сергею Щербачову. «Ты люби барабанщика,— писал он в письме к другу писателю Халтурину.— Он падал и вставал».

ЛЮБИ БАРАБАНЩИКА

Когда беда приходит в дом,
То друг — солдат в бою:
Штурмует словом,
как штыком,
Растерянность твою.
А если дни трещат, как льды,
И рядом нет друзей,—
Легко оступишься в пути,
Как Щербачов Сергей.

Кому тропа легла сквозь лес,
Кто клеит змея клин...
У всех отцы и мамы есть,
А вот Сергей —
один.
И не друзьями — вороньем
Сережа окружен.
Врага продуманным враньем
Сережа ослеплен.

Но с глаз упала пелена,
И все звучней, звучней
На целый мир поет струна:
— Ты распрямись,
Сергей!
Враги! Враги в твоей стране!
А ты ее солдат!
И встал Сергей,
и в тишине
Три выстрела гремят.

Когда беда приходит в дом,
То друг —
солдат в бою!
Он точным словом,
как штыком,
Сразит печаль твою.
Друг, только друг слова найдет,
Как бакенов огни.
И будет твой высок полет
Дорогами страны.

Жизнь намного сложнее задач
из задачника.
Будет ясное небо,
будет яростный шквал.
Ты люби барабанщика!
Ты люби барабанщика!
Который падал, но сам вставал!
Сам вставал!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ОКТЯБРЬ 10

Издательство «Правда»
Москва 1976 г.

Враг подступал к Киеву. Многотысячный отряд тимуровцев стал надежной опорой взрослых. 5 августа 1941 года тимуровцы Киева встретились с Аркадием Гайдаром. Поэт Александр Безыменский вспоминал потом, что под впечатлением встречи Аркадий Гайдар сказал: «Ради таких минут, ради этого стоило жить!»

РАДИ ЭТОГО СТОИЛО ЖИТЬ

На тротуар заехали волы.
Гудят шоферы долго и надсадно.
Как будто сосен медные стволы,
Вросли лучи в машины
медсанбата.

В бреду, как снег, сосут концы
бинтов.
У санитара опустела фляжка.
Вдруг ребятня плеснула
из дворов
Рекой воды — в кастрюльках,
банках, чашках.

О Киев! Киев! Град
прифронтовой!
Тимуровцы твои,
твои мальчишки
В разведку ходят тайною тропой
И раненым читают «в лицах»
книжки.

Тимуры, каждый выправкой —
солдат,
Во все глазища смотрят
на Гайдара,
Запоминают слово, жест и взгляд
По всей стране
мальчишек командарма.

...И в мирный час и грозовой
порою
Живут среди ребят его герои.
Он шепчет другу,
голос чуть дрожит:
— Ради этого стоило жить!

И в мирные дни тимуровцы — надежная опора взрослых.

ДОБРЫЕ ЗВЕЗДЫ

Знают все тимуровский
звонкий детский сад.
Если надо, к нам ведут
мамы дошколят.
Мы придумаем игру,
пристыдим грязнулю,
Мы состроим ворчуну
рожицу смешную.

Полем колким скошенным
движется отряд.
Колоски усатые из мешков торчат.
Наш десант тимуровский
на полях колхозных
И в жару и в холода
помогает взрослым.

Мы починим радио — приходи
любой,
Допоздна открыты
двери мастерской.
И на нашей улице
и на всей планете
Звездочки тимуровцев
солнцем людям светят.

Смотрят астрономы в окуляр
железный,
Изредка находят лишь кометы
хвост.
А Гайдар открыл, открыл Гайдар
созвездье
Юных пионерских
очень добрых звезд.

Солдатские сумки у нас
за плечами.
Веселые песни летают над нами.
Высокие сосны, подросшие сосны
Наполнены ветром, смолою
и солнцем.

Глазами зелеными смотрят
окопы,
И тут затихает и песня и шепот.

Не здесь ли, вплотную у кочек болота,
Гайдар партизан прикрывал
пулеметом?

Горят маяками нам встречи с боями.
От них занимается подвига пламя.
И сердце морзянкой, как в небо,
ударит:
— Мы дружим! Мы дружим!
Мы дружим с Гайдаром!

29 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КОМСОМОЛА

Они тогда еще не знали, что их имена, их труд войдут в историю, что о них сложат песни...

Раньше думай о РОДИНЕ...

Юрий ПОРОЙКОВ,
член Центрального Комитета ВЛКСМ, главный редактор журнала «Молодой коммунист»

Мое поколение вступало в комсомол в послевоенные годы. Страна восстанавливала разрушенное, многого не хватало. У нас еще сохранились тетрадки, сшитые из газетных страниц. Некоторые комсомольские работники донашивали солдатские гимнастерки, вечерами учились. Секретарь нашего райкома ВЛКСМ был сыном полка, имел боевые награды.

Когда меня принимали в комсомол и я ответил на все вопросы, кто-то спросил: «А петь ты умеешь? Какие комсомольские песни знаешь?» Петь я не умел и не думал, что надо уметь, чтобы вступить в комсомол. И я испугался, что меня не примут. Но секретарь весело заступился за меня: «Чего растерялся? «Священную войну», «До свиданья, мама», «Соловьи, соловьи» — неужели не знаешь этих песен?»

— Но это не комсомольские песни,— робко возразил я.

— Самые что ни на есть комсомольские! — ответил секретарь.— Они нам и в бою помогали, и сегодня мы без них, как без рук. Пой!

— Громко?

— А зачем же тихо? — удивился секретарь.— Нам нечего стесняться.

И я запел «Священную войну». Все встали и запели вместе со мной.

— Спасибо,— сказал секретарь.— Вот эти слова на всю жизнь запомни, как присягу. Это главная комсомольская песня, песня-маршал.

Когда я вышел в коридор, меня обступили со всех сторон.

— Что там у вас было? — спросил кто-то.

— Пели главную песню войны,— ответил я.

Позднее у Аркадия Гайдара я прочитал очень похожий эпизод. Сын просит отца спеть солдатскую песню, и отец поет «Горные вершины спят во тьме ночной». Он все хорошие песни считал солдатскими, потому что очень любил Красную Армию и хотел эту любовь передать своему сыну.

И когда мы провожали первых добровольцев на целину, на вокзале звучали разные песни — те, с которыми миллионы юношей и девушек и воевали, и строили, и отдыхали. Конечно, песня не может заменить учебник истории. Но дух эпохи, атмосферу времени, настроение людей она передает очень точно. Провожая товарищей на комсомольские стройки, мы тогда не думали, что вы, сегодняшние пионеры, будете читать о свершениях нашего поколения в своих учебниках. Но ощущение причастности к великому делу, чувство **делания** истории у нас было.

А потом приходили письма. Их читали на комсомольских собраниях, гордились своими посланцами и завидовали им. Братская ГЭС, Усть-Илим — вот где закаляли свой характер,

Саяно-Шушенская ГЭС... Это была не только гигантская стройка девятой пятилетки. Здесь закалялся комсомольский характер тысяч юношей и девушек, тут они прошли испытание на прочность.

Фотографии М. ДОРОНИНА.

волю те, кто вступил в комсомол в послевоенные годы, в пятидесятые, шестидесятые.

Время стремительно отбрасывает события в прошлое. Многие из них ложатся одной строкой в учебник истории, многие остаются в песнях. И когда ты поешь эти песни, подумай о том, что они не только о тех, кто был до тебя, но и о тебе тоже. И главное, что все минувшие десятилетия звучало в этих песнях, с особой силой звучит в песне сегодняшней: «Есть традиция добрая в комсомольской семье: раньше думай о Родине, а потом о себе!»

Через год мы будем отмечать 60-летие Октябрьской революции.

В нашей стране создано общество, подобного которому не знало человечество. Сложился наш, советский образ жизни. Вырос человек-борец, патриот-интернационалист.

«Советская страна, народ прошли нелегкий, но славный путь, — говорил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев. — Я думаю, что каждый из нас, коммунистов, если бы его спросили, хотел ли бы он избрать другую дорогу, ответил бы: нет. Наша дорога — это дорога правды, дорога свободы, это — дорога народного счастья».

Читая эти замечательные строки Отчетного доклада Центрального Комитета Коммунистической партии, я вспомнил прекрасную сказку Аркадия Гайдара «Горячий камень». Ты, конечно, хорошо знаешь ее. «Я не буду разбивать камень, — сказал старик-сторож герою рассказа мальчику Ивашке, — потому что я самый счастливый человек на свете. Ногу мне сломало бревно, когда я строил баррикады. Зубы мне вышибли в тюрьме за революционные песни. Лицо мне рассекли в бою. Валяясь на постели в бараке, мы мечтали: пусть не при нас, а после нас страна будет великой и счастливой. Это и есть счастье...»

И еще вспоминается мне дневник Феликса Эдмундовича Дзержинского. Шестнадцать месяцев томился он в тюрьме. Его дневник заканчивается такими пронзительными по своей откровенности и уверенности в правоте дела словами: «Здесь мы почувствовали и осознали, как необходим человек человеку, чем является человек для человека... Именно здесь, где нет отчаянной борьбы за кусок хлеба, здесь, где всплывает на поверхность то, что там по необходимости было скрыто в глубине человеческой души. И потому мы любим это место нашей казни, что здесь мы уяснили себе, что борьба, которая нас сюда привела, является также борьбой и за наше личное счастье, за освобождение от навязанного нам насилия, от тяготящих над нами цепей».

Феликс Эдмундович всегда был верен себе. В одной из тюрем он в течение целого лета ежедневно выносил на прогулку умирающего от туберкулеза товарища и ходил по кругу, держа его на спине, сорок отведенных минут. Надо только попытаться представить себе условия, в которых содержались заключенные в царской тюрьме, чтобы понять, какого мужества и силы духа требовал от человека такой поступок.

Такими были люди, совершившие революцию. Такими были и те, которые взяли эстафету из их рук и понесли ее дальше.

То были советские люди. Завоевав свободу, они отстояли ее в смертельной схватке с грозным врагом. Они строили будущее своей страны, не жалея сил и идя на любые жертвы. Советский человек, пройдя через все испытания, сам неузнаваемо изменился: соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять.

Отмечая эти качества советского человека, рожденного революцией и воспитанного партией, Л. И. Брежнев, выступая на Конференции коммунистических и рабочих партий Европы, сказал: **«В условиях социализма у советского человека выработалось поистине драгоценное качество: чувство хозяина, который хорошо понимает связь своего труда с общенародным делом, помнит и думает об общих интересах».**

Читая эти строки, посмотри вокруг себя. И ты увидишь этих людей — они рядом. Я расскажу об одном из них.

Он живет в Каспийске. Его биография похожа на тысячи других, чье детство опалила война. Мы познакомились на слете бригадиров — победителей Всесоюзного социалистического соревнования.

«Полгорода, наверное, моих», — сказал он мне с гордостью. Потом мы подсчитали, и верно, чуть ли не полгорода возведено его бригадой. Перечисляя специальности, которыми владеет, он загибал пальцы: «Плотник, каменщик, монтажник, крановщик, бетонщик... Столяром тоже могу...» И руки у него крепкие, жилистые; смотришь на них и веришь: действительно, все может. Впрочем, послушаем его самого:

«Машинист заболел, а если кран стоит — все стоят. Бегу, сажусь, работаю. И так не раз... Я же бригадиром плотников несколько лет работал, очень любил это дело, у отца научился, потом в армии плотничал.

А однажды вызывает меня начальник: беда у нас с каменщиками, говорит, бригада разваливается. Будешь ты, Хабиб, теперь каменщиком. Я, конечно, отказываюсь: у меня же никакого разряда нет. «Надо, Хабиб, очень надо». Ну, уговорил.

Пришел я к каменщикам. Смотрю, у них из восьми человек только один умеет работать. Какая это бригада — так, народ неумелый. Я с соседнего участка двух мастеров позвал — они и стали ядром бригады. Поставил их на углах, в середину тех, кто ничего не умел, и сам среди них. Учитесь, говорю, я тоже буду учиться. Ну и пошло. Кладем кирпич, смотрим, как у мастеров получается, со своей работой сравниваем — университет, в общем, на свежем воздухе. Так пять лет я пробригадирствовал без разряда, пока однажды кто-то из наших не сказал: «Нужен документ, какой из тебя бригадир без разряда?» Пошел — сдал, вот документ. Хорошо!

Сейчас я могу и по шестому разряду работать. Мне предлагали на шестой сдать, да я не согласился: есть в бригаде каменщики и получше меня, что они тогда подумают? Несправедливо это будет... Но когда свободная минута выдается, я ребятам предлагаю потренироваться на фигурную кладку — без раствора, кирпичом одним выложить круг или шестигранник. А что, может быть, завтра так и будем строить?..

Сколько лет уже работаю и всякий раз удивляюсь: ничего же на этом пустыре не было, только камни да грязь. А ты пришел, и поднимаются дома, появляются цветы на балконах, у подъездов дети играют. Жизнь! Ради этого стоит работать, учиться.

В молодости-то мне доучиться не пришлось. Война началась — отец и старший брат на фронт ушли. Я старший в семье остался, а семья большая — еще трое маленьких. Начал работать в колхозе с четырнадцати лет. Получал 300 граммов ячменя на трудодень. Потом сказали, кто будет ночью поле от кабанов охранять, тот получит 500 граммов. Я, конечно, первый побежал — 200 лишних граммов все-таки...

Война закончилась, жизнь все равно трудная была. Отец инвалидом пришел, скоро умер. Где тут учиться? Ладно, сказал я себе, потом доучусь. На работу я всегда жадный был, все умел делать. А там армия, потом семья... Сейчас вижу — учиться все равно надо, хотя и не юноша уже. Буду заниматься дома, потом экзамены сдам. Я смогу! Через два года восьмилетку закончу, а это уже кое-что, правда?».

Вот такой человек встретился мне однажды, вроде бы ничем не примечательный среди именитых, многими наградами отмеченных бригадиров. Но прочитайте внимательно его рассказ о себе: какая жизненная энергия, неуспокоенность, рабочая хватка, какой твердый характер!

У Хабиба Гариевича Гариева, заслуженного строителя Дагестанской АССР, кавалера ордена «Знак Почета», бригадира комсомольско-молодежной бригады имени 50-летия образования СССР, за плечами почти двадцатилетний стаж работы, авторитет среди коллег-бригадиров. С его мнением считаются и мастера и начальники строек. Его бригада на полтора года раньше срока выполнила девятую пятилетку.

Кажется, Гариеву ли беспокоиться об учебе? Да именно такие люди, дорогой читатель, не привыкли останавливаться на достигнутом. И если ему, бригадиру, потребовались новые знания, он их обязательно приобретет!

Советский характер — он прежде всего в том, как и чем живет человек, какие цели перед собой ставит, какую жизненную позицию занимает.

«Без чувства своей страны — особенной, очень дорогой и милой в каждой ее мелочи — нет настоящего человеческого характера. Это чувство бескорыстно и наполняет нас великим интересом ко всему», — так писал Константин Паустовский.

Чувство своей страны и проявляется в нас тогда, когда все наши помыслы направлены на то, чтобы служить ей с полной отдачей душевных сил. Когда нет ничего невозможного. «Раньше думай о Родине, а потом о себе»...

И вот еще о чем хотел я сказать в заключение.

Слово «герой» всегда было очень весомым. Когда о ком-нибудь говорят: он совершил подвиг, мы чаще всего представляем его богатырем. Не может он быть таким, как мы, если сделал такое...

Я вот, например, долгое время считал Павку Корчагина старше, чем он был. А ведь ему было всего пятнадцать, когда его приняли в комсомол, шестнадцать, когда он участвовал в сражении и был ранен, восемнадцать, когда стал секретарем райкома, двадцать, когда вступил в партию, двадцать четыре, когда его настигла слепота и полная неподвижность...

Подвиг, героическая жизнь вовсе не удел каких-то исключительных людей. Не надо ждать исключительных обстоятельств, чтобы показать, чего ты стоишь на деле.

Когда-то меня поразил герой рассказа Пантелеева «Честное слово». Мальчишку старшие ребята поставили будто бы часовым и взяли с него честное слово, что он не уйдет с поста без приказа. Игра давно закончилась, а про часового забыли, и он стоял до ночи, потому что слово дал... Вот о таком человеке можно определенно сказать, что он, став взрослым, будет в любой ситуации вести себя достойно. И тот, кто думает, что можно быть нечестным в мелочах, ошибается.

Бывают в жизни встречи с людьми, о которых долго вспоминаешь с уважением и благодарностью: так многому они научили.

Представь себе: весна. Ты с товарищами ходишь по лесу. Березы полны чудесного сока. Хорошо, сделав глубокий надрез, пить прохладную, чуть сладковатую влагу. Людей в лесу много — то тут, то там встречаются пораненные деревья. А что делает этот мальчик со стволом большой березы? Оказывается, он уже давно ходит здесь и лечит деревья — замазывает свежие раны глиной, которую специально накопал на берегу и носит с собой в ведерке... Вот так: один идет в лес с острым перочинным ножиком, чтобы сделать надрез на белом стволе, другой — с ведерком, чтобы ножевую рану залечить. Говорят мальчишке разные люди: «Тебе тут до конца жизни этой работы хватит!» А он только взглянет строго и продолжает свое. Я видел такого мальчишку, и он дал многим хороший урок. Не знаю, как его зовут, но знаю, что из него вырастет настоящий человек. Неравнодушный, добрый, мужественный.

Потому что мужество — это не только способность войти в горящий дом или броситься в бурную реку спасать тонущего, но и умение противостоять недоброй традиции, дурным привычкам. Характер человека проявляется независимо от возраста. Он формируется в детстве.

Разве ты можешь представить себе Тимура, который, став взрослым, оставил бы в беде своего товарища?

МАРШРУТАМИ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

И вспыхнет на Земле звезда!

М. СЕГАЛЬ

До сих пор на Земле получали энергию, главным образом сжигая уголь и нефть. Но с каждым годом приходится все больше топлива извлекать из недр земли: уже в 1980 году электроэнергии потребуется вдвое больше, чем в 1970 году...

Геологи упорно ищут новые месторождения. Нефтяные вышки можно встретить и в тайге, и в тундре, и даже в открытом море.

И все-таки рано или поздно придется отказаться от сжигания природного топлива. Во-первых, потому, что запасы угля и нефти исчерпаемы, ограниченны. Во-вторых, потому, что чем больше мы его сжигаем, тем больше загрязняем атмосферу сажей, золой и вредными газами.

Человечеству необходимо найти новые источники энергии. Один из них уже найден — **атомная энергия.**

Есть еще один источник, практически неиссякаемый и безопасный для природы и человека. Это **энергия Солнца и звезд,** благодаря которой существует жизнь на Земле.

Но владеть этой энергией необыкновенно сложно...

ИЗ ЧЕГО СДЕЛАНО СОЛНЦЕ?

Ученые отвечают: из водорода.

В центре нашего светила температура достигает пятнадцати миллионов градусов. При такой температуре нарушается строгое расположение ядра атома водорода и электронов, вращающихся вокруг него. Как говорят ученые, с атомов «обдираются» все электроны, и вещество превращается в смесь свободных осколков атомов...

В жаркой солнечной «топке» «раздетые» ядра атомов и их частицы (протоны, нейтроны) беспорядочно движутся, сталкиваясь и ударяясь друг о друга. При этом они соединяются между собой, выделяя огромный поток энергии.

Этот процесс называется **термоядерным синтезом.** Солнце, таким образом, оказывается космическим термоядерным реактором.

Рисунки Ю. БОНДАРЕНКО.

Преодолеть могучие силы отталкивания ядер можно, заставив их быстро двигаться. А как это сделать?

Вот простой пример.

Будем нагревать воздушный шарик. Смотрите, как он раздулся. Это молекулы воздуха внутри шарика от нагревания ускорили свой бег, стали все с большей силой ударять в оболочку шарика и растягивать ее.

Выходит, ускорить атомы можно, нагревая их! И чем выше будет температура, тем стремительнее они будут мчаться.

Термоядерный синтез требует десятков миллионов градусов. Только тогда ядра преодолеют силу отталкивания, сблизятся и сольются друг с другом, выплескивая огромный поток энергии.

При таких колоссальных температурах вещество переходит в новое, четвертое состояние — плазму. А плазма обладает удивительными свойствами.

Чтобы создать такой реактор на Земле — конечно, в более скромных масштабах,— нужны особые условия. Какие же?

АТОМЫ НУЖНО СБЛИЗИТЬ

Атомная энергия выделяется при **распаде** атомов. При **синтезе** (соединении) ядер атомов энергии выделяется гораздо больше. Только осуществить эту реакцию на Земле неизмеримо труднее.

Ядра атомов и их частицы нужно сблизить на расстояние в одну триллионную долю сантиметра! Как это сделать?

Вспомним еще раз, что атом похож на солнечную систему. В центре — ядро, вокруг него вращаются электроны. Ядра имеют положительный электрический заряд. И чем ядра ближе друг к другу, тем сильнее они отталкиваются. Это похоже на сжатие пружины. Вначале она легко сжимается, потом становится все труднее и труднее ее сжать.

ЧЕТВЕРТОЕ СОСТОЯНИЕ ВЕЩЕСТВА

Во Вселенной четвертое состояние вещества самое распространенное. Звезды, в том числе и наше Солнце,— гигантские клубки раскаленной плазмы. А наша Земля и планеты — лишь маленькие, твердые и холодные островки в океане космической плазмы...

На Земле плазма образуется при разрядах молний. Человек научился ее получать и использовать довольно давно. Раскаленная струя, которая бьет из сварочной горелки и легко плавит металл,— плазма. И в трубках светящихся вывесок тоже плазма. Правда, это «холодная», не космическая плазма. Ее температура — всего несколько тысяч градусов. Нам же нужна космическая, с температурой в миллион градусов. Только в такой плазме идет реакция термоядерного синтеза.

Как же на Земле получить, а получив, как удержать «звездное» вещество? Ведь все, к чему оно прикоснется, тут же расплавится, сгорит!

Непростая задача стоит перед физиками — создать и управлять искусственным солнцем на Земле. Решить эту проблему ученым помогла способность плазмы проводить электрический ток. Они стали управлять ею с помощью магнитного поля!

ВОЛШЕБНЫЙ СОСУД «ТОКАМАК»

Советские ученые первыми в мире придумали и построили тот волшебный сосуд, в котором можно удержать раскаленную плазму. Это трубка, свернутая в кольцо,— такая фигура называется «тор». У тора нет начала и конца, и плазме некуда из него убежать.

А сделан тор из металла.

— Позвольте,— скажете вы,— самый тугоплавкий металл, вольфрам, плавится при температуре в 3400°, а тут миллионы градусов!

Все дело в том, что плазма слушается магнита. Только невидимым магнитным силам покоряется вещество в четвертом состоянии!

На тор надевают магнитные катушки. Магнитные силы сжимают плазму в тонкий шнурок, шнурок этот висит в пустоте тора, не касаясь стенок. Вот почему стенки его не плавятся. Такая установка называется «Токамак» (от слов «тороидальная камера» и «магнитные катушки»). «Токамак» сейчас не менее знаменит, чем «спутник». Фотографии советских «токамаков» (а их построено уже больше десятка) обошли газеты и журналы многих стран мира.

Итак, сосуд для плазмы найден. Теперь надо добиться ровной, устойчивой работы «Токамака», чтобы плазма в недрах тора жила достаточно долго и давала энергию, как она дает ее в недрах Солнца. К сожалению, раскаленный плазменный жгут очень неустойчив. Он бурлит, извивается и в любой момент может коснуться стенок камеры и погаснуть.

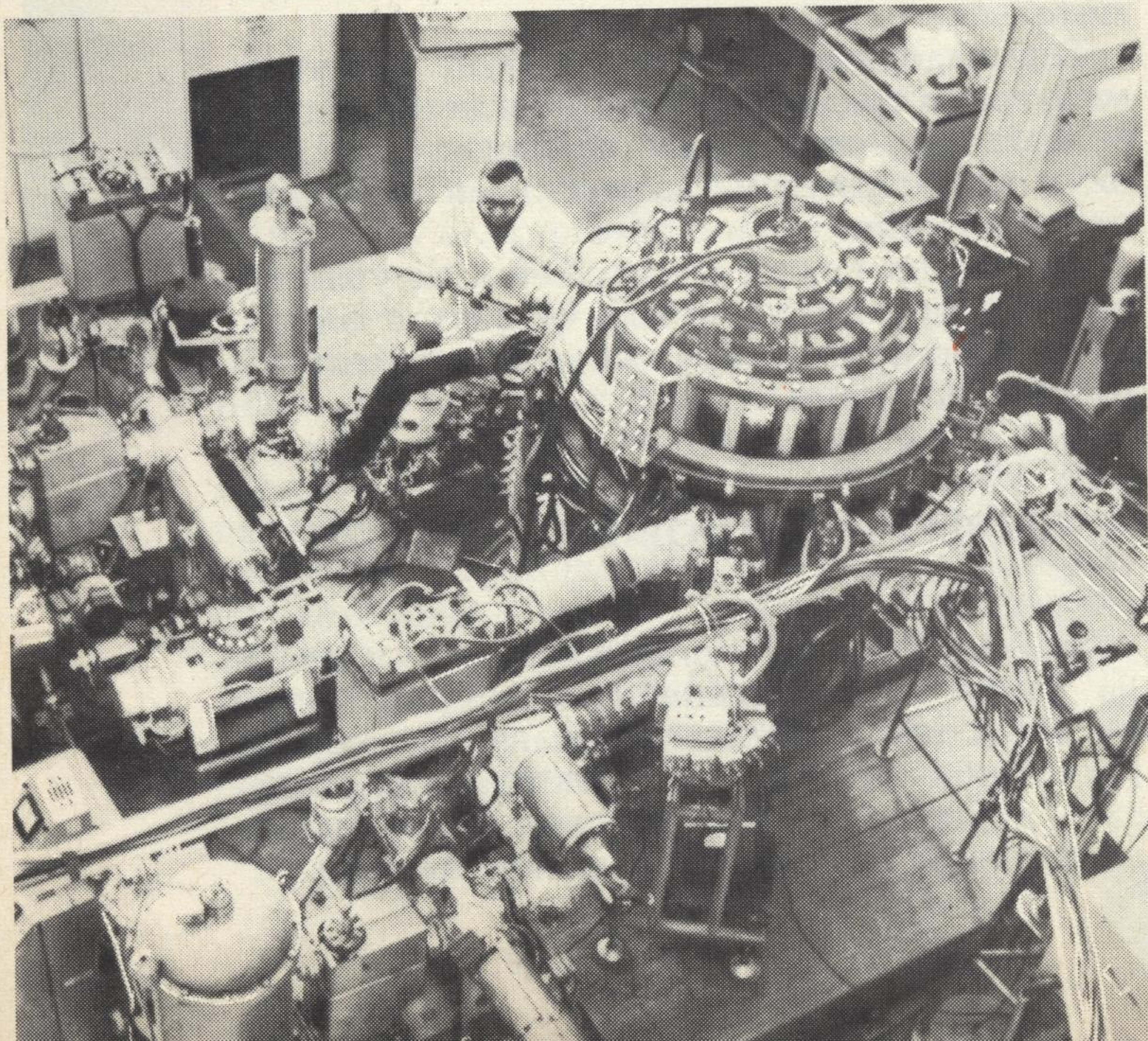
И тут на помощь приходят магнитные силы. Мощные магнитные поля окружают плазменный шнур невидимой оболочкой, делают его устойчивей, прочнее. Сотни опытов были проведены учеными, прежде чем им удалось добиться успеха. Вначале плазма существовала тысячные доли секунды, вспыхивала и тут же гасла. Сейчас она живет почти секунду. И, наверное, придет день, когда плазма будет давать энергию долго и равномерно.

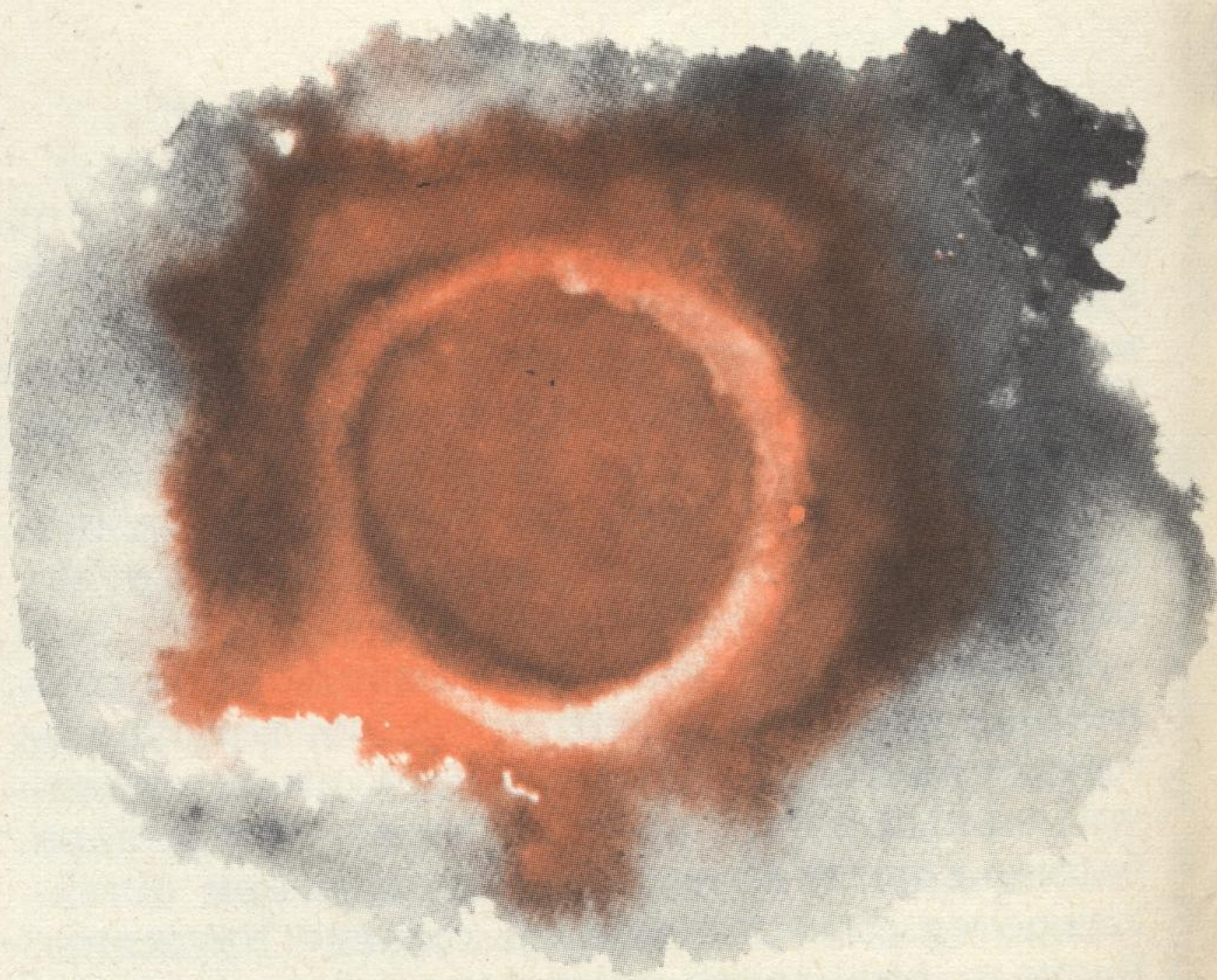
ТОПЛИВО НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Ученые решили: в термоядерных реакторах будущего топливом будет служить дейтерий.

Дейтерий очень похож на водород, но его атомы вдвое тяжелее. И на Земле запасы его просто неисчерпаемы! Ведь добывают дейтерий из обыкновенной воды! Из воды, которая покрывает многокилометровой толщей большую часть земного шара, из которой состоят полярные льды и подземные озера. В каждых десяти литрах обычной воды содержится полтора грамма необычной, тяжелой. А в

«Токамак-12» готов к новому эксперименту.

каждой молекуле тяжелой воды вместо двух атомов водорода два этома дейтерия!

Теперь ясно, что термоядерным реакторам топлива хватит на вечные времена. **«По всей вероятности, это будет самый безопасный для человека и природы объект»,**— сказал академик Е. П. Велихов.

СЛОВО — УЧЕНЫМ

Проблема энергетики сейчас одна из важнейших. Ею занимаются самые крупные ученые.

Вот что говорит об энергетике будущего президент Академии наук СССР А. П. Александров:

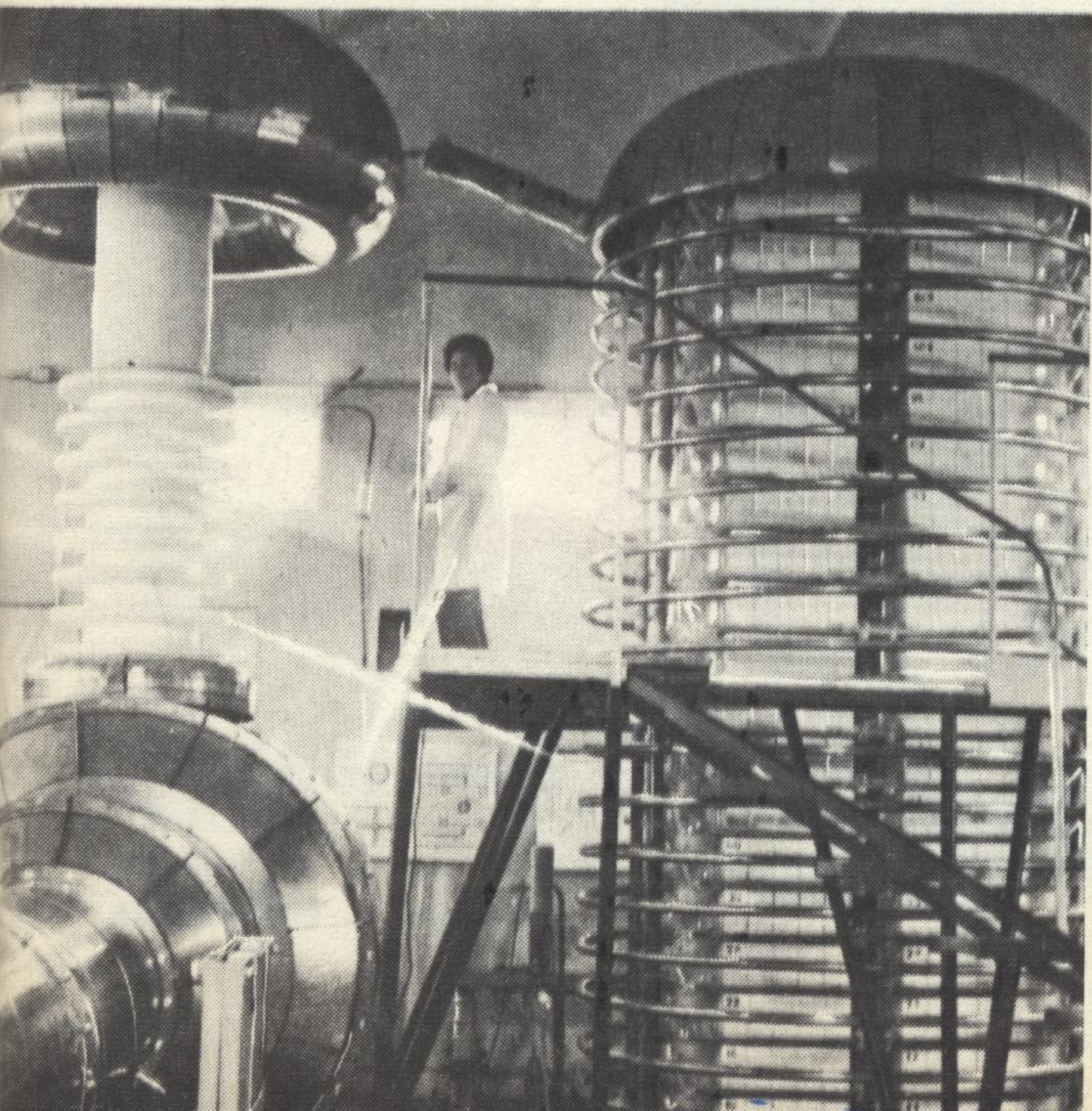
«По-видимому, появления первых объектов термоядерной энергетики на промышленной арене следует ожидать к концу нашего столетия. Это откроет перед человечеством необычайные горизонты...»

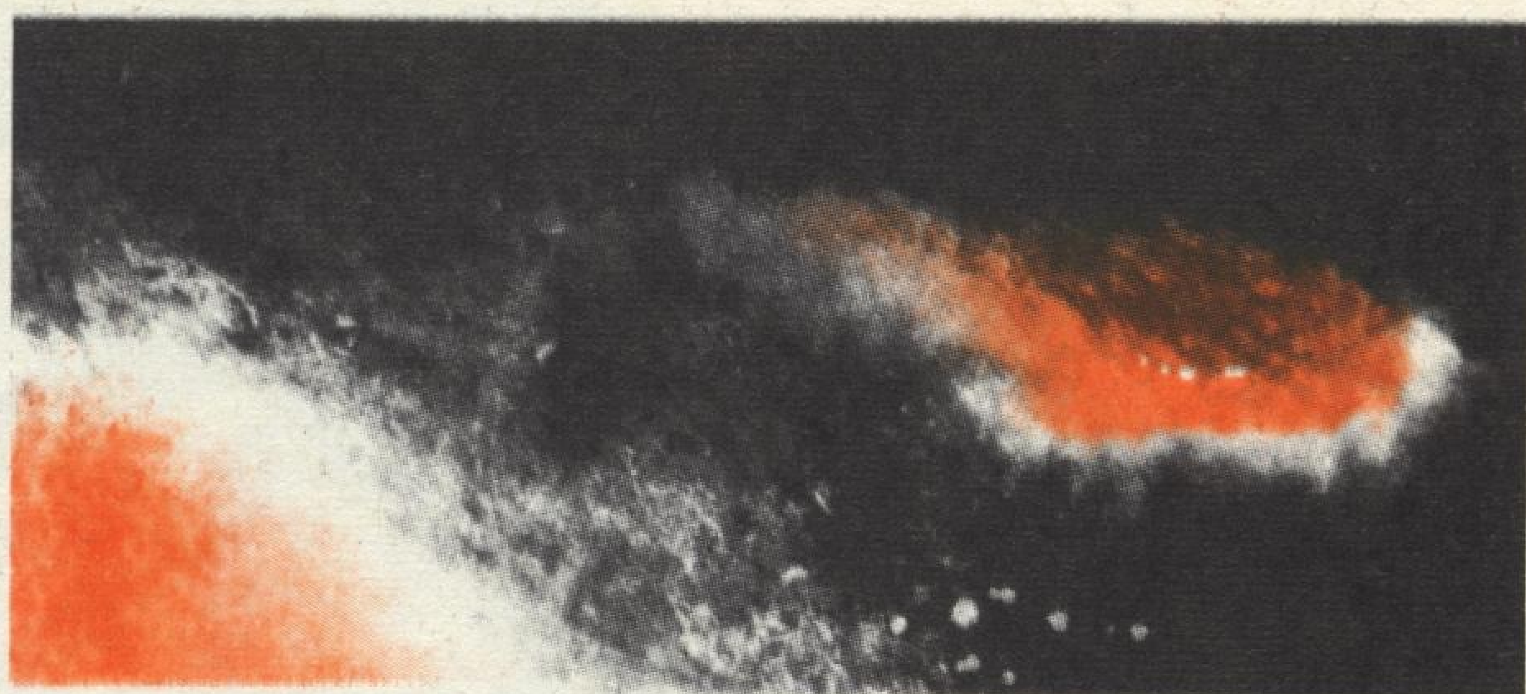
Один из ведущих ученых в области термоядерного синтеза — академик Е. П. Велихов. По его мнению, уже в 80-х годах будет создан демонстрационный реактор «Токамак». Энергии он будет давать, только чтобы себя «прокормить» (ведь мощные магниты, которые управляют плазмой, требуют немало электричества). Но такая установка очень нужна ученым и инженерам. Она поможет разрешить оставшиеся вопросы и сомнения.

Академик Велихов считает, что спустя еще примерно пять лет **«можно будет ставить вопрос о создании энергетического термоядерного реактора, а может быть, даже и термоядерной электростанции. Во всяком случае, до конца столетия она появится».**

По-видимому, вы будете современниками одного из величайших завоеваний человеческого разума и труда — овладения термоядерным источником энергии.

«Ангара-1» — так называется установка, ускоритель электронов для термоядерных исследований.

Раим ФАРХАДИ

КОСМИЧЕСКИЕ КАРТЫ

Над нами звезды
ясные,
Далекие
и близкие.
Мальчишки остроглазые
На них давно
прописаны.

Лишь вечер
опускается,
Над нами
зажигается
Свод
сине-голубой.
Наследникам Гагарина
Вся эта даль
подарена
И стала
их судьбой.

Когда уроки
сделаны
И сложены
учебники,
Мальчишки эти
смелые
Глядят
во все глаза:
Над крышами квадратными
Космическими
картами
Мерцают
небеса.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

ПОВЕСТЬ

Ковер-самолет

Окончание. Начало в №№ 7, 8, 9

Нам опять повезло: тети Вали не было дома. Виталька написал на бумажной салфетке: «Тетя Валя, мы будем гулять до вечера, а пообедаем у Олега».

— Думаешь, поверит? — спросил я.

— А что делать? — И Виталька решительно надел записку на копье старинного чугунного рыцаря (под этим рыцарем тетя Валя хранила письма и разные квитанции).

Мы спешили, но на этот раз у нас хватило ума одеться поплотнее, чтобы не продуло ветром при большой скорости.

— Лишь бы опять дождика не было,— пробормотал я, влезая в старую школьную гимнастерку.

— Не будет,— уверенно откликнулся Виталька.— День хороший, и все хорошо будет. Ключ достанем, собаку навестим...

Не знаю, почему мы решили, что ключ из лесного дома подойдет к замку на дверях колокольни. В глубине души я понимал, что надежды нет. Или почти нет. Но вся эта история становилась похожа на таинственную сказку, а кто откажется от сказки? К тому же, если есть ковер-самолет, почему не может быть других чудес?

И все же я бы подумал еще, лететь или не лететь, если бы не собака. Жаль ее и нехорошо как-то: словно бросили...

Мы взяли для собаки три сырых котлеты из холодильника, свежую горбушку и пять кусков сахара.

Потом развернули ковер на крыше.

— Может, хвост прицепим? — предложил я.— Среди бела дня летим...

— Некогда,— сказал Виталька.— Лучше пойдем на бреющем по огородам, а потом под обрыв.

...Мы летели без остановок, напрямую, и путь оказался совсем не таким длинным, как в прошлый раз. Часа через полтора мы проскочили темное озеро и увидели крышу старого дома.

Мы опустились у крыльца. Дверь, как и раньше, была приоткрыта. Мы вошли. Не было у меня такой робости, как в прошлый раз, но легкое замирание сердца было. Яркое солнце квадратами лежало на пыльном полу. Пол скрипел под нами. Мы остановились и прислушались. Кроме нашего дыхания, ни звука.

Виталька вдруг сказал:

— Часы стоят.

Мы бросились в маленькую комнату.

Часы и правда стояли. Цепь с гирей и ключом опустилась до самого пола. А на полу под часами лежала рыжая собака. Она уткнула морду в протянутые лапы. По ее загривку ползла желтая гусеница.

— Заснула,— прошептал Виталька. Потом чмокнул губами и сказал:

— Эй, собака! Вставай. Мы пришли...

Собака не встала и не пошла к нам. Даже не шевельнулась. Тогда мы подошли сами. Глаза у нее были открытые и неподвижные.

— Бедная,— сказал Виталька. Сел на корточки и без всякой боязни погладил мертвого пса.

Я тоже провел ладошкой по рыжей свалявшейся шерсти и щелчком сбросил гусеницу. Собака была очень худая, сквозь шкуру чувствовались твердые ребра.

И все же она умерла не от голода. Ведь жила же она раньше столько времени одна. Умерла она от одиночества или от старости. А может быть, от того и от другого. Наверно, знала, что умирает, а уйти не хотела, потому что ждала кого-то. И часы не хотела бросать.

Я встал и взялся за цепь, чтобы подтянуть гирю. Пускай тикают в память о собаке.

— Не надо,— сказал Виталька.

— Почему?

— Ну... ведь это не наши часы. А ее...

Да, он правильно сказал. Не должны мы их трогать. Даже не имеем права. А наши часы там, над городом. Они не должны стоять.

Я опять сел на корточки и отцепил от гири тяжелый ключ. И подумал: какие же мы дураки! Ведь ключ висел для дополнительного веса, без него часы не смогли бы идти.

Я сказал об этом Витальке. Но он отмахнулся:

— Подумаешь! Камень бы подвесили. А теперь уже все равно... А что делать с собакой? Не бросать же так.

— Лопату надо,— сказал я.

Лопату мы нашли в кухне за печью. Она была ржавая и тупая, но точить было нечем.

За домом, под кустом шиповника мы стали рыть яму. Трудная, конечно, оказалась работа. Корни мешали, и земля была не очень-то мягкая. Но мы ни разу не пожаловались друг другу и по очереди молча ковыряли лопатой чернозем и глину.

Когда край ямы стал выше колен, Виталька сипло сказал:

— Хватит, наверно...

Мы нашли у фундамента дома несколько лопухов и застелили яму. Потом принесли и уложили собаку.

Надо было зарывать. Но я не хотел, чтобы глиняные крошки падали на открытые глаза собаки и запутывались в рыжей шерсти. А лопухов больше не было.

Я стащил через голову гимнастерку. Все равно она была старая — та, в которой я два года назад собирался «бежать в леса».

— Берись за ворот. Рванем,— сказал я Витальке.

Мы дернули, ворот разорвался до подола, и гимнастерка распахнулась, как пиджак. Мы укрыли ею собаку. Правда, хвост и лапы остались торчать из-под сукна, но тут уж ничего не поделаешь.

Потом мы закопали собаку.

— Где-то я видел фанерку...— сказал Виталька.

Он сходил в дом и принес фанерный прямоугольник, похожий на крышку от посылочного ящика. Потом достал карандашный огрызок — как все художники, Виталька всегда ходил с карандашом, на всякий случай.

Он почесал огрызком свою переносицу с пятью веснушками, посмотрел куда-то сквозь меня, наклонился над фанеркой и написал:

«Здесь похоронена собака...»

Он подумал и переправил маленькую букву «с» на большую.

— Раз у нее имени нет, пускай это будет как имя. Правильно?

Я кивнул.

Мы приколотили фанеру к лопате и глубоко воткнули ее в насыпь.

Виталька писал дальше. Прямыми крупными буквами. И вот что получилось:

«Здесь похоронена Собака. Она жила в этом доме. Все ушли, а она жила. Она заводила часы».

Виталька поставил точку и очень серьезно посмотрел на меня.

— Что еще написать?

— Ничего больше не надо.

Мы вытащили из трухлявой двери два гвоздя (они едва держались), нашли под крыльцом половинку кирпича. Этой половинкой мы прибили фанерку с надписью к черенку лопаты. Прибивали долго: фанера была крепкая, ржавые гвозди гнулись. Мы оба поотшибали кирпичом пальцы, посдирали кожу с костяшек — больно было до слез. Но все-таки мы приколотили фанеру. А лопату глубоко воткнули в насыпь и вокруг кулаками утрамбовали землю.

Глава пятнадцатая

На обратном пути я невесело задумался и не сразу заметил, что летим мы не очень быстро. А когда заметил, хотел разогнать ковер-само-

лет. Но он почти не послушался: видимо, Виталька прочно управлял им.

— Скорее, — сказал я. — Зря теряем время...

— Ты же раздетый. Тебя ветром просквозит.

— Не просквозит, воздух теплый. Давай...

— Ага, «давай»! — ворчливо откликнулся он. — Ты и так уже сипишь от простуды.

Но я сипло говорил не от простуды. У меня от слез в горле скребло. Витальки я не стеснялся и честно объяснил:

— Это потому, что реветь хочется.

— Ну и пореви, — понимающе сказал Виталька.

У меня глаза уже были мокрые, но я сдержался и даже улыбнулся:

— Не буду. Ковер намокнет.

Я знал, что Виталька тоже улыбнулся, хотя и не видел его лица. Он сидел впереди, свесив ноги, а я лежал за ним и затылком упирался в его спину.

— Жалко собаку, да? — не обернувшись, сказал Виталька.

— Ага, — прошептал я.

Если разобраться, то велика ли беда? Ну, умерла собака. Старая, почти незнакомая. Чего тут горевать? Плакать можно, когда настоящее горе. А такое горе у меня было: когда в больнице сказали про отца...

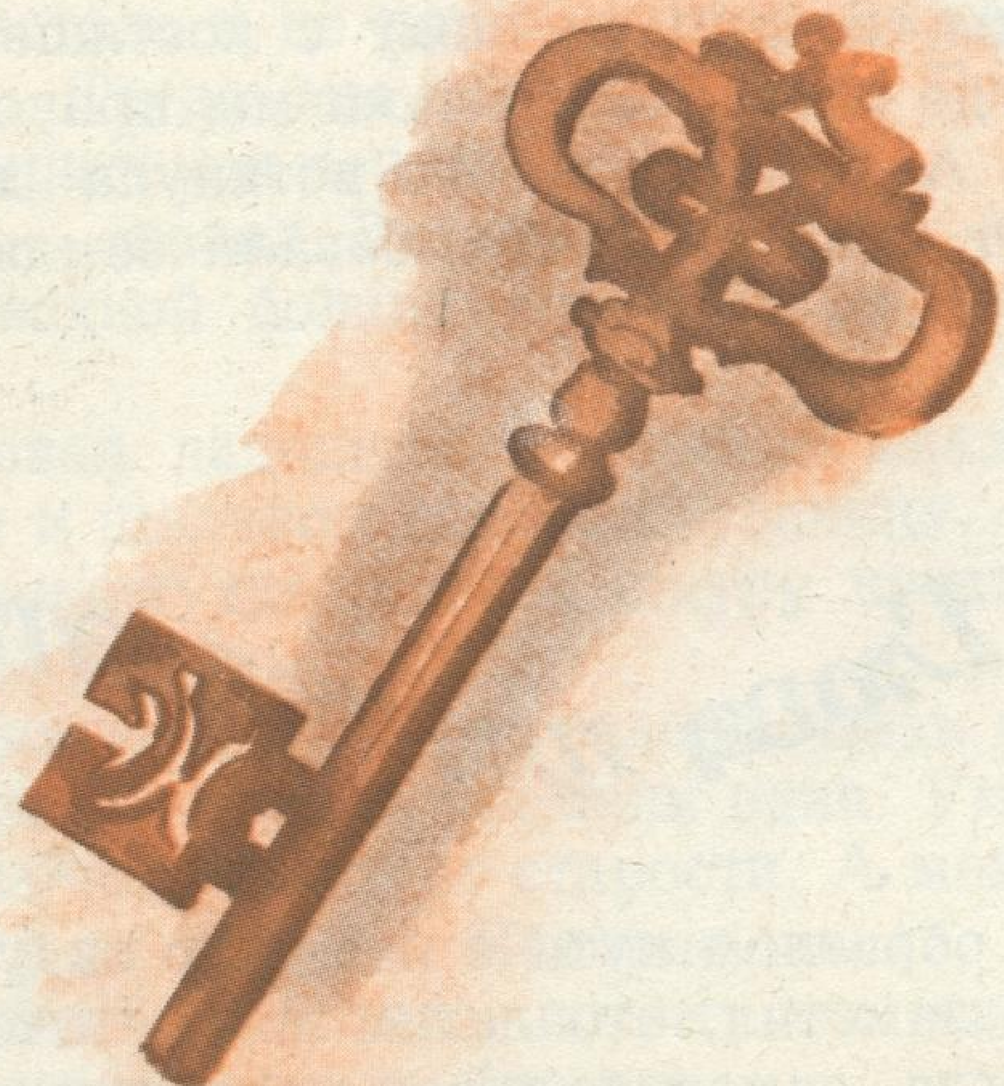
Я тряхнул головой: улетайте прочь все горькие мысли!

— Не дергайся, — сказал Виталька. — Ты мне затылком всю поясницу раздолбил.

— Бедная поясница, — вздохнул я и сел по-турецки. Положил перед собой ключ, который до этого не выпускал из ладоней.

Ключ был сантиметров двадцать длиной. Шестигранный, как у толстого карандаша, стержень, кольцо с завитушками и бородка со сквозным узором. И рыжие, как веснушки, пятна ржавчины.

*Я отцепил от гири тяжелый ключ.
Не знаю, почему мы решили,
что он подойдет к замку
на дверях колокольни.*

Виталька оглянулся.

— Дай-ка, я его в карман суну. А то уронишь.

— У тебя карманы всю жизнь дырявые, — сумрачно сказал я. Расстегнул пряжку и надел ключ на поясок. — Так надежнее.

— Ой, какие мы балбесы! — воскликнул Виталька. — Мы же не проверили!

Он вытащил серебряную бумажку с оттиском скважины.

Мы приложили конец ключа к отпечатку.

— Вроде бы подходит, а! — удивленным шепотом сказал Виталька.

— Ну и что? Это он снаружи подходит. А, думаешь, внутри повернется?

Ключ повернулся.

Самое удивительное, что повернулся без натуги и скрежета. Мягко и бесшумно, будто замок недавно смазали.

Мы с Виталькой переглянулись, не обрадованно, а скорее с испугом. Потом взялись за медное кольцо на двери и потянули. Дверь отошла тяжело, но без задержки и скрипа.

Перед нами словно вздохнул проснувшийся великан — дверь была как темная пасть, и оттуда качнулся нам навстречу сумрачный влажный воздух.

Мы постояли на пороге. Потом я спросил шепотом:

— Ну, идем?

Виталька кивнул, оглянулся, погрозил кулаком Ветке и шагнул в полумрак. Я за ним.

Ветка осталась в засаде, в лопухах и репейниках у монастырского дома.

Нам нужна была засада. Охрана. Потому что многое было непонятным и начинало казаться опасным. И вот из-за чего...

Накануне мы прилетели домой рано, без приключений. Тетя Валя даже не начинала еще волноваться. Казалось бы, надо радоваться. Но Виталька ходил сумрачный. И сказал наконец:

— Не нравится мне это...

— Что?

— Да эти, из музея. Чего этот Федя все время бледнел и заикался? И не похож он на альпиниста.

Я обеспокоенно задумался. И правда, не похож.

— Значит, все-таки из милиции, — уныло сказал я.

Виталька пожал плечами.

— Не знаю... Не похоже. Ключ им давать не надо. Надо сперва самим посмотреть, подходит ли. А если подходит, разведать, что там...

— Сейчас? — спросил я.

Мы виновато посмотрели друг на друга. Мы крепко устали после полета. Близился вечер, и сумерки старой колокольни нам не казались уютными. А кроме того, меня ждали дома дядя Сева и мама! Я их так давно не видел — целых два дня!

— Завтра утром, — решил Виталька. — Пораньше, пока эти Эдики и Феди не пришли.

Рано утром я свистнул с улицы Витальке, и он выбрался ко мне через крышу. Я побренчал в кармане мелочью.

— Давай на автобус! Быстрее доберемся!

Виталька почесал переносицу и предложил:

— Сначала забежим за Веткой.

— Зачем?

— На всякий случай. Чтобы на страже была.

— Тогда лучше Ветерок.

— Он без спросу не пойдет, а мать его не пустит, пока не позавтракает. Да еще нас кормить начнут. Провозимся...

Это он правильно сказал.

Мы побежали к Ветке. Забрались в палисадник и заглянули в окно.

Ветка в синем купальнике делала зарядку. Это была не просто зарядка. Держась за спинку кровати, Ветка вставала на цыпочки и выполняла всякие балетные упражнения. Солнечные зайчики прыгали по Веткиным плечам и вспыхивали на никелированной кроватной спинке.

Виталька вздохнул и залюбовался. Я, по правде говоря, тоже загляделся: хорошо у нее получалось. Но я вспомнил о деле первым. Сердито пихнул Витальку локтем и стукнул костяшкой по стеклу.

Ветка оглянулась, застеснялась, потом, видно, слегка рассердилась на нас. Подошла и распахнула окошко.

— Вам чего?

— Дело, — сказал Виталька.

— А Саня где?

— Саня, наверно, еще дрыхнет, — объяснил Виталька. — А ты собирайся. Дело нешуточное, нам часовой нужен.

Ветка пожала плечами, но в одну секунду накинула платье и выпрыгнула к нам.

— Что за часовой? Что за дело?

— Мы и сами толком не знаем, — серьезно объяснил Виталька. — Ты, главное, сиди и карауль. Если надо, мы крикнем, что делать.

Ветка молодец. Она не стала приставать с расспросами, а сказала:

— Айда!

Мы побежали к автобусной остановке.

На улицах было пусто, свежо и солнечно. Ветер запутывал нам волосы и трепал короткое Веткино платье, похожее на пеструю мальчишечью рубашку. У меня на поясе прыгал тяжелый ключ и колотил по бедру. Мы спешили навстречу приключениям.

Шагнув через порог колокольни, мы прикрыли за собой дверь: чтобы незаметно было, что она не заперта.

Огляделись.

В кирпичной толще на разной высоте были пробиты узкие оконца — как бойницы. Солнце ярко било в них, разрубая сумрак широкими плоскими лезвиями.

Пол был выложен гранитными плитами. В центре площадки плиты были треснувшие и сильно продавленные: на это место грохнулся колокол.

Мы посмотрели вверх: пробитый потолок, поломанные балки. У стены — сложенная из кирпича лестница ведет к люку.

— Полезли? — спросил Виталька.

— Ага.

Мы забрались на второй этаж.

Здесь, как и на первом этаже, светились оконца-щели. И так же пахло известкой, камнем и влажными кирпичами. Но не было такой тишины. Раздавался ритмичный стук, разбавленный тонким дребезжанием.

— Часы стучат, — прошептал Виталька. — Ой, Олег, смотри...

Я оглянулся. За спиной у нас была большая и глубокая ниша.

В ней виднелось зубчатое колесо с метровым рычагом. Точнее, не колесо, а зубчатый барабан, который надет на торчащую из стены ось. По обеим сторонам барабана тянулись мощные цепи. Это они тихо дребезжали от работы механизма.

Цепей было три. Они спускались из круглых отверстий в сводчатом потолке ниши и уходили в такие же отверстия в кирпичном полу. Только одна цепь не уходила — на ней висела ржавая граненая гиря размером с большой молочный бидон.

— Смотри, — шепотом сказал Виталька. — Движется...

Гиря медленно, но все же заметно для глаз ползла вниз. До кирпичного пола ей оставалось полметра. Видимо, это был конец ее пути. Скоро гиря стукнется о кирпич, и часы замрут.

Наверно, еще никогда гиря не касалась кирпича, иначе там остался бы след от такой тяжести. А следа не было.

Виталька хотел что-то сказать, но в этот миг вверху ударили часы: бомм-бах! Половина восьмого... Из пустой круглой дыры в своде ниши выползла наполовину и тихо закачалась еще одна гиря.

Я сразу понял, что она от часовых колоколов. В тети Валиных часах так же опускалась и покачивалась гиря, когда просыпалась кукушка.

— Не больше чем на два часа хватит, — сказал я.

Виталька решительно посмотрел на меня.

— Гири поднимают этой штукой. — Он кивнул на рычаг и барабан.

Я и сам догадался. Но как эта штука действует?

А Виталька уже понял, как.

— Берись. Тяни ее на зубцы.

Мы не без труда откачнули в сторону одну цепь и надели на шипы барабана. Потом взялись за рукоятку на конце рычага.

— Поехали...

Это было похоже, будто мы из колодца вытягиваем воротом тяжелую бадью. Только вместо бадьи гиря, и ползет она не снизу — к нам, а от нас — вверх.

Башня заполнилась рокотом и лязгом. С цепи посыпались чешуйки ржавчины. Ее конец заскользил с барабана вниз, и стало слышно, как цепь со звоном укладывается на каменном полу подвала.

Гиря уползла в дыру на потолке.

— Ура... — выдохнул Виталька.

Чтобы вертеть рычаг, нам приходилось то вставать на цыпочки, то приседать. Работка была нелегкая. Я машинально считал обороты и на десятом сказал:

— Фу... Отдохнем. А долго нам еще крутить?

Виталька прищуренно посмотрел на барабан.

— Если его вокруг измерить, около метра получится. Ага? А до часов сколько?

— Метров тридцать... Значит, еще двадцать раз надо крутнуть.

Ну что ж, мы вертели. Отдыхали и опять вертели. Подняли сначала гирю для стрелок, потом гирю для боя.

Вертеть рычаг — работа была не из легких.

Выпрямились. Вытерли коричневыми от ржавчины ладонями сырые лбы. Улыбнулись. Нам казалось, что часы теперь стучат по-иному: празднично и благодарно.

И вдруг в это медное стуканье вмешался другой звук. Кто-то скреб железом о железо. Внизу.

Мы не сразу поняли, что там такое. Но лязганье продолжалось, и скоро стало ясно: кто-то ковыряет в замке ключом. Не нашим ключом. Наш-то висел у меня на поясе.

Мы притаились, сидя на четвереньках у края провала.

Дверь наконец приоткрылась, впустив солнечный свет. И в этом свете мы узнали наших знакомых: крючконосого Эдика и белобрысого Федю-верхолаза.

— Не заперто, — зло сказал Эдик. — Тебе что, лень было ключ повернуть, идиот?

— Заткнись, — хмуро отозвался Федя. —

Я поворачивал два раза, чуть пуп не сорвал. Кто-то был...

— Пацаны, — полушепотом сказал Эдик. И глянул наверх.

Я посмотрел на Витальку. Что делать? Может, сразу сказать, что мы здесь? Теперь все равно не уйдешь...

Но Виталька смотрел не на меня. Куда-то мне за спину. И прижимал палец к губам.

Я оглянулся. И увидел то, чего мы не заметили сразу, потому что заняты были часами. В другой стене тоже была ниша. А в ней друг на друге стояли фанерные ящики и лежали зашитые в мешковину тугие тюки.

Мы умели понимать друг друга без слов.

«Ясно, кто они такие?» — глазами спросил Виталька.

Я вспомнил разговоры про ограбленные магазины. Мне стало зябко и даже слегка затошнило. Я мигнул: «Ясно».

А те двое стояли и смотрели вверх.

Глава шестнадцатая

Да, они стояли и смотрели вверх...

Надо признать: в сложных обстоятельствах Виталька вел себя умнее и храбрее, чем я. Оказалось, что и в этот раз мы думаем о разном.

Я думал, как бы унести ноги.

А Виталька совсем о другом.

Он вдруг встал на краю провала и беззаботно, будто своим приятелям, крикнул:

— Здрасте! А мы уже здесь!

Крючконосый Эдик вздрогнул, зыркнул по сторонам, потом запоздало заулыбался. А Федя заморгал и сказал:

— Вы там это... чего?

— Часы заводили! — весело объяснил Виталька. — Ух, и умаялись! Жалко, что вы поздно пришли...

Он дернул меня за воротник, чтобы я поднялся. Пришлось встать.

— Ага! — с натянутой улыбкой воскликнул Эдик. — Ранние птички! Раньше нас прилетели! Ну, спускайтесь, поговорим.

— А зачем? — дерзко сказал Виталька. — У вас ведь ключ-то есть. Чего вы нам мозги пудрили.

Эдик вздохнул и опять деревянно посмеялся:

— Ну, лихой вы народ. Все замечаете, как разведчики. Ключ мы нашли. Сегодня утром в музейном подвале рылись, и вот повезло.

Виталька подбородком показал на Федю:

— А он чем вчера дверь запирал? Пальцем?

Эдик перестал смеяться. Негромко, но уже с угрозой он потребовал:

— Спускайтесь. Тогда и поговорим.

— Успеем, — дурашливо ответил Виталька. — Тут еще надо порядок навести: кто-то ваши ящики рассыпал.

— Кто рассыпал?! — заорал Федя и бросился к каменным ступеням.

Виталька дернул меня за локоть, и мы по шаткой деревянной лесенке взлетели на третий этаж.

Там Виталька опять подтащил меня к провалу.

Я чуть не плакал — не столько от страха, сколько от Виталькиной глупости.

— Зачем ты сказал про ящики? Теперь они нас не выпустят.

Виталька сердито и весело глянул на меня.

— А зачем нас выпускать? Надо, чтобы их не выпустить. А то утекут, и не найдешь!

— А как... — начал я, но Виталька заглянул в дыру и довольно издевательски произнес:

— Напугались, бедненькие? Да не трогали, не трогали мы ваши товары. Пусть их милиция трогает.

Эдик и Федя яростно смотрели на нас. У Феди на прозрачном носу опять блестели капельки. У Эдика шевелились скулы.

— Гады, — хрипловато сказал Федя. — Настучать хотите? Я вас это сейчас... кишки на шею намотаю.

Мы не стали ждать, когда они доберутся до наших кишок, и снова бросились к лестнице. Здесь она была разбита. Сохранились только отдельные балки и верхние ступеньки. Виталька подпрыгнул, вцепился в перекладину и крикнул:

— Подсади!

Я ухватил его за ноги и изо всех сил толкнул вверх. Виталька подтянулся, сел на ступеньку и протянул мне руки:

— Давай!

Ух как бухало у меня сердце! Мне показалось, что Эдик и Федя сию секунду ухватят меня за щиколотки. Отчаянно дрыгая ногами, я кое-как забрался к Витальке. Потом мы ухватились за кромку люка и оказались на четвертом этаже.

— Берись! — приказал Виталька и, нагнувшись над люком, ухватился за обугленный брус, на котором держались хлипкие ступени.

Я понял! Мы дружно расшатали балку, и она рухнула, чуть не придавив Эдика и Федю, которые лезли за нами.

— Ну, детки, это вам будет стоить дорого, — пообещал Эдик.

— Сколько? — бесстрашно спросил Виталька.

— Столько, сколько заработали... Слушайте, парни, спускайтесь сами, а то хуже будет.

— Зачем это нам спускаться? — спросил Виталька. — Мы высоту любим.

— Вы с этой высоты сейчас... Ни в одной мастерской не склеят...

— Сперва поймайте!

Эдик и Федя стали прислонять к стене балку, чтобы по ней добраться до нас.

— Так-так, — сказал Виталька. — Работайте. Привыкайте. Там, куда вас посадят, все равно придется работать.

Федя коротко всхлипнул и поглядел на нас так, что у меня зубы застучали.

— Не трусь, — сказал Виталька.

— Вовсе не трушу, — из последних сил сказал я. А на самом деле трусил так, как никогда в жизни.

Я не мог понять, чего хочет Виталька. Зачем он дразнит этих бандитов? Куда мы денемся? Может, он забыл, что у нас нет с собой ковра-самолета?

Эти мысли прыгали у меня в голове без всякого порядка. Да и какая разница теперь? Вниз все равно не пробьемся. Сейчас — только вверх и вверх, чтобы не попасть в лапы к разъяренным жуликам.

Сопя и ругаясь, Эдик и Федя стали карабкаться к нам по балке.

— Молодцы, — сказал Виталька. — Физкультура полезна всем. Эдик, не наступи Феде на нос, а то он станет совсем прозрачный.

— Давай толкнем балку, — торопливо предложил я.

— Успеется, — сказал Виталька шепотом. — Надо, чтоб им потом спускаться было трудно. Айда наверх!

Мы стали забираться на пятый ярус. Здесь лестницы совсем не было. По правде говоря, я не помню, как мы лезли. По каким-то брусьям, кирпичным выступам и доскам, от которых отскакивали обугленные щепки. Виталька сначала подталкивал меня, а потом оказался впереди и выволок меня в люк за шиворот.

Над нами, на шестом этаже, гулко стучал механизм часов. Туда вели крепкие ступени, только самый низ лестницы был разломан и не доставал до пола.

Мы забрались на лестницу.

— Держи меня крепче, — велел Виталька и лег животом на ступеньку. А ногами крепко ударил по полу. Разрушенные доски и балки закачались, затрещали. Виталька ударил еще раз. Остатки пола крякнули и стали проседать — видимо, они едва держались. Потом раздался треск, и старое дерево посыпалось вниз.

Оттуда послышались вопли и слова, которые трудно передать.

— Хорошо, — с чувством произнес Виталька.

— Чего хорошего-то? — чуть не плача, сказал я. — А мы как спустимся?

— Как-нибудь спустимся. Нам пока наверх надо. Пошли!

Мы без остановки проскочили этаж с механизмом и выбрались на площадку с колоколами.

Солнце и синий воздух кругом! И облака, и зеленая земля, и река! Неужели внизу копошатся какие-то бандиты? Неужели здесь, при таком радостном свете, с нами может случиться что-то плохое?

Виталька торопливо расстегнул на мне ремешок и сдернул ключ. Потом подскочил к перилам и перегнулся через них.

— Ветка-а!!!

Верно, ведь там Ветка. А я и забыл с перепугу!

Я видел с высоты, как замелькало на монастырском дворе пестрое Веткино платье. Она выскочила из лопухов и остановилась, задрав голову.

— Слу-шай! — громко и отчетливо прокричал Виталька. — Лови ключ! Запри дверь. Обязательно запри дверь! И беги в милицию! В колокольне жулики!

Ключ, посвистывая, ушел вниз и звонком запрыгал по камням. Ветка схватила его.

Внизу под нами раздалась ругань, загремели доски. Видно, преследователи остались целы и, услышав про милицию, торопились вниз, к двери.

— Запирай скорей! — заорал Виталька. — Не спрашивай ничего, запирай!

Мы оба перегнулись вниз до отказа, но трудно было понять, справилась ли Ветка с дверью.

Внизу что-то грохотало и сыпалось, а что делает Ветка, мы даже не видели — она была скрыта дверной нишей. Кажется, сто лет прошло! И наконец она выскочила на солнце, замахала ключом:

— Го-то-во!

— Беги в милицию! — крикнул Виталька.

— А вы?!

— Мы продержимся! До нас они не доберутся!

Я не знаю, что думала Ветка и какие переживания отражались у нее на лице — с высоты лица не разглядишь. Но она без лишних слов рванула с места и помчалась к монастырским воротам. До нас пулеметным стуком долетело щелканье ее подошв.

Внизу раздались гулкие удары. Это Эдик и Федя лупили по двери.

Мы легли на пол и заглянули в провал. После яркого солнца ничего нельзя было разглядеть в темной глубине. Но удары не смолкали, и слышались голоса:

— Открывайте. Гады! Хуже будет!

Я усмехнулся. Страх ушел, и я был уверен, что хуже не будет. Что они сделают? Сюда не доберутся, потому что мы крепко поломали перекрытия. А если бы и добрались, разве посмели бы нас тронуть? Им тогда еще больше достанется! И сбежать им некуда: такую дверь только из пушки можно разбить. Виталька здорово все рассчитал!

Я весело поглядел на него. Виталька улыбался. Его веснушки на переносице сияли, как начищенная медь. Правда, на той же переносице была ссадина, на щеках сажа, а на рубашке — дыра, сквозь которую проглядывало поцарапанное пузо.

— Хорош! — сказал я.

— Ты тоже ничего, — радостно сообщил он. — Тетя Валя нам даст!

Я сел на краю провала, бесстрашно опустил в него ноги и засвистел песенку мальчика Дэви из фильма «Последний дюйм»:

В далекой северной стране,
Где долгий зимний день,
В холодной плещется волне
Ма-
лень-
кий
тю-
лень!

— Свистите? — громко донеслось снизу. — Ну, обождите, паразиты!

Мне снова стало нехорошо от страха. А Виталька деловито заметил:

— Кажись, опять сюда собираются...

Он подошел к перилам, ухватился за балясину и пошатал ее. Балясина была, видно, гнилая. Она поддалась и затрещала.

— Помоги, — сказал Виталька.

Я торопливо помог, и мы выдернули из гнезд точеный столб, который был ростом мне по плечо. Потом выдернули еще два. А больше не могли.

Виталька взвесил балясину в руках и задумчиво произнес:

— Ничего дубинушка.

Снизу донеслись приглушенные голоса и сопение. Мы опять заглянули в провал. На четвертом этаже Федя и Эдик мастерили из упавших балок лестницу.

Эдик поднял лицо. На него упал из бойницы луч, и мне стало совсем не по себе. Страшное было лицо, что и говорить.

— Ну, детки, вам не жить. Салатик будем делать, — хрипло сказал он. И я увидел у него длинный тонкий нож. Мой нож! Тот, что я уронил в провал ночью.

Виталька впервые взглянул на меня с открытой тревогой. Дело было скверное. Видно, жулики дошли до такого отчаяния, что им на все теперь было наплевать.

Самое было время зареветь во весь голос от страха. До сих пор горжусь, что не заревел. И Виталька тоже. Он вскочил, схватил балясину и, как торпеду, пустил ее в жуликов.

«Торпеда» не зацепила Эдика и Федю. Она отскочила от балки и с грохотом полетела вниз.

Они даже не посмотрели на нас. Молча продолжали карабкаться. Я взял вторую балясину.

— Подожди. Экономь снаряды, — серьезно сказал Виталька.

Мы сделали ошибку. Надо было спуститься на пятый этаж и отбиваться от врагов, пока они ползут по балкам и едва держатся. А мы остались на верхнем ярусе. Мы ждали, что вот-вот, как в хорошем фильме, ворвется на монастырский двор синий милицейский фургон.

Но там было пусто и тихо. Лишь на окрестных улицах мелькали крошечные фигурки пешеходов. Не докричишься, не позовешь на помощь...

Сколько прошло времени? Совершенно не представляю. Наверно, немного, потому что с тех пор, как в башне появились наши враги, ни разу не били часы. Но нам казалось, что мы здесь целый день.

Эдик и Федя выбрались на пятый этаж, и мы потеряли их из вида. Только было слышно, как они шепотом ругаются.

Этот шепот наводил на меня ужас.

Наконец белобрысая Федина голова показалась над краем люка. Я метнул в нее свою «торпеду». Федя завопил и пропал, внизу что-то загремело.

— Хорошая будет шишка! — восторженно заметил Виталька.

Но тут же нам стало не до веселья: сквозь доски яростно протолкался в люк Эдик. Исцарапанный, оборванный, злой до беспамятства. С моим ножом в кулаке.

Теперь между нами был только один этаж и крепкая лестница — такую не разломаешь.

Виталька встал над люком, расставив ноги, поднял свою балясину и сказал:

— Попробуй, сунься, бандюга...

Я оглянулся в поисках оружия. Палку бы или камень... Ничего нет!

А внизу по-прежнему пусто!

А если закричать изо всех сил, может, услышат?

Но, несмотря на опасность, кричать я почему-то не мог. Не мог заставить себя заорать над всем городом «помогите»!

А если ударить в колокол?

Я вскочил на перила и хотел дотянуться до колокола, который висел в арочном проеме. Это был самый большой из тех, что сохранились. Громадный! И звон у него, конечно, могучий...

Но как дотянешься? В проушину чугунного языка была вплетена толстая веревка, но от нее остался лишь гнилой обрывок. А до обрывка — метра два пустоты.

Я балансировал на перилах, держась за кирпичный выступ. И вдруг кирпич шевельнулся у меня под пальцами. Видно, выступ сорок лет назад расшатало взрывом.

Я испугался, что потеряю равновесие, и прыгнул на пол. Кирпич упал к моим ногам и развалился на три куска.

Я схватил обломок!

Размахнулся и пустил его в край колокола! Изо всех сил!

Дон-н!!

И еще раз!

Дон-н!!

Уши заложило. Я видел, что Виталька что-то говорит мне, но не понимал. Удары прозвучали так, что казалось, будто колокол упал и накрыл меня своим гудящим куполом. Я присел, помотал головой, нащупал на полу третий кусок...

Дон-н-н!!

Нужны были еще камни! Я опять прыгнул на перила и, срывая ногти, стал выламывать кирпич. Тот не поддавался. Ногти сорвались, и я чуть-чуть не полетел с колокольни. Мучительным напряжением мускулов я восстановил равновесие и выровнялся. И с отчаянием посмотрел вниз...

Снизу стремительно поднимался к нам ковер-самолет. На ковре бесстрашно стоял Санька Ветерок, его зеленая рубашка трепетала на ветру.

— Виталька! Ковер! — заорал я, не слыша себя.

Ковер-самолет с Ветерком повис на уровне перил.

Виталька оглянулся и просиял. Потом швырнул в люк свое оружие, почему-то захохотал и кинулся к нам.

Мы стремительно спустились вдоль колокольни к самой земле, пронеслись над булыжниками двора, перемахнули через стену, скользнули под обрыв и там приземлились на уступе, укрытом со всех сторон высокой полынью и бурьяном.

У меня в ушах еще не утих гул, и я не сразу понял, что говорит Ветерок. Он говорил возбужденно и быстро:

— ...На стекло наступила и хромает... И говорит «Беги в милицию»! А я подумал: вдруг эти вас там схватят? И скорей за ковром!

— Значит, у тебя получилось! — радостно сказал Виталька.

Ветерок заулыбался.

— Я и не думал, получится или нет. Надо же было выручать. Я через крышу к вам на вышку забрался, вытащил, расстелил и как крикну: «Вперед»! И будто сам полетел, без ковра даже... А потом смотрю — он подо мной.

— Кто-нибудь видел? — спросил Виталька.

Ветерок покачал головой.

— Я же не прямо. Я сперва к реке и вдоль обрыва. Я же понимаю.

— Что ты понимаешь! — сказал Виталька. — Ничего ты не понимаешь! Какой ты замечательный человек, ты нисколечко не понимаешь!

Он облапил Ветерка за плечи и, радостно хохоча, повалил на ковер. Я тоже захохотал и повалился на них, и получилась куча-мала. И так мы вопили от счастья и барахтались, пока не съехали с ковра в бурьян. Тогда мы успокоились и притихли. И вспомнили, что у Ветки порезана нога.

— Сильно порезана? — спросил Виталька.

— Не очень, — сказал Ветерок. — Просто бегать быстро не может... Что это? Вон там, наверху. Слышите?

Наверху нарастали гудки и сирены. К башне мчались автомобили.

Глава семнадцатая

Мы так и не узнали точно, что стало с Эдиком и Федей. По городу расползались фантастические слухи. Кто-то говорил даже, что на колокольне свила гнездо целая банда, там хранились громадные запасы золота и оружия. Многие утверждали, что была перестрелка между бандитами и милиционерами. Бабки шептали, что большой колокол ударил сам собой, чтобы люди наконец вспомнили про грехи и заодно изловили воров.

Виталька, Ветка, Ветерок и я слушали эти сказки и украдкой хохотали. Правда, порой нам делалось страшновато: вдруг узнают про ковер-самолет? Но никто не узнал.

Хорошо, что тетя Валя и мама не любили слухов и сплетен. А то бы они быстренько догадались, что на колокольне без нас не обошлось.

А Эдика и Федю нам было даже чуточку жаль. Мы представляли, как они в милиции рассказывают про двух мальчишек, забравшихся к самым колоколам и пропавших неизвестно куда. А им никто не верит! Обидно, когда говоришь правду, а тебе не верят.

Прошло несколько дней, и слухи стали утихать, город постепенно забывал таинственную историю.

А часы шли...

После приключений на колокольне мы долгое время не летали: пошли дожди. Но мы не очень скучали. Снова развернули в боевой порядок свои картонные армии и устраивали такие сражения, что тети-Валина люстра бренчала всеми подвесками. Несмотря на ковер.

Прибегали мокрые, веселые Ветерок и Ветка и тоже включались в наши бои.

По вечерам Виталька рисовал картину из мушкетерской жизни. На картине были темные дома с желтыми окошками, большая луна, горбатый мостик и всадники в шляпах с летящими по ветру перьями. Лошади у Витальки не очень получались — они были похожи на больших собак. А все остальное выходило здорово.

Я выстругивал из досок тонкие мушкетерские шпаги и приделывал к рукояткам щитки из консервных банок.

А ковер-самолет мирно дремал на полу между нашими топчанами, будто простой ковер.

К середине августа дожди стихли, но тепло не наступало. Было солнечно и ветрено, с севера бежали небольшие темные облака с золотистыми косматыми краями. Это было красиво, но в такое холодное небо лететь не хотелось.

Лишь в самом конце месяца вернулось лето — с безветренным теплом, с плывущими по воздуху пушистыми семенами и паутинками, с запахом перезревших трав. Эти дни совпадали с первыми школьными заботами.

С учителями нам повезло. Начальных классов тогда было не три, а четыре, и меня по-прежнему учила Мария Васильевна. Она с первого класса с нами возилась, и, по-моему, добрее ее не было на свете учительницы. А у Витальки были теперь разные учителя, и самая главная из них — классная руководительница. Молодая, веселая, похожая на вожатую из пионерского лагеря. Она преподавала историю и рисование.

Виталька с первого дня в нее просто влюбился. Из-за этого у нас и получилась неприятность. Но это потом. А первые дни сентября были счастливыми.

Уроки кончались быстро, на дом задавали немного, на дворе по-прежнему стояло лето. Правда, светлые ночи кончились, и к девяти часам вечера уже становилось темно. Однако это были уютные, добрые сумерки. Потом над крышами всплывала круглая луна.

Лунный свет, шорох темных деревьев, теплый воздух — такие были вечера в сентябре.

Мы летали в зеленых от луны воздушных слоях, и летучие семена, похожие на пушистых насекомых, щекотали нам лица.

Мама знала про ковер-самолет. Не знаю, как она проведала о наших приключениях, но однажды спросила:

— На чем это вы летаете?

Пришлось признаться и показать ковер-самолет. Мама вздохнула и покачала головой. Я стал ее успокаивать и говорить, что это ни капельки не опасно. А мама сказала:

— Меня не опасности огорчают, а то, что ты стал такой... неоткровенный. Не мог мне обо всем рассказать... Не хотел, да?

— Ну... я думал, что тетя Валя тебе говорила, — попробовал я выкрутиться.

— Тетя Валя... — усмехнулась мама. — Вот и грустно, что про своего сына я все от других узнаю.

— Мам, я больше не буду, — сказал я уже не для выкручивания, а искренне.

— Ладно уж... Только шеи себе не сломайте, летуны.

Подошел дядя Сева и заметил, что в детстве летают многие, а шеи никто не ломает. Пусть мама не тревожится...

Теперь мы не очень прятали ковер-самолет. Многие про него уже знали. По крайней мере мальчишки. Они приходили к нам, даже незнакомые, оглядывались и шепотом просили покатать. Мы для порядка предупреждали, что это тайна. Они клялись молчать всю жизнь. И правда, ни один не нарушил клятву.

А через несколько дней случилась беда. Виталька сломал ногу. Не из-за ковра-самолета, совсем по-дурацки. Ступня у него попала в широкую щель деревянного тротуара.

Виталькину ступню заделали в гипс на три недели. Это не мешало летать, но в школу он ходить не мог. Два дня Виталька не горевал, но потом сообразил, что в субботу урок рисования, и очень расстроился. Он вспомнил, что обещал показать учительнице свои картины.

Он так ворчал и капризничал, что я не выдержал.

— Ты как маленький! Не можешь потерпеть?

— Да, не могу! Я по ней соскучился! — дерзко сказал Виталька.

Я проникся уважением к его чувствам и пошел к своему соседу девятикласснику Климу. Клим был лихой наездник-велосипедист и целыми днями не слезал с седла. Я объяснил ему, что Веткин велосипед после очередного летательного испытания чинится, а Витальку надо увезти в школу и после уроков привезти обратно. Клим отговорился тем, что у его велосипеда слабые шины и не вынесут перегрузки. Я напомнил, что свою одноклассницу Галку он возит на раме, не боясь перегрузок. Клим без всякого смущения объяснил, что Галку он не возит, а носит на крыльях любви. Он разговаривал со мной, как с маленьким, и я разозлился. Я заметил, что такую тетю, как Галка, не выдержат никакие крылья. Это слегка обострило наши с Климом отношения, и я торопливо вернулся к Витальке.

Мы думали-думали и решили рискнуть.

Рано утром я отвез Витальку к школе и высадил прямо в окно его класса на втором этаже. А после уроков забрал его и умчал домой.

Утром нас никто не видел, но днем мы улетали под радостные и завистливые крики множества зрителей.

А в понедельник на первом уроке Мария Васильевна спросила:

— Олег, давно уже про тебя всякие сказки рассказывают. Это правда? Ты в самом деле на чем-то летаешь? Как это?

— Обыкновенный ковер-самолет, — сказал я. — Ничего особенного. Мы с Городецким сперва тоже удивлялись, а потом привыкли.

— Кто бы мог подумать! — сказала Мария Васильевна.

Она удивилась, но не очень. За три года мы удивляли ее разными штуками столько раз, что она ко всему привыкла.

— Вы мне покажете ваш ковер-самолет? — спросила она.

— Пожалуйста! Даже покатать можем.

Класс развеселился.

— Тихо, дети, тихо, — сказала Мария Васильевна, — чудеса чудесами, а дисциплина прежде всего.

После этого разговора я стал думать, что все обошлось. И ошибся.

Был уже почти вечер. Я у себя во дворе ждал, когда прибегут Ветерок и Ветка, чтобы идти к Витальке. А пока их не было, я воевал с крапивой. Это были гвардейцы кардинала Ришелье. Мы дрались честно, на равных: у меня была новенькая деревянная шпага, у «гвардейцев» — ядовитые жала и кусачие листья, похожие на зеленые ладони. Руки и ноги у меня были красными от жгучих укусов, а клинок зеленел от вражеской «крови».

— Эй, вояка! Шагай сюда! — услышал я. В калитке стояли Клим и Галка.

— Чего надо?

— Нам ничего, — ехидно сказал Клим. — А вот завучу надо чего-то. Велела тебя доставить живого или мертвого. И сию минуту.

Видно было, что он не врет. Галка смотрела на меня сочувственно.

Клим посадил Галку на раму, мне велел сесть на багажник, и мы покатили к школе.

Чем ближе мы подъезжали, тем сильнее я нервничал.

— Сиди, не брыкайся, — сказал Клим. — Что она, съест тебя, что ли?

Съест не съест, а хорошего я тоже не ждал. Но не убегать же, в самом деле.

Клим и Галка доставили меня в школьный вестибюль. Клим сказал:

— Ну, шагай. Знаешь, небось, где ее кабинет.

Разумеется, я знал. У завуча Веры Северьяновны приходилось бывать. Не по своей воле, конечно.

На лестнице я почувствовал себя неуютно. И не только потому, что боялся неприятностей. Раньше я в школу всегда приходил в форме — упакованный в серое сукно от шеи до ботинок, а сейчас меня «взяли» прямо на улице, будто перенесли сюда на машине времени из каникул. Растрепанный, исцарапанный, в шелушащихся пятнах загара, я совершенно не подходил школе — ее строгим стенам, плакатам, портретам Гоголя и Пушкина и большим «Правилам для учащихся» в такой же, как у портретов, раме. О ненавистной жесткой гимнастерке и кусачих штанах до пят я сейчас вспоминал, как о надежной броне. Будто эта броня могла защитить меня от колючих глаз Веры Северьяновны, от ее гнева и вообще от всяких несчастий.

Увы, от всей формы на мне был только черный лаковый ремень с латунной пряжкой, а за ремнем легкомысленно торчал деревянный кинжал. Разве такой кинжал — защита от бед? И я чувствовал себя так, будто меня в летней моей одежонке выставили в нетопленные зимние сени.

С нехорошим холодком в животе я постучал в дверь кабинета. Голос Веры Северьяновны сказал «войдите», и я — что делать! — вошел. Пробормотал:

— Здрасте...

Вера Северьяновна сидела за громадным своим столом. Она отражалась в настольном стекле, как скала в квадратном озере. Сбоку у стола сидел незнакомый мужчина — в очках и с бородкой. Он смотрел на меня нормально, по-доброму. А Вера Северьяновна — как на виноватого.

— Подойди, — сказала Вера Северьяновна.

Я дошел до середины комнаты, а дальше както не получилось.

— Ну вот. Этот самый, — сказала Вера Северьяновна мужчине и снова стала смотреть на меня. Словно хотела сказать: «Полюбуйтесь, что за красавец».

Я почувствовал себя совсем незащищенным. Незаметно передвинул на животе рукоятку кинжала, чтобы закрыть дырку на футболке, спрятал под мышки перемазанные землей ладони, но спрятать ободранные и зеленые от травяного сока локти было некуда. Еще мне хотелось втянуть в себя, как шасси, пыльные изжаленные ноги, но это тоже было невозможно. Я только беспомощно переступил кедами.

— Встань как следует. Перестань танцевать и опусти руки, — потребовала Вера Северьяновна.

После уроков я забрал Витальку прямо с окна его класса на втором этаже.

Я вздохнул и встал как следует.

— Вот что, Лапников, — сказала Вера Северьяновна. — О твоем поведении мы побеседуем позже. А пока расскажи, как вы это устраиваете? Все эти ваши полеты. Василий Матвеевич специально пришел из института, чтобы разобраться в ваших фокусах. И будь уверен, разберется. Василий Матвеевич — кандидат физических наук.

«Физик, — подумал я. — Теперь будет допытываться, как мы убираем силу тяготения и все такое...»

— Ты долго будешь молчать? — сурово спросила Вера Северьяновна.

Физик посмотрел на меня, на нее и вдруг сказал:

— Можно, мы побеседуем с глазу на глаз?

— Хотите поговорить по-мужски? Ну что ж...

И она вышла из кабинета.

— Иди-ка сюда, Олежка, — тихо сказал Василий Матвеевич. И я вдруг увидел, что он очень похож на дядю Севу.

Он поставил меня между колен, потрогал кончиками пальцев рукоятку кинжала, увидел дырку на майке, чуть-чуть усмехнулся и поднял глаза.

— Ты расскажи по порядку, как и что. И ничего не бойся.

Я рассказал. Как нашли ковер, как летали. Только про историю с колокольней не стал говорить: это для науки не важно.

Физик не перебивал. А когда я кончил, он спросил:

— Значит, вы никак не командуете? Никаких слов ковру не говорите? Захотели — и полетели?

Я кивнул.

Физик почему-то улыбнулся. И задал странный вопрос:

— А ковер-то новый?

— Нет. На вид совсем старый... Но еще крепкий.

Физик вдруг засмеялся, крепко сжал мои локти, а потом взъерошил мне волосы.

А мне было совсем невесело.

— Вы теперь заберете ковер? — прошептал я и понял, что могу разреветься.

Все еще смеясь, он покачал головой.

— Не бойся.

Я поверил и перестал бояться.

Появилась Вера Северьяновна.

— Ну, товарищи мужчины? Я уже могу присутствовать?

Физик вежливо сказал, что присутствовать она может: мы уже все выяснили.

— Видите ли, Вера Северьяновна, физика не занимается такими проблемами.

— Да? Странно... А какая же наука занимается?

Физик улыбнулся и развел руками:

— Боюсь, что никакая. Может быть, поэзия?

Но это, по-моему, не наука... Что касается науки, то она такие явления не берется объяснять. Это с одной стороны. А с другой — здесь особой загадки и нет. В детстве многие летают. Кто на коврах-самолетах, кто просто так... Ничего страшного. Детство, к сожалению, быстро проходит.

— Да, но... пока оно пройдет, вы представляете, что они успеют натворить? К тому же, Василий Матвеевич, я не понимаю главного: как они летают?

— Ну как... Видимо, силой воображения.

— Что значит «силой воображения»? — с досадой произнесла Вера Северьяновна. — Воображение у всякого есть, а ведь никто в небеса не прыгает. Я вот точно знаю: сколько ни воображай, а полететь все равно не смогу... Ты можешь идти, Лапников. Завтра придешь с мамой.

Вот тебе и на!

— А чего я сделал? — по привычке сказал я.

— Не рассуждай, пожалуйста! — раздраженно прикрикнула Вера Северьяновна. — Сказано: привести мать, вот и все. Приведешь, а там разберемся «что ты сделал».

И тут я рассердился. Не заметно, не громко, а так, про себя. Потому что зачем она зря кричит? Разве я стекла бил, или стенки царапал, или курил на переменах, или двойками зарос? Подумаешь, летал с Виталькой на ковре-самолете! Это наш ковер, а не ее.

— Мама завтра занята. Если хотите, я ее сегодня позову.

— Зови сегодня, — сердито откликнулась Вера Северьяновна.

— Хоть сейчас?

— Можешь сейчас.

— Вот и хорошо, — сказал я. Поправил за ремнем деревянный кинжал и ушел из кабинета.

Дома я сообщил маме, что ее вызывает завуч, но я ни в чем не виноват, а все дело в ковре-самолете.

— Так я и знала, — сказала мама и ушла к себе в комнату. Через минуту она появилась в платье, которое надевала, чтобы в гости идти или в театр.

И мы пошли рядом — красивая решительная мама и ее непутевый сын в полинялой футболке, жеваных шортиках с деревянным кинжалом за ремнем.

Я видел, что мама слегка сердится, но не понимал: на меня или на кого-то другого.

Когда мы появились в кабинете завуча, «физика» там уже не было.

— Садитесь, — сказала Вера Северьяновна маме. — Я хочу поговорить о вашем сыне. Должна сказать, что он меня беспокоит.

— Да? — сдержанно сказала мама и внимательно посмотрела на меня.

— Да. Насколько я помню, в прошлом учебном году он был ударником. Боюсь, что в этом году он им не будет.

— Но год только начался, — заметила мама.

— Плохо он у него начался! — не выдержала Вера Северьяновна. — До чего додумались с Городецким! По воздуху летают!

— Так ведь дети же... — осторожно сказала мама.

— Вот именно, что дети! Пусть сперва окончат школу, а потом летают, если хочется! Мы и на земле-то с ними едва справляемся, а что будет, если все дети по воздуху носиться станут?

Вера Северьяновна глянула на меня так, будто лишь сейчас заметила.

— Выйди, Лапников, в коридор, — скучным голосом сказала она.

Вот так фокус! О моем ковре-самолете речь идет, а я выйди! Я растерянно посмотрел на маму.

— Иди, Олег, — строго сказала мама.

Я шагнул в коридор, обиделся и встал у окна. Из-за двери доносились голоса: тихий — мамы и громкий — Веры Северьяновны. Но разобрать слова я не старался. Больно мне надо подслушивать!

Потом голоса умолкли, и мама вышла из кабинета.

— Пошли, — тихо сказала она.

На улице мама положила мне руку на плечо и непонятно как-то сказала:

— Ну что, Олежка?..

Я поднял глаза.

— Что?

Мама помолчала еще и серьезно спросила:

— Значит, никак вы не можете не летать?

— Не можем, конечно, — торопливо сказал я. — Ну как же, мама, не летать, если ковер-самолет...

Мама сказала:

— Ну и летайте.

И мы летали. И в этом теплом сентябре, и на будущий год, когда снова пришло лето, и еще через год...

Потом мы стали летать реже. Старше стали, и появились у нас другие интересные дела. Виталька в восьмом классе начал влюбляться каждый месяц и летал, как говорится, на крыльях любви, без всякого ковра-самолета. А я увлекся писанием стихов и все время ходил огорченный, потому что городская газета не хотела эти стихи печатать.

Ковер опять перекочевал в чулан, а в мезонине тетя Валя стала хранить сломанную мебель.

Мы кончили школу и незаметно стали взрослыми. Не все получилось так, как мы мечтали. Ветка стала не балериной, а детским врачом. Она очень хороший врач, живет в Ленинграде, и ее знают все ребятишки в районе. Ветерок добился, чего хотел: стал штурманом полярной авиации. У него есть сын Алешка, веселый трехлетний карапуз. Здоровый, толстый и пока ничуть не похожий на Ветерка-мальчишку.

У меня врачи в приемной комиссии морского училища послушали сердце и посоветовали подумать о сухопутной профессии. Я стал писать книжки для детей и теперь, по правде говоря, очень рад, что выбрал такую работу.

Виталька, то есть Виталий Андреевич, живет

в Подмосковье и работает учителем рисования. Ведет уроки, ходит с ребятами в походы, учит их рисовать радуги, закаты, месяц над озерами, рощи, синие реки — всю красоту земную.

Но не только этим он занят. Недавно Виталий прислал мне толстый журнал «Искусство», и там на вклейках напечатаны картины молодых художников, которые получили премии на Всесоюзной выставке. Есть там картина художника В. Городецкого «Воспоминание о детстве».

Над зеленой землей с разноцветными крышами и грудами деревьев, под светлыми утренними облаками плывет ковер-самолет. На нем двое мальчишек. Один сидит на краю, свесив загорелые ноги (одна нога босая, с другой сандалия тоже вот-вот свалится). Мальчишка запрокинул лицо, смеется и смотрит на облака. Под облаками горит на солнце пестрый прямоугольник воздушного змея. Другой мальчишка лежит на животе, подняв пятки, и глядит вниз. Там, внизу, у крылечка, желтого от свежих досок, стоит девчонка. Она совсем маленькой кажется с высоты. Да и на самом деле не большая.

Девчонка не смотрит на ковер-самолет. Она глядит на крышу, где мальчик в бьющейся на ветру зеленой рубашке тянет нитку змея.

На картине буйное лето. Такое, что кажется, будто пахнет лебедой, полынью, речным песком и нагретыми досками заборов.

Я смотрел на картину, и было мне радостно и грустно.

Радостно — потому что картина радостная.

Грустно — потому что словно распахнулось на миг окошко в детство — в ту страну, куда нет возврата.

И еще я почувствовал зависть к Витальке. Он так здорово рассказал в картине про сказку нашего детства! А я? Чем я отблагодарю ковер-самолет?

И я решил написать про него книжку. Вот эту, которую вы прочитали.

Но чтобы написать эту книжку, мне надо было съездить в родной городок. Все вспомнить.

Город был прежним.

Деревянные дома стояли, как высокие терема, и сверкали большими окнами. Дворы остались просторными и зелеными. Там, как и раньше, словно праздничные флаги, хлопало по ветру белье, и шумно играли мальчишки.

Меньше стало деревянных тротуаров, больше многоэтажных домов, а на реке гудели новые белые теплоходы. Но так же пахло с берега сырым песком, просмоленными лодками и мокрыми бревнами. Такие же высокие травы стояли вдоль заборов в переулках.

Дом, в котором я жил с мамой, дядей Севой и Ленкой, снесли, и на его месте строился девятиэтажный корпус. А тети-Валин дом был цел. И тетя Валя жила там, как в давние годы. Она стала вся седая, но характер ее ничуть не изменился.

Мы полдня просидели с тетей Валей, вспоминали те дни, когда я и Виталька жили в мезонине. Я несколько раз собирался спросить, где ковер-самолет, но не решился. Мне начинало казаться, что это была просто сказка.

Тетя Валя достала Виталькины детские рисунки, наших бумажных солдатиков и даже пушку, сделанную из катушек от ниток. Пушка была в исправности, даже с резинкой. Хоть сейчас стреляй.

— Какие ужасные сражения вы устраивали! — воскликнула тетя Валя. — Весь дом качался. Все-таки вы были настоящие сорванцы. А что вы делали с граммофоном! И, наверно, думали, что я не знаю...

Я вздохнул.

Граммофон, укрытый вязаной салфеткой, стоял на прежнем месте. И часы с кукушкой висели, где положено. Кукушка обезголосела, но каждые полчаса добросовестно вываливалась из своего окошка и разевала клюв...

От тети Вали я пошел бродить по улицам. В квартале от нашего дома я заглянул на широкий двор. Там, в траве, у дровяных сараев играли ребята. Они устроили не то цирковое представление, не то соревнования по вольной борьбе.

Кажется, все-таки соревнования. Пара за парой выходили на лужайку, и начиналась схватка. Борцы старательно сопели, падали, поднимались, опрокидывали друг друга, а зрители, сидя на поленицах и в траве, галдели и свистели, как все болельщики на свете.

Я незаметно подошел. В первую минуту меня не заметили, а потом громкоголосый мальчишка с сердитой темной челкой на лбу оглянулся и спросил:

— Вам кого?

Я не стал ничего придумывать и притворяться. Сказал, что раньше жил в этих местах, а теперь хожу и вспоминаю детство.

— Можно посмотреть, как вы играете?

Мальчишка пожал плечами, а потом согласился:

— А чего ж! Смотрите!

Я шагнул ближе.

И увидел, что они борются не на траве.

Ребята боролись на ковре. И я сразу узнал его.

Нет, я ничего не сказал в первый момент. Я просто смотрел на знакомые узоры, по которым катались два девяти-десятилетних борца: круглоголовый рыжий мальчик с веселыми глазами и его соперник — щуплый и большеглазый, с редкими конопушками на скулах, в синей майке-безрукавке.

«Знают они или не знают, какой это ковер?» — думал я, и меня слегка знобило от волнения.

Они не знали. Они катались по ковру, переплетаясь коричневыми в белых царапинах руками и ногами, колотили по нему пятками, утыкались в него носами и даже не догадывались, какое чудо под ними!

А ковер спокойно лежал, дожидаясь, когда кто-нибудь откроет его тайну.

А может быть, уже и не ждал?

...Рыжий мальчишка прижал своего худенько-

го соперника к ковру лопатками и вскочил. Зрители захлопали, но жидковато. Девочка с растрепанной косой сердито сказала:

— Конечно! У них весовые категории разные.

— А я виноват? — сказал рыжий мальчик и обиженно заморгал.

Его противник молча поднялся и тихо отошел в сторону. Девочка внимательно смотрела ему вслед.

— Ребята, — сказал я. — Послушайте... А откуда у вас этот ковер?

Мальчишка с сердитой челкой подозрительно глянул на меня.

— А что?

— Да так. Интересно.

— Тетенька одна отдала, — объяснил рыжий победитель. — Вот ему. — Он кивнул на проигравшего мальчика. — Мы цирк устраивали у него во дворе, а она рядом живет, вот и подарила... Это хороший ковер. На вид старый, а зато мягкий такой...

— Я знаю, — сказал я и понял, что делаю решительный шаг. — Когда-то это был мой ковер. Наш с товарищем... Это был ковер-самолет.

Они сдержанно засмеялись. Они приняли мои слова за неудачную шутку взрослого человека, который заигрывает с ребятами.

— Не верите, — проговорил я и понял, что ничего не смогу доказать. — Ну ладно... А мы на нем летали.

— А вы сейчас попробуйте, — насмешливо сказал мальчик с челкой.

«А что!» — подумал я. Но тут же понял, что не решусь. Я представил, как большой, взрослый, в отглаженном костюме, сижу посреди двора на старом ковре, а кругом язвительно хохочут мальчишки.

Если бы он полетел! Но я не был уверен, что ковер послушается меня. Может быть, он подчиняется только детям?

А может быть, вообще ничего не было?

Неловко улыбнувшись, я сказал:

— У меня не выйдет. Я уже большой.

— А как на нем летают? — вдруг требовательно спросила девочка с растрепанной косой.

— Очень просто. Надо представить, что летишь, и он полетит...

— Ура! Я представил! — дурашливо заорал мальчишка с челкой и животом бухнулся на ковер.

— И я! Ура! Мы тоже представили! — закричали остальные, и на ковре тут же выросла куча-мала. Даже девочка с косой кинулась в свалку.

Только худенький мальчик в синей майке остался в стороне. Он сидел на деревянной колоде, обняв коленки и упершись в них подбородком. На миг мы встретились взглядами, но он тут же отвел глаза.

— Эй, кончайте! Мне шею отдавили! Отпустите ногу! — раздавалось из кучи. Потом кто-то самый находчивый крикнул:

— Сейчас мультики по первой программе! В шестнадцать двадцать!

Куча рассеялась. Бывшие борцы и болельщики кинулись по домам, к телевизорам. Они на меня даже не оглянулись, только девочка на бегу крикнула:

— До свиданья!

Мне стало грустно. Я поглядел им вслед, а потом опять повернулся к ковру.

И увидел, что я не один.

Мальчик в синей майке не убежал со всеми. Он стоял у края ковра, тоненький и побледневший так, что его конопушки казались темными зернышками.

— Скажите... — начал он, и голос у него был какой-то виноватый и в то же время требовательный. — Скажите, пожалуйста... Вы пошутили? Да?

Я переглотнул от волнения и тихо сказал:

— Нет. Я не пошутил.

— Но так не бывает, — проговорил он негромко, но почти сердито. И глаза у него потемнели.

— Бывает, — сказал я, не отводя глаз.

Мы помолчали. Во дворе нарастала непонятная тишина.

— Не бывает... и все-таки бывает? Да? — спросил он шепотом.

— Да, — сказал я.

— И надо... просто представить, что летишь? — спросил он почти беззвучно.

Было тихо-тихо кругом, только еле слышный звон доносился из травы. Может быть, это звенели солнечные лучи или само лето.

Не отрывая от меня глаз, мальчик медленно встал на ковер коленями. Потом сел. Отвернулся от меня, зачем-то погладил ковер. Потом плавно вытянул над ним ладонь.

Ковер приподнялся, замер на секунду в полуметре от земли и тихо заскользил над верхушками травы.

Мальчик негромко вскрикнул, скатился на землю, вскочил и со всех ног бросился ко мне. Он обхватил меня, прижался всем телом, и я почувствовал, как прыгает под майкой его сердце. Словно упругий мячик, с разгона влетевший в тесный угол и заметавшийся между стенок.

Он отчаянно смотрел на меня, запрокинув лицо, и в темной глубине мальчишкиных глаз перемешались испуг и восторг.

— Не бойся, — сказал я. — Поверь мне, это не страшно.

Он улыбнулся, словно говоря: «Я понимаю. Но я еще не привык».

— Смотри, он ждет тебя, — сказал я мальчику.

Ковер и правда ждал, опустившись на траву.

Мальчик вздохнул и толчком оторвался от меня.

— Шагай, не бойся.

Он постоял, кивнул. Заправил выбившуюся из-за пояска майку. И, оглядываясь на меня, пошел к ковру-самолету. Он шел медленно, однако ни разу не остановился.

Я смотрел, как он идет. Я немного завидовал: вся сказка была у него впереди.

Будь счастлив, мальчик!

Худенький мальчик медленно встал на ковер... Сказка была у него впереди.

КОНЕЦ

Эту фотографию из семейного альбома подарила нам Лена Ивантер, дочь Беньямина Абрамовича, который в ту пору был редактором журнала «Пионер».

Фотография сделана в декабре 1935 года в Малеевке, в подмосковном доме творчества писателей, недалеко от Старой Рузы.

Посмотрите внимательно, и вы найдете на фотографии двух писателей, которых вы хорошо знаете. На скамье слева — Аркадий Петрович Гайдар. На коленях у него девочка — это Лена Ивантер. А через одного от Гайдара сидит поэт Степан Петрович Щипачев.

Вот что вспоминают о той зиме в Малеевке Степан Петрович и Лена Беньяминовна.

Зима в Малеевке

Деревянный дом, в котором мы жили, был невелик, и, хотя у каждого была отдельная комната, мы постоянно общались друг с другом. Аркадий Петрович в ту пору писал для «Пионера» рассказ «Голубая чашка», я — стихи о своей курсантской молодости. Оба мы долгие часы отдавали работе, но находили время и для отдыха.

Аркадий Петрович был человеком общительным, неутомимым выдумщиком, хорошим товарищем. Нашим развлечением было разводить костер и прыгать через пламя. Хотя Аркадий Гайдар прошел суровые испытания гражданской войны, четырнадцатилетним пареньком вступил добровольцем в Красную Армию, будучи совсем зеленым юнцом, командовал ротой, потом батальоном, в нем многое сохранилось от мальчишеской непосредственности.

Да вот и на фотографии, которую вы видите, он оживленнее всех. Так же, как и девочка, что сидит у него на коленях, чему-то улыбается, готовый, кажется, тут же подняться и затеять с этой девочкой игру в снежки...

Над рассказом «Голубая чашка» он работал с увлечением. Много говорил со мной об этом. Но, как я догадывался, что-то в этом рассказе давалось ему с трудом, требовалась настойчивость в работе. Как-то он обронил фразу: «Если хоть одну строчку в день напишу, рассказ когда-нибудь да кончу». Не за количеством сделанного за день гнался он, а за тем, чтобы это сделанное было настоящим, не меркнущим от времени, сколько бы этого времени ни прошло.

Степан ЩИПАЧЕВ

Рассказ для «Пионера»

Я смотрю на старую фотографию. Гайдар тогда шутливо сказал: «Вот вырастешь и будешь когда-нибудь рассказывать, что сидела у знаменитого писателя на коленях».

В декабре 1935 года Гайдар приехал в Малеевку, чтобы закончить свой самый замечательный, по-моему, рассказ — «Голубая чашка».

С 1936 года журнал «Пионер», который до этого был «тонким», стал «толстым», солидным журналом, и редколлегия подбирала для этого журнала самые лучшие рассказы и стихи, интересные очерки и научные сообщения, веселые шутки и самые красивые иллюстрации. Начинаться первый номер «толстого» «Пионера» должен был рассказом Аркадия Гайдара. А рассказ еще не был готов. Гайдар писал долго и трудно, много переделывал — он был очень требовательным к себе человеком и очень серьезно относился к своей работе. Вот и рассказ «Голубая чашка» он тоже переделывал не один раз и еще не был им доволен.

В Малеевке было чудесно. Зима стояла снежная, морозная. Окрестности Старой Рузы удивительно живописны — крутые склоны, порос-

ший лесом, быстрые и чистые ручейки и речки на дне оврагов.

Гайдар, несмотря на морозы, одевался легко и не боялся никакого холода — вот и на фотографии он без пальто, а все остальные одеты по-зимнему. Был он в эти дни в Малеевке веселым и счастливым, о чем однажды и сказал моему отцу, когда гулял с ним и со мной.

Жил Гайдар в Малеевке недолго — недели две, а может быть, и меньше. Рассказ «Голубая чашка» он кончил и читал, а точнее, рассказывал его наизусть моей маме. В этом самом виде рассказ Гайдара попал в первый номер «толстого» «Пионера», а затем очень скоро был выпущен книжкой. Книжку эту Гайдар подарил моей маме с надписью: «Первой слушательнице этой бесхитростно—хитрой книжки в память о хороших малеевских днях» — и подписался: «Арк. Гайдар». Из последней буквы «р» сделана смешная рожица с одним ухом. А книжка действительно бесхитростно-хитрая, я ее часто перечитываю и каждый раз нахожу что-нибудь для себя новое, чего не увидела или не поняла раньше.

Лена ИВАНТЕР

Первой
слушательнице
Этой бесхитростно-
хитрой книжки Вирке
в память о хороших малеевских
днях
Арк. Гайдар
23/янв 1937

Однажды в детстве я прочитал книгу...

МОИ ДРУЗЬЯ ТАНЯ, ФИЛЬКА, НИКИЧЕН И ДРУГИЕ

Это случилось несколько лет назад... Я ехал в утренней, полупустой электричке. Напротив сидела женщина. Наверное, она возвращалась после ночной смены. Лицо у нее было усталое. И она словно бы все никак не могла решить, то ли соснуть ей, то ли не стоит... Увидела у меня в руках газету, спросила разрешения посмотреть. Это была «Литературка».

Некоторое время женщина спокойно листала ее, но вдруг быстро отложила, закрыла лицо руками... Я спросил ее, что случилось и не могу ли я чем-то помочь.

Женщина покачала головой, потом указала на газету — там был уже читанный мною некролог о смерти писателя Рувима Исаевича Фраермана.

— Вы-то, молодые, наверное, не знаете его. А мы в свое время зачитывались им!

Рувим Исаевич Фраерман родился 22 сентября 1891 года. Он прожил долгую жизнь. В двадцатые годы партизанил на Дальнем Востоке, участвовал в разгроме интервенции. Пришла Великая Отечественная — воевал с фашистами... И после войны жил долго и много работал. И умер, лишь несколько лет не дожив до тридцатилетия Победы.

Он считался детским писателем. Читатели его вырастали поколение за поколением и уходили во взрослую жизнь. А за книги его брались новые читатели — дети первых, а потом внуки их и правнуки.

И все они находили для себя интересное в рассказах и повестях Рувима Исаевича — и в старых и в новых. И даже больше. Становясь взрослыми, читатели Фраермана не становятся «бывшими» его читателями. Нет-нет да и встретишь в поезде, в автобусе взрослого человека с книжкой Фраермана в руках. Перечитывает!

Книги Фраермана — для детей, потому что они интересны и понятны ребятам. Но и для взрослых они по-настоящему интересны и взрослым. Это очень редкий дар — быть писателем не для детей, не для взрослых, а для всех. Им обладал, например, друг Фраермана Аркадий Петрович Гайдар. Им обладал и сам Фраерман.

Сейчас многие из вас только еще начинают читать книги Фраермана. С чего же тут лучше начать? Может быть, с «Дикой собаки Динго»...

Я, например, сам первой прочитал именно ее. Однажды отец спросил у меня: «Ты читал Фраермана?» Я пожал плечами. Я вообще не слыхал такой фамилии. И тогда отец дал мне книгу, которая называлась «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви». Сказал: «Это, помнишь, когда я на Дальнем Востоке был». Отец мой много ездил в командировки. И обязательно из каждой привозил книги. Но отдавал их не сразу, а как бы к случаю. Вот как теперь. Но может, он сначала хотел их сам прочитать. А времени свободного было у него немного.

Мы читали эту книгу вместе с моей двоюродной сестрой — были весенние каникулы, и она приехала к нам пожить. Мы сидели над книгой, оттирая друг дру-

га плечами. Но уже через несколько страниц мы перестали возиться, мы сидели за столом, тесно прижавшись, и читали. Сестра была старше меня и читала быстрее. Но сейчас она не дразнилась и не подгоняла меня. Такая была сила у этого незнакомого нам писателя, что при нем неудобно было шуметь или затевать мелкую склоку.

На следующее утро я проснулся раньше сестры, но не схватился за книгу, а честно ждал, пока встанет и она.

Под конец того второго дня мы прочитали всю повесть до конца. И было нам ужасно грустно за Таню, за Фильку. И в то же время мы знали, что они не пропадут. Потому что хорошим людям живется хоть и не всегда легко, но все-таки хорошо. Этому научил нас Фраерман, и мы ему верили.

Потом пришел мой отец, и я стал его просить рассказать про Дальний Восток: ведь действие повести происходит на Дальнем Востоке.

Отец стал рассказывать — и охотно. Однако он не умел рассказывать, как Фраерман,— ясно и ярко. Мой отец был инженером, и у него не было того удивительного дара, которым обладал Рувим Исаевич.

Тогда, наверное, впервые в жизни, я перебил рассказ своего отца. Я попросил: «Принеси мне еще книги Фраермана. Только прямо завтра, ладно?» И отец понял меня. Не стал мне ничего говорить: он тоже читал «Дикую собаку Динго».

Потом я прочитал многие другие книги Фраермана. И некоторые из них мне показались еще лучше, чем «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви». Однако именно она остается самой знаменитой книгой Фраермана. Почему? Неизвестно, не угадаешь. Можно сказать, что так решил Читатель...

И эта и другие книги Фраермана будут жить очень долго — как книги Гайдара, книги Паустовского, Александра Грина...

В. ЛАРИН

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Это моя любимая книга

Роман А. А. Фадеева «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» мне очень понравился. Это моя любимая книга. Героизмом краснодонских комсомольцев я восхищаюсь, меня покоряет непреклонная сила советских людей. Молодогвардейцы — это девушки и парни, которые были полны решимости отдать свою жизнь за Родину, они предпочитали умереть, чем жить на коленях. Сергей Тюленин говорил: «Я их, гадов, буду теперь везде убивать, где ни увижу, помяни мое слово... Лучше пропасть, чем ихние сапоги лизать».

Молодогвардейцы, ненавидевшие страдания людей и ужас войны, стали беспощадными мстителями. Герои этой книги — выдержанные, решительные, смелые комсомольцы — заботятся в минуту опасности не о себе, а о друзьях. Их всех объединили большая дружба и чувство коллективизма.

Фашистов нельзя назвать людьми, это звери, даже, может быть, в какой-то степени хуже зверей. Они разрушали и уничтожали деревни, села, города, подвергали пыткам советских людей, истязали их. Но фашисты были бессильны перед духовной стойкостью комсомольцев. Избитый, измученный, Иван Земнухов оказывается сильнее своих палачей. «Что? Не можете?— сказал он.— Не можете!.. Сколько стран захватили... Отказались от чести, совести... а не можете. Сил нет у вас...» Прочитав эту книгу, я сказала себе: «Ты обязательно должна быть такой, как они». Они отдали свою жизнь ради мира на земле. Их подвиг бессмертен. От поколения к поколению будет переходить из рук в руки эта книга.

Карлыгаш Нажикбаева, 13 лет, г. Алма-Ата.

Я мечтаю стать врачом

Два года назад я стала собирать книги. У меня много книг. С самого раннего детства я мечтаю стать врачом. Поэтому мне дороги те, которые о медицине. В 1975 году вышла книга Геннадия Шингарева «НЕОБЫКНОВЕННЫЙ КОНСИЛИУМ». Эту книгу я читала запоем. Как интересно в ней рассказано об истории медицины от времен Гиппократа до наших дней! Она показывает не только героические дела врачей, но и их будни, однообразные, тяжелые.

Книга рассказывает о том, какую огромную роль играет врач как человек, как он работает. Больной не пойдет к грубияну или неряхе. Он любит вежливость и чистоту. Только тот сможет стать врачом, кто «умеет властвовать собой». С юмором Шингарев рассказывает о том, как он стал врачом. Он показал, что юмор — черта, присущая всем медикам.

Я раньше не знала трудностей этой профессии. Просто влюблялась в белый халат и шапочку, стерильную чистоту, блестящие хирургические инструменты. Прочитав «Необыкновенный консилиум», я узнала о специфике работы врача.

Заболел ребенок... Бедная мать не находит себе места, но вот, как волшебник Изумрудного города, появляется врач. Пройдут недели, ребенок выздоровеет. Какую благодарность этому человеку в белом халате можно прочитать в глазах матери, а в коротком «спасибо»— тягостную бессонницу дежурства у детской кровати! Об этом и рассказывается в книге Геннадия Шингарева. По-моему, идею «Необыкновенного консилиума» выражают слова из последней главы: «Я хочу любить людей, помогать им в их нелегкой, большой и прекрасной жизни».

Марина Гаевская, 14 лет, г. Воронеж.

РАДИОЛИНЕЙКА ВСЕСОЮЗНАЯ

Ты и твои друзья уже не раз выстраивались на пионерскую **линейку,** когда горн звал вас на сбор отряда или дружины, когда в пионерском лагере начинался день, полный новых открытий, игр, «трудовых десантов». Чем-то пионерская линейка напоминает солдатскую поверку: все вы подтянуты, чувствуете плечо друга, четко звучат команды. На линейке от вашего имени сдают рапорт: за звено — звеньевой, за отряд — председатель совета отряда, за дружину — председатель совета дружины. А когда на торжественной линейке под звуки горна и барабанную дробь выносится дружинное знамя, вы салютуете ему.

Но бывает такой день, когда в **10 часов по московскому времени** во всех городах и селах нашей страны одновременно выстраиваются на линейку все двадцать пять миллионов юных ленинцев. Запомни, этот день — **2 октября,** когда «Пионерская зорька» передает в эфир традиционные позывные всесоюзной радиолинейки. Почему именно 2 октября? В этот день в 1920 году Владимир Ильич Ленин выступал перед делегатами III съезда комсомола. В шинелях и бушлатах, опаленных огнем гражданской войны, в лихих буденовках, в рабочих спецовках, в красных косынках приехали парни и девчата в Москву. Все ждали выступления вождя революции, готовые по первому зову партии снова идти в бой и защищать завоевания Октября. Неожиданно для большинства делегатов Владимир Ильич, говоря о задачах Союзов молодежи, сказал, что главное состоит в том, чтобы учиться — **учиться коммунизму.** Нужно постоянно обогащать свою память новыми знаниями, трудиться вместе с рабочими и крестьянами на общую пользу, воспитывать в себе лучшие черты характера советского человека. **Речь Ленина на III съезде комсомола стала боевой программой действия всех комсомольских поколений.**

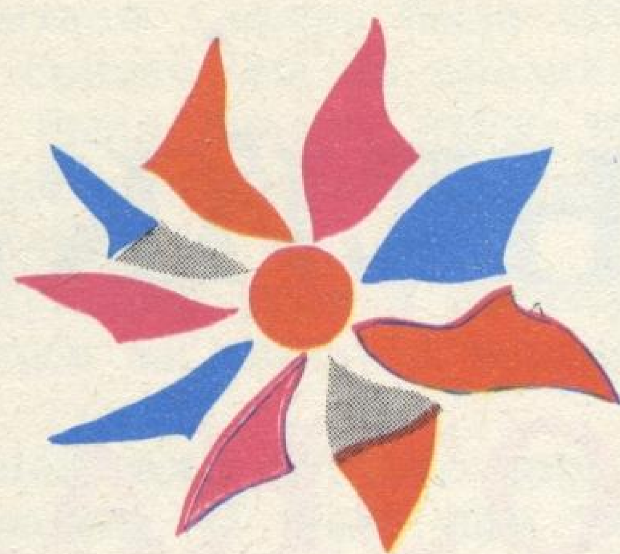
В Москве, в здании Центрального Комитета ВЛКСМ — штабе Ленинского комсомола — есть Зал комсомольской славы. Здесь хранятся знамена, ордена, которыми награжден комсомол, Книга почета ВЛКСМ, Летопись трудовой славы. Здесь каждый документ, каждый экспонат говорят о героическом пути Союза молодежи Страны Советов. Вот кусочки металла с легендарной Магнитки. И сразу мы вспоминаем штурмовые дни и ночи первых пятилеток. Вот пробитые пулями, осколками снарядов комсомольские билеты военных лет. И сразу перед нами оживают образы молодогвардейцев, Александра Матросова, Зои Космодемьянской, чьи подвиги бессмертны. В этом зале шашка Семена Михайловича Буденного, прославленного полководца, которую он вручил молодым воинам-комсомольцам на XVI съезде ВЛКСМ как символ верности Родине и партии. Здесь вымпелы и значки, побывавшие в космосе, здесь мы видим Почетный знак Ленинского комсомола, врученный звездному сыну Земли — первому космонавту Юрию Алексеевичу Гагарину...

Велики заслуги Ленинского комсомола — вожатого пионерии — перед советским народом. На XXV съезде Коммунистической партии Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев сказал: «35-миллионная армия комсомольцев — надежный помощник партии, ее непосредственный боевой резерв. Какие бы задачи ни ставила партия, комсомол с энтузиазмом берется за их решение».

Комсомол, как и прежде, на передовой. Там, где нужны молодые руки и жаркие сердца, ты всюду видишь простых парней и девчат с комсомольскими значками на груди. Они строят новые дома. Они создают новые машины. Они учатся в вузе. Они сеют хлеб. Они охраняют рубежи нашей Отчизны. Ты им завидуешь. Завидуешь по-хорошему. Тебе хочется быть похожим на них. Но чтобы получить право носить комсомольский билет и значок с силуэтом Ленина, надо много знать, постоянно приносить пользу стране, готовить себя к трудовой жизни. Вместе с вожатой, старшими товарищами ты будешь читать, а потом изучать замечательную речь Владимира Ильича Ленина на III съезде комсомола в 1920 году. Каждое слово вождя революции обращено и к тебе, готовящемуся вступить в комсомольские ряды. На всесоюзную радиолинейку выстроятся все пионерские дружины: начинается радиоперекличка пионеров 15 союзных республик. К юным ленинцам обратятся знатные люди нашей страны — старые коммунисты, герои труда, прославленные полководцы, писатели. После радиолинейки вы проведете воскресники, вечера дружбы, встречи трех поколений, фестивали искусств.

Слушай позывные всесоюзной радиолинейки!

НОВЫЙ КОНКУРС • НОВЫЙ КОНКУРС

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

НАШ ДРУГ — РЕСПУБЛИКА КУБА, НАШИ ДРУЗЬЯ — КУБИНСКИЕ ПИОНЕРЫ

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

Летом 1978 года на острове Свободы — в Республике Куба будет поднят флаг XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. В Гавану съедутся посланцы молодежи всех континентов. Ленинский комсомол, вся советская молодежь готовятся к этому яркому празднику юности планеты. Готовится к нему и Союз пионеров Кубы и Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина. Сейчас в дружинах и отрядах, в клубах и кружках интернациональной дружбы по решению VII Всесоюзного слета идет подготовка к фестивалю: ребята читают книги о Кубе, о ее героях, встречаются с кубинскими студентами, которые учатся в СССР, готовят сувениры для делегатов фестиваля, активно участвуют в акции «Солидарность».

Чтобы ты и твои друзья смогли как можно больше узнать о Республике Куба, о ее пионерской организации, журнал «Пионер» совместно с кубинским журналом «Пионеро», журналом «Куба» объявляют новый конкурс «Наш друг — Республика Куба, наши друзья — кубинские пионеры». В конкурсе могут участвовать ВСЕ. **Абсолютные десять победителей,** которые правильно и глубоко ответят на все вопросы, получат ГЛАВНЫЕ награды жюри.

Можно отвечать не на все вопросы. Специальными призами — книгами о Кубе, кляссерами с марками Кубы, кубинскими значками — будут отмечаться ответы на отдельные вопросы. Ответы должны быть полными, аккуратно оформленными, с пометкой «Фестиваль-78».

Родители могут только помогать тебе, но не отвечать за тебя.

Могут быть и коллективные работы, которые будут рассматриваться жюри отдельно и отмечаться специальными наградами.

Итак, «Пионер» объявляет новый конкурс. Не торопись сразу отвечать — почитай книги о Кубе, журнал «Куба». Последний срок отправки работ — 28 февраля. Лучшие работы будут напечатаны в «Пионере».

Жюри конкурса.

НОВЫЙ КОНКУРС • НОВЫЙ КОНКУРС

ВОПРОСЫ

1 1 января 1959 года на Кубе победила революция. «Звезда Кубы взойдет в XX веке!»— об этом говорил и мечтал замечательный революционер Хосе Марти. Ты видишь государственный флаг республики Куба. **Что означают его символы—три синие полосы, две белые, красный равнобедренный треугольник и пятиконечная белая звезда?**

2 Долгой и упорной была борьба кубинского народа за свою свободу и независимость. Перед тобой карта-схема основных этапов освободительной борьбы. Предлагаем на выбор три вопроса:

Что ты знаешь о штурме казармы «Монкада» 26 июля 1953 года?

Что ты можешь рассказать о нападении на президентский дворец в Гаване 13 марта 1957 года?

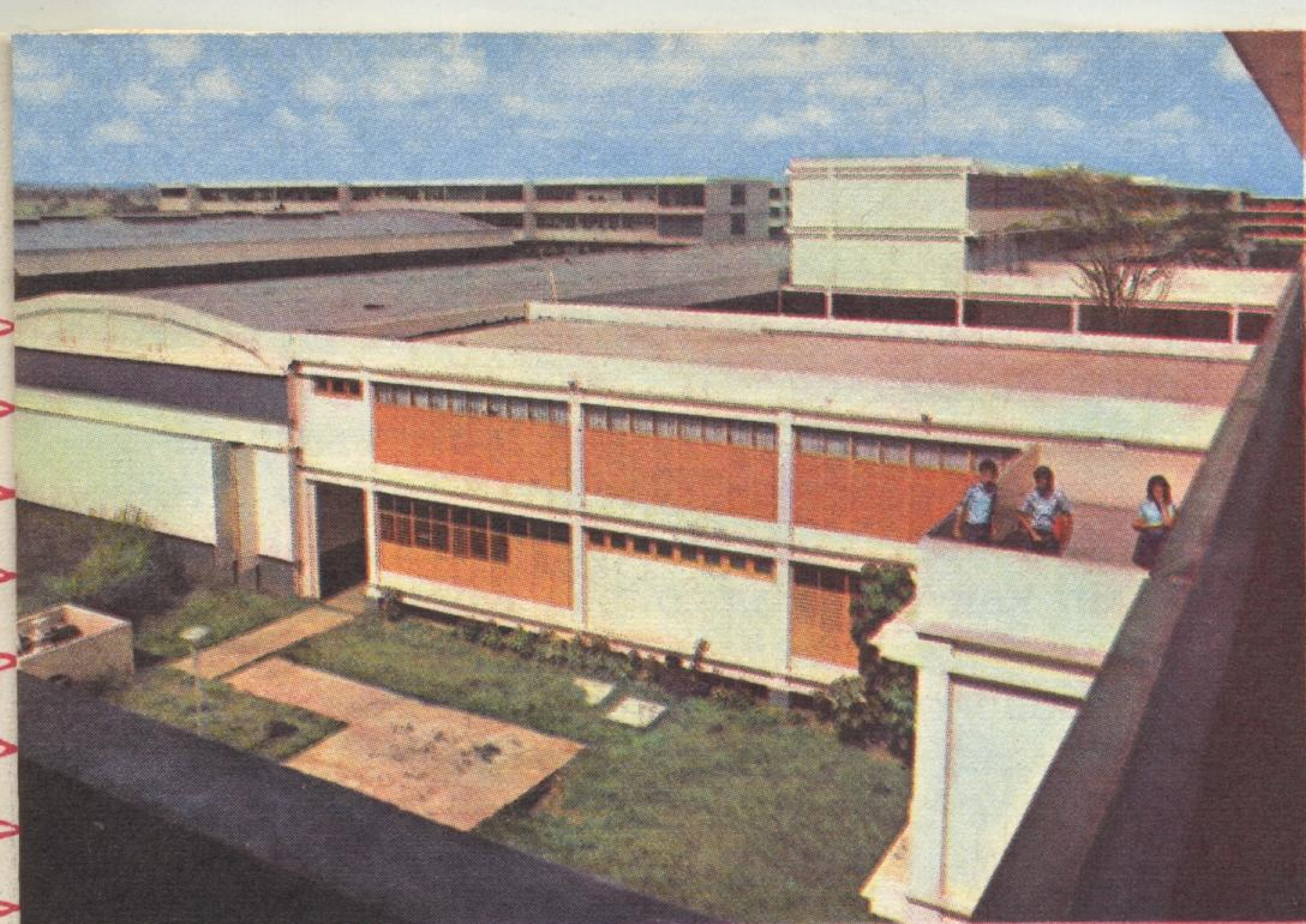
Что ты знаешь о героическом походе на шхуне «Гранма»?

3 Гавана, встречавшая 8 января колонны бойцов Повстанческой армии, вошедших во главе со своим главнокомандующим, была расцвечена тысячами флагов, повсюду черно-красные знамена Движения 26 июля, ликующий народ. На снимке ты видишь Фиделя Кастро, вождя кубинской революции, в этот день. «Он сумел поднять наш народ и привести его к победе...» — сказал о нем Фабио Гробарта на Первом съезде Коммунистической партии Кубы. **Каких еще выдающихся революционеров Кубы знаешь ты? Какие подвиги во имя свободы совершили они?**

4 31 января 1974 года недалеко от Гаваны состоялось открытие городка школы-интерната. В гости к ребятам приехали Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев и Первый секретарь ЦК Компартии Кубы Фидель Кастро. Л. И. Брежнев выступил перед учениками и подарил им портрет В. И. Ленина. **Чье имя носит школа-интернат? В каком пионерском лагере нашей страны ежегодно отдыхают лучшие ученики этой кубинской школы? Если ты был в этом лагере и встречался с кубинскими ребятами, расскажи нам об этих встречах.**

7 **Кто из советских космонавтов был первым президентом Общества советско-кубинской дружбы? Кто сегодня президент этого общества?**

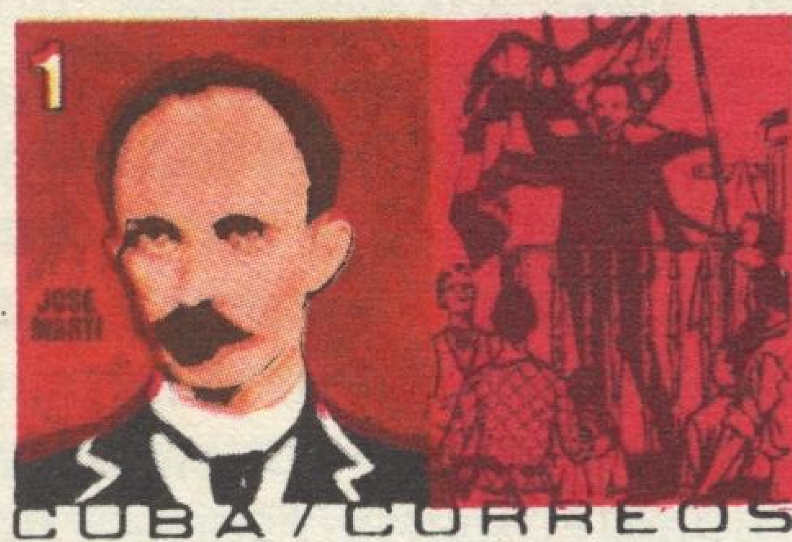
8 **Что такое «сафра»?**

5 **Какому историческому событию в жизни народа Кубы посвящена эта эмблема?**

9 Ты видишь значок Союза пионеров Кубы, в рядах которого более двух миллионов юных кубинцев. **Какое важное событие отмечал Союз пионеров Кубы в этом году? Когда была создана пионерская организация на острове Свободы? Нарисуй галстук этой организации.**

6 Ты хорошо знаешь, что такое «ударная комсомольская стройка». Твои старшие братья и сестры строят сегодня магистраль века — Байкало-Амурскую железную дорогу. Ударные стройки есть и у кубинской молодежи. **Какую железнодорожную магистраль, начало которой в столице Кубы Гаване, строят кубинские юноши и девушки?**

10 **Какому событию посвящена эта марка, выпущенная на Кубе?**

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЖЮРИ КОНКУРСА

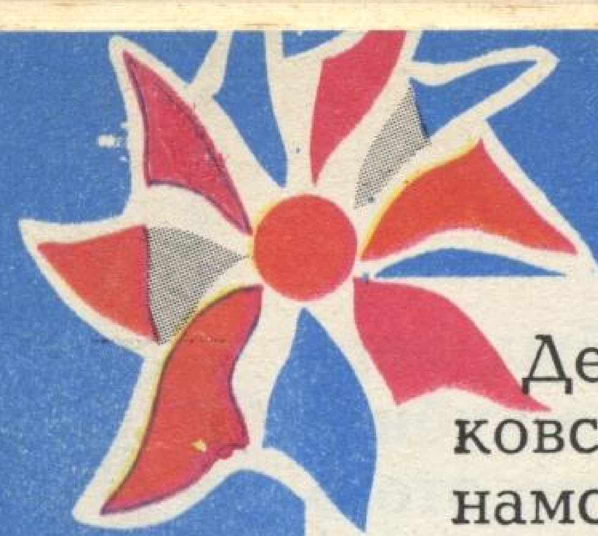
Есть в Артеке в дни международной смены добрая традиция—отправлять «Почту мира». В закупоренных бутылках она плывет по морям и океанам. В этой почте мира — слова о дружбе и солидарности. **Мы предлагаем всем звеньям, отрядам, дружинам, клубам и кружкам интернациональной дружбы, всем, кто хочет подружиться с кубинскими пионерами, отправить в Гавану, во все города и поселки республики, где есть школы, «Почту дружбы» — письма-рассказы о себе, о своем отряде, о нашей Родине.**

Все ваши письма (конечно, с точным обратным адресом) «Пионер» отправит в адрес Союза пионеров Кубы.

Вы согласны участвовать в **«Почте дружбы»?** Ждем ваших писем даже в том случае, если вы не будете участвовать в конкурсе. На конверте пишите: «Почта дружбы». Наш адрес: Москва, 101459, ГСП, Бумажный проезд, 14, журнал «Пионер».

СОВЕТЫ ЖЮРИ

Издательство политической литературы выпустило в 1975 году книгу «Куба — остров созидания!». Авторы ее—О. Дарусенков, Б. Горбанев, В. Ткаченко. В ней вы узнаете много интересного о Кубе и советско-кубинской дружбе, о визите Л. И. Брежнева на Кубу.

Десять лет назад ребята из 21-й московской школы познакомились с вьетнамскими студентами, которые учились в Советском Союзе. Теперь мало кто помнит первый вечер советско-вьетнамской дружбы, состоявшийся в актовом зале 21-й школы. Гостей было много — пришли все члены Вьетнамского студенческого землячества, 50 человек. С любовью и грустью рассказывали они пионерам о своей родине, о младших сестренках и братишках, оставшихся во Вьетнаме...

Среди пионеров, принимавших гостей, были на вечере четвероклассники. Ребята слушали, затаив дыхание. А на другой день командир отряда Наташа Маркина предложила: бороться за право называться пионерским отрядом имени Хо Ши Мина.

В трудное для Вьетнама время родилась эта дружба, но с каждым годом советские пионеры и ребята из Вьетнама дружили все крепче, потому что верность дружбе доказывали делом.

Когда в 1965 году Соединенные Штаты Америки начали агрессию в Северном Вьетнаме, отряд имени Хо Ши Мина написал американскому президенту Линдону Джонсону письмо с требованием прекратить несправедливую войну. Письмо подписали все пионеры отряда.

И пока на земле Вьетнама бушевала война, ребята собирали и отправляли во Вьетнам посылки — «сумки дружбы». То были волшебные сумки — чего в них только не было! Карандаши, ручки, тетради, книги, игрушки, поделки разные — аппликации, выжигание по дереву... Да и сама 21-я школа походила на неистощимый волшебный мешок — посылки шли во Вьетнам одна за другой.

Отряд Наташи Маркиной всех умел расшевелить, всю школу, если надо, поставить на ноги. И часто случалось так, что начинали дело пионеры из отряда имени Хо Ши Мина, а включались все отряды дружины. Так было, когда собирали медикаменты для госпиталей Вьетнама. Собрали столько, что благодарить ребят приезжал политкомиссар посольства ДРВ...

Теперь имя Хо Щи Мина носит другой отряд: первое поколение друзей Вьетнама в этом году закончило школу. Теперь младшие продолжают дела старших, берегут их традиции.

Рассказывает Ира Надюшкина, командир отряда имени Хо Ши Мина:

— Мы хотим как можно больше знать о том, как живут наши друзья во Вьетнаме, хотим помогать им во всем. По-особому отмечает наш отряд День юного героя-антифашиста. Один такой сбор мы посвятили жизни и подвигу юного героя Вьетнама Нгуен Ван Чоя. Другой сбор назывался «Николай Островский в сердце Вьетнама». Перед нами выступали вьетнамские студенты, только что приехавшие в нашу страну. Они рассказали, как помогал образ Корчагина бороться и побеждать. Во Вьетнаме книга Островского «Как закалялась сталь» была издана небольшим тиражом на французском языке. Те, кто знал француз-

ОПЕРАЦИЯ

ский, читали и с ходу переводили книгу товарищам. Или делили между собой страницы, переписывали от руки...

До недавнего времени советские пионеры не знали поименно своих друзей: письма из Вьетнама приходили редко. Знали только: живут и борются в маленькой, но гордой стране их сверстники, в нечеловеческих условиях продолжают учиться, помогают взрослым одолеть врага. Поддержка, дружба, солидарность с ними были чем-то само собой разумеющимся, за что и благодарности не требуется... Только изредка, участвуя в радиопереличке, пионеры отряда имени Хо Ши Мина говорили с маленькими вьетнамцами напрямую, слышали в эфире голоса друзей.

Сейчас на земле Вьетнама, по обе стороны семнадцатой параллели, мир. Но у страны еще много трудностей: вьетнамский народ борется с разрухой, восстанавливает народное хозяйство. И в этой борьбе пионеры 21-й школы тоже солидарны с вьетнамцами.

«СОЛИДАРНОСТЬ»

Собирать макулатуру — дело не новое. Но вся разница в том, для чего собирать. Если для «галочки», то можно принести несколько старых журналов и книг из дому. А если знаешь, что деньги, полученные от сбора макулатуры, пойдут на строительство Дворца пионеров в Ханое, что ты участник акции «Солидарность»,— это совсем другое дело. Тут уж все этажи дома исходишь, во все двери постучишься. И, пожалуй, шкалы безмена не хватит, чтобы взвесить твой «улов». Отряд имени Хо Ши Мина, например, собирает каждый раз по тонне макулатуры!

Недавно, 2 сентября, в день провозглашения Демократической Республики Вьетнам, из 21-й школы отправилась «сумка дружбы». В ней сувениры, учебные принадлежности, книги о Ленине, значки с изображением Владимира Ильича. А новая сумка готовится к отправке. Хотите заглянуть? Там зеленая, пушистая хлорвиниловая елочка и набор новогодних игрушек. И как знать, может быть, вьетнамские ребята отпразднуют Новый год вокруг этой елочки в новом Ханойском Дворце пионеров, который помогают строить все пионеры Советского Союза!

В ноябре прошлого года в Москве было подписано советско-вьетнамское соглашение о строительстве в Ханое Дворца пионеров, который советская молодежь подарит детям Вьетнама.

Центральный Комитет ВЛКСМ обратился ко всем пионерам страны с предложением — начать операцию «Солидарность», помочь взрослым в строительстве пионерского Дворца для юных вьетнамцев.

Участники операции «Солидарность» собирают металлолом, макулатуру, работают на подшефных предприятиях, на полях колхозов и совхозов и заработанные деньги перечисляют в фонд строительства Дворца пионеров в Ханое.

Расскажи, как твой отряд, твоя дружина участвуют в операции «Солидарность». Чем помогли вы своим друзьям во Вьетнаме?

Рисунок Ю. РОДИНА.

Осенью всегда чуть-чуть грустно. Наверное, потому, что

Летят пожелтевшие листья,
Повисли багряные кисти,
Дожди очень часто идут,
Зверюшки в норушки бегут.
Птицы все лето пели,
А теперь улетели...

Наташа Полякова, шестиклассница
из деревни Ильинское,
Калининской области.

Люда Маркина
На улице

*

Листья, листья — желтый, красный...
Сыплет дождик-листопад.
Здравствуй, школа! Школа,
здравствуй!
Листья по ветру летят...

Витя Капустин,
город Канск.

Ветер из стихотворения Вити принес осенний кленовый лист на «Кораблик» и поставил его вместо паруса. Вперед, по океану знаний! В сентябре начались занятия, и не только в школах.

*

Мой брат окончил школу
И уехал в вуз.
Будет он строителем,
Этим я горжусь.
Построит он больницу
И светлый детский сад,
Построит фабрику, завод
И будет очень рад.

Наташа Ялова,
7-й класс, город Ессентуки.

*

*

А летние каникулы еще так живы в памяти! Закроешь глаза — и вспомнишь до крошечной подробности какой-нибудь летний день и все, что с тобой тогда приключилось.

Вот темнеть внезапно стало
Голубое небо.
Сыростью кругом запахло,
Мы идем несмело.
Летний дождь побыл недолго,
Смыл с деревьев пыль
И ушел в степные дали
Поливать ковыль.

Оля Прокаева,
8-й класс,
зерносовхоз Карагандинский.

*

Марина Войтик, восьмиклассница из Уфы, сочинила стихи, которые посвятила вам, мальчики.

Часто сквозь сны тревожные
В полуночной тишине
Приходит к мальчишкам маршал
На вороном коне.
Зовет он мальчишек на подвиг
Во имя родной страны.
Наверное, все мальчишки
Видят такие сны.
Война отгремела залпами
Сейчас, в век космический, атомный,
Мальчишки мечтают по-прежнему
Стать Родины нашей солдатами.
И хоть увлекаются космосом,
Но все же порой во сне
Когда-нибудь маршал приходит
На вороном коне.

*

Сами мальчишки о своих снах и мечтах помалкивают. У мальчишек военные стихи получаются короткими, деловыми и по-мужски строгими:

Стоит часовой
С автоматом в руках.
Он в оба глядит: не пробрался бы враг.

Женя Васильев,
3-й класс, город Златоуст.

К звездному небу
Рванул звездолет.
Долог же будет
Его полет!
К звездам он будет лететь,
Как комета,
С бешеной скоростью—
Скоростью света.

Дима Самодуров,
12 лет, город Воронеж.

*

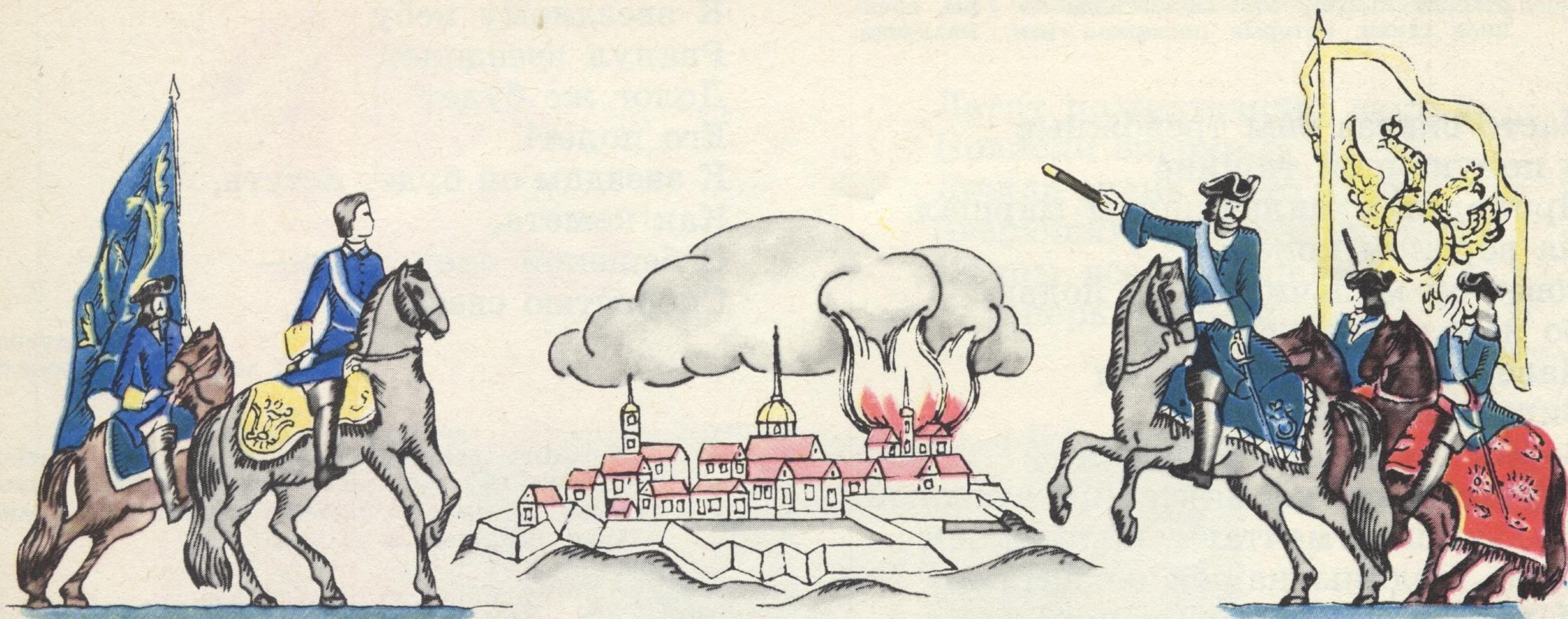
«Кораблик» причаливает к берегу. До следующей встречи! На прощание — стихотворение нашей старой знакомой Оли Лебедушкиной из поселка Турки, Саратовской области.

Радость

А мир — красивый,
Зеленый и синий.
Растите выше,
Березы в садике!
Листвой зеленой
Весь мир нарядится!
Растите выше,
Тянитесь к небу.
Таким прекрасным
Мир еще не был!

Олег Новиков
Атака

ИСТОРИЯ В КАРТИНКАХ

Я. ГОРДИН

Полтавская битва

Рисунки Н. ГРИГОРЬЕВОЙ.

Лицом к лицу

Уже девять лет Россия и Швеция вели тяжелую, кровопролитную войну, она вошла в историю под названием Северная война. Сперва в Прибалтике, в Польше, в Германии. Потом шведский король Карл XII вторгся в пределы России и двинулся на Москву.

Искусно маневрируя, Петр I уводил шведские полки все дальше и дальше, отрезал от резервов, заставляя их идти по опустошенным и безлюдным областям. Шведская армия уменьшилась. Запасы пороха подходили к концу.

И все же у Карла оставалась многотысячная армия. Его пехота и кавалерия еще недавно громили датские, саксонские и польские войска. Вся Европа трепетала перед «северными викингами». Карл, бесстрашный полководец, за всю свою жизнь не испытал ни одного поражения...

И вот теперь, в июне 1709 года, непобедимый доселе король встретился лицом к лицу с русской армией, закаленной многолетней войной, хорошо вооруженной и сильной духом.

Предстоящее сражение должно было решить судьбу и России и Швеции. **Полководцы готовились к решающей схватке...**

Шведы атакуют редуты

Русские солдаты по приказу Петра построили на будущем поле боя надежное укрепление — ретрашемент, а перед ним десять небольших редутов, чтобы не дать шведам сразу развернуться для атаки...

Бой на линии редутов — по замыслу Петра — должен был измотать и ослабить шведские части.

В ночь с 26 на 27 июня шведы двинулись из своего лагеря. Карл надеялся захватить Петра врасплох, за несколько часов решить судьбу войны.

Шведы шли медленно и осторожно. Карла, недавно раненного в ногу, несли на носилках.

Справа и слева от синих шведских колонн выступала из предутреннего сумрака темная стена леса: слева Будищенского, справа — Яковецкого. За Яковецким лесом небо уже светлело — там вставало солнце.

Впереди шведы слышали звонкий стук топоров: русские торопились достроить те редуты, которые не были еще готовы.

Русские разъезды давно уже заметили движение шведской армии, и, когда авангард Карла приблизился к редутам, семнадцать полков русской конницы стояли между редутами, готовые к бою. Ими командовал Александр Меншиков.

Работа на недостроенных редутах прекратилась.

Около трех часов утра раздался первый залп Полтавской битвы: русские редуты встречали приближающийся шведский авангард.

Шведская пехота шла четырьмя колоннами. За ней — шесть колонн конницы.

После первых залпов шведский фельдмаршал Реншильд остановил армию. По его приказу конница ринулась на эскадроны Меншикова. Реншильд рассчитывал опрокинуть русских драгун, прорвать линию редутов и с ходу атаковать главные русские силы.

Несмотря на сильный огонь, шведы галопом доскакали до русской конницы и врубились в ее ряды. Драгуны Меншикова, яростно сопротивляясь, отошли за линию редутов. Вклинившиеся между укреплениями шведы попали под перекрестный огонь. Тогда их атаковали русские драгуны и отбросили обратно.

Шведская пехота успела ворваться в два недостроенных редута, но другие укрепления выдержали ее натиск.

Снова пошла в атаку шведская конница, снова Меншиков бросил ей навстречу своих драгун и после жестокой рубки отогнал. Он дрался вместе со своими конниками. Под ним были убиты две лошади.

Первый — самый стремительный — натиск шведов захлебнулся.

Русские пехотинцы.

Росс и Шлиппенбах разбиты

Петр внимательно следил за боем. Он понимал, что одним полком Меншикова не удержать натиска всей шведской армии. Рано или поздно шведы опрокинут конницу. Этого нельзя было

Вклинившиеся между редутами шведы попали под перекрестный огонь.

Утро 27 июля 1709 года... Перед наступающим строем шведских полков — раненый Карл XII на носилках.

допустить. Конные полки нужно сохранить для главного сражения.

После второй удачной контратаки к Меншикову подскакал посланный Петром офицер и передал приказ отходить к главным силам.

— Невозможно отступать! — закричал Меншиков.— Передай государю, что мы верх берем! Пускай пришлет мне три полка пехоты, и я шведам здесь хребет сломаю! Сейчас снова в палаши пойдем!

И он повел своих драгун в атаку и опрокинул передовые шведские эскадроны.

Но Петр знал, что нельзя авангардный кавалерийский бой на узкой прогалине превращать в генеральную баталию. Он снова велел Меншикову отходить. Меншиков отказался и снова потребовал пехоты.

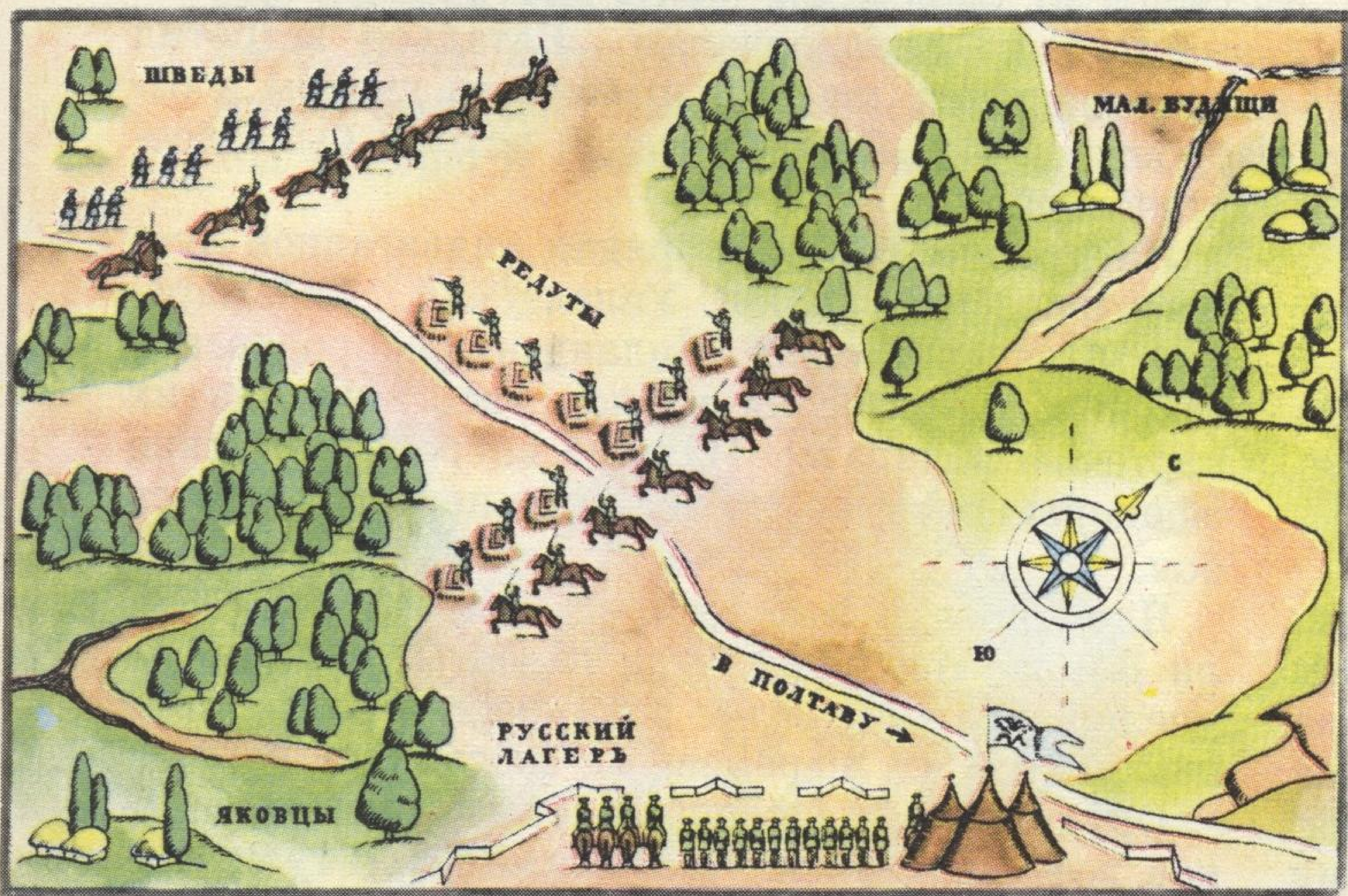
А шведы все не могли взять два продольных редута. Как и предвидел Петр, эти редуты рассекли наступающие колонны. Части генералов Росса и Шлиппенбаха оказались значительно правее основных шведских сил. Наконец связь между основными шведскими силами и этими генералами прервалась совсем. Росс и Шлиппенбах отвели свои поредевшие батальоны и эскадроны на опушку Яковецкого леса и встали там, не зная, что делать дальше.

Увидев это, Петр сразу послал Меншикову подкрепление и велел, взяв пять конных полков, ударить по отрезанным шведским колоннам.

Меншиков настиг Росса и Шлиппенбаха в лесу. Неожиданная атака смешала шведские ряды. Оба генерала попали в плен.

Вместо Меншикова конницу у редутов возглавил генерал Боур. Получив от царя приказ

Петр I со шпагой в руке ведет второй батальон новгородцев на помощь однополчанам.

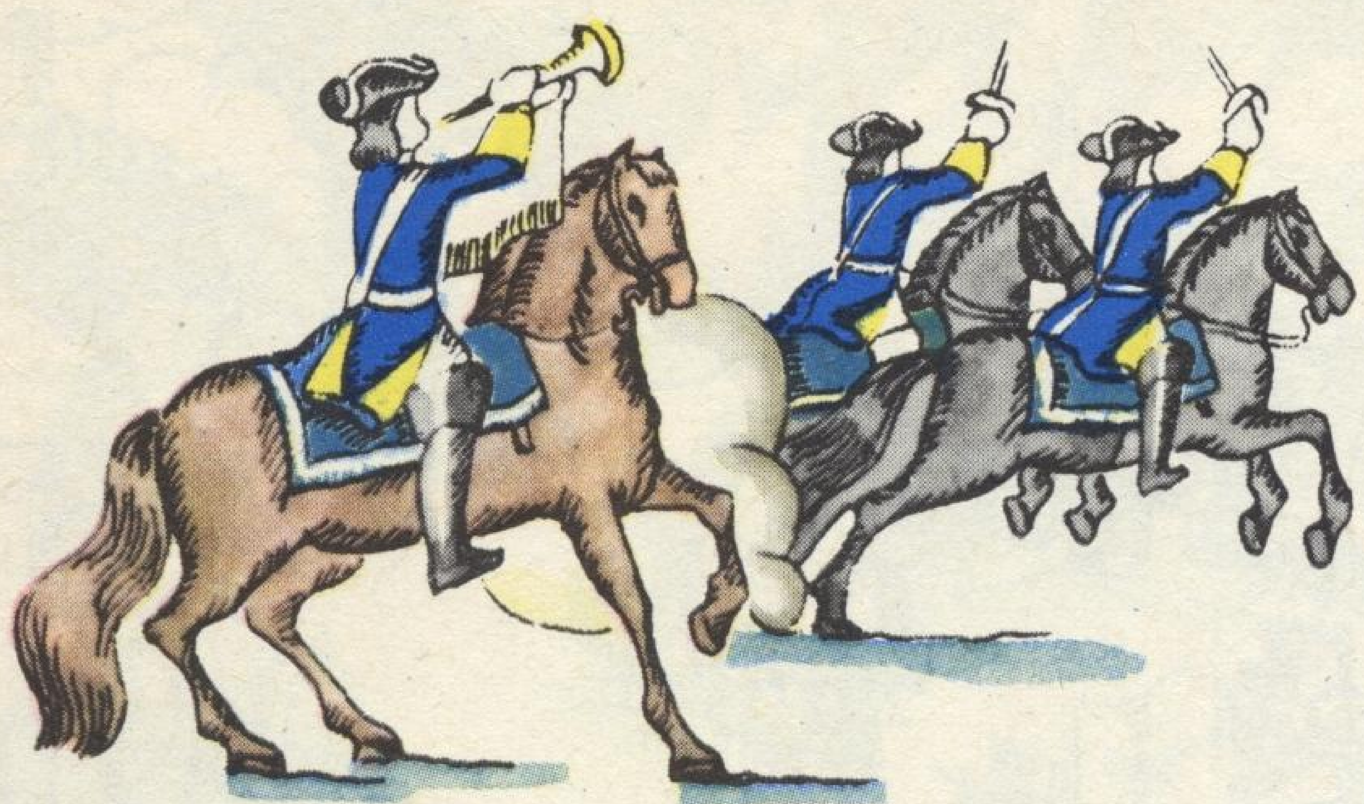

отводить полки, он немедленно его выполнил. Неожиданно для противника круто развернул свои эскадроны и галопом увел их с позиции.

Шведская армия ринулась за отступающими драгунами. Между редутами шведы снова попали под жестокий огонь, с большими потерями прошли линию укреплений и бросились дальше.

Конные полки Боура, уходя, подняли тучи пыли. За этой пылью шведские генералы не заметили, что их правый фланг вышел к русскому ретрашементу. Неожиданно для упоенных преследованием шведских полков на них обрушился огонь десятков орудий. Пушки ретрашемента били картечью. Чтобы уйти из-под огня, пехота и конница правого фланга хлынули в сторону от ретрашемента и смешали остальные части.

Реншильд поспешно отводил армию на опушку Будищенского леса, чтобы перестроить ее и привести в порядок.

Шведская конница.

Шведская пехота.

«Пришел час, который решит судьбу отечества!»

Расчеты Петра оказались правильными: первый прорыв шведской армии разбился о линию редутов. Шведы понесли огромные потери. Отряды Росса и Шлиппенбаха, отсеченные от армии, разгромлены. В тылу у шведов остались восемь редутов с засевшей в них русской пехотой, угрожавшей противнику. Пришло время выводить основные силы из ретрашемента и начинать решающую схватку.

Пока шведы приводили в порядок свои расстроенные полки в Будищенском лесу, русская армия строилась перед своими укреплениями.

Шел седьмой час утра.

Сорок два батальона русской пехоты выстроились в центре позиции в две линии. Второй батальон каждого полка встал сзади первого батальона, чтобы в случае надобности поддержать его.

На флангах встала конница. В ретрашементе было оставлено шесть пехотных полков — общевойсковой резерв. Эти полки можно было направить в любое место боя. Артиллерия стояла в интервалах между батальонами.

Петр выехал к фронту пехоты.

— Воины! — крикнул он. — Пришел час, который решит судьбу отечества! И не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество! Не должна вас смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого! Вы сами своими победами доказали, что это ложь! А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего!

На опушке Будищенского леса показалась шведская армия. Карла несли на носилках перед наступающим строем.

У шведов было восемнадцать батальонов пехоты и двадцать девять эскадронов кавалерии, значительно меньше, чем у Петра. Мощной русской артиллерии шведы могли противопоставить только четыре орудия. Для остальных пушек у них не было пороха.

В русской пехотной линии стоял Новгородский полк, один из самых лучших, испытанных полков. Предполагая, что семеновский унтер-офицер, перебежавший накануне к врагу, расскажет шведам о том, что в русской армии есть плохо обученный полк новобранцев, Петр решил перехитрить противника: серые мундиры новобранцев надели закаленные новгородцы.

Шведская армия приближалась.

Петр I ведет батальоны

9 часов утра.

Карл издали увидел серые мундиры, выделяющиеся на общем зеленом фоне, и указал на них Реншильду.

Один из шведских полков сомкнул ряды так тесно, что два его батальона заняли столько же места по фронту, сколько один батальон Новгородского полка. И эта монолитная, сверкающая сплошной линией штыков колонна, как таран, ударила в строй новгородцев.

Расколов первые ряды русских, шведы штыками и прикладами проламывали себе путь. Они стремились расчленить, рассечь русскую армию.

Новгородцы подались назад. Минута была страшная. Если бы шведам удался их замысел, в прорыв хлынули бы другие шведские части правое и левое крыло русской армии потеряли бы связь между собой.

Петр спешился и бросился ко второму Новгородскому батальону. Выхватив свою длинную тяжелую шпагу, он повел новгородцев на помощь их однополчанам. Батальон встретил прорвавшихся шведов штыковым ударом и отбросил назад. Линия русской пехоты была восстановлена.

На русские боевые порядки надвигались лучшие шведские полки: Упландский, Кальмарский, Ионческий, Ниландский, королевская гвардия. Артиллерия в упор расстреливала их картечью и ядрами. Идущие впереди шведские офицеры почти все погибли в первые полчаса боя.

Ядро попало и в носилки, на которых несли Карла. Носилки были разбиты, но король уцелел. Гвардейцы тут же скрестили несколько пик и на их перекрестие посадили короля.

Орудийный и ружейный огонь русских полков все усиливался. Чтобы избегнуть губитель-

ного огня, шведы стремились вперед, рвались скорее сойтись в штыковом бою.

И тогда Петр двинул первую линию русских батальонов им навстречу. Завязался рукопашный бой в тучах горячей желтой пыли.

Многочисленная русская кавалерия стала обходить и теснить усталую шведскую конницу. Шведская пехота не выдержала встречного удара.

Силы ее были подорваны огнем русской артиллерии и маршем на редуты.

«Ваше величество! Пехота погибла!»

К Карлу подлетел на взмыленном коне потерявший голову Реншильд.

— Ваше величество! — закричал он. — Пехота погибла! Гвардейцы, спасайте короля!

У шведов началась паника. Напрасно генералы пытались ободрить солдат. Шведы побежали...

В тылу наступающей русской пехоты стояли десятки свежих батальонов второй линии и резерва, готовые поддержать напор сражающихся полков. Но в этом уже не было надобности. Армия Карла отступала в полном беспорядке.

Было 11 часов.

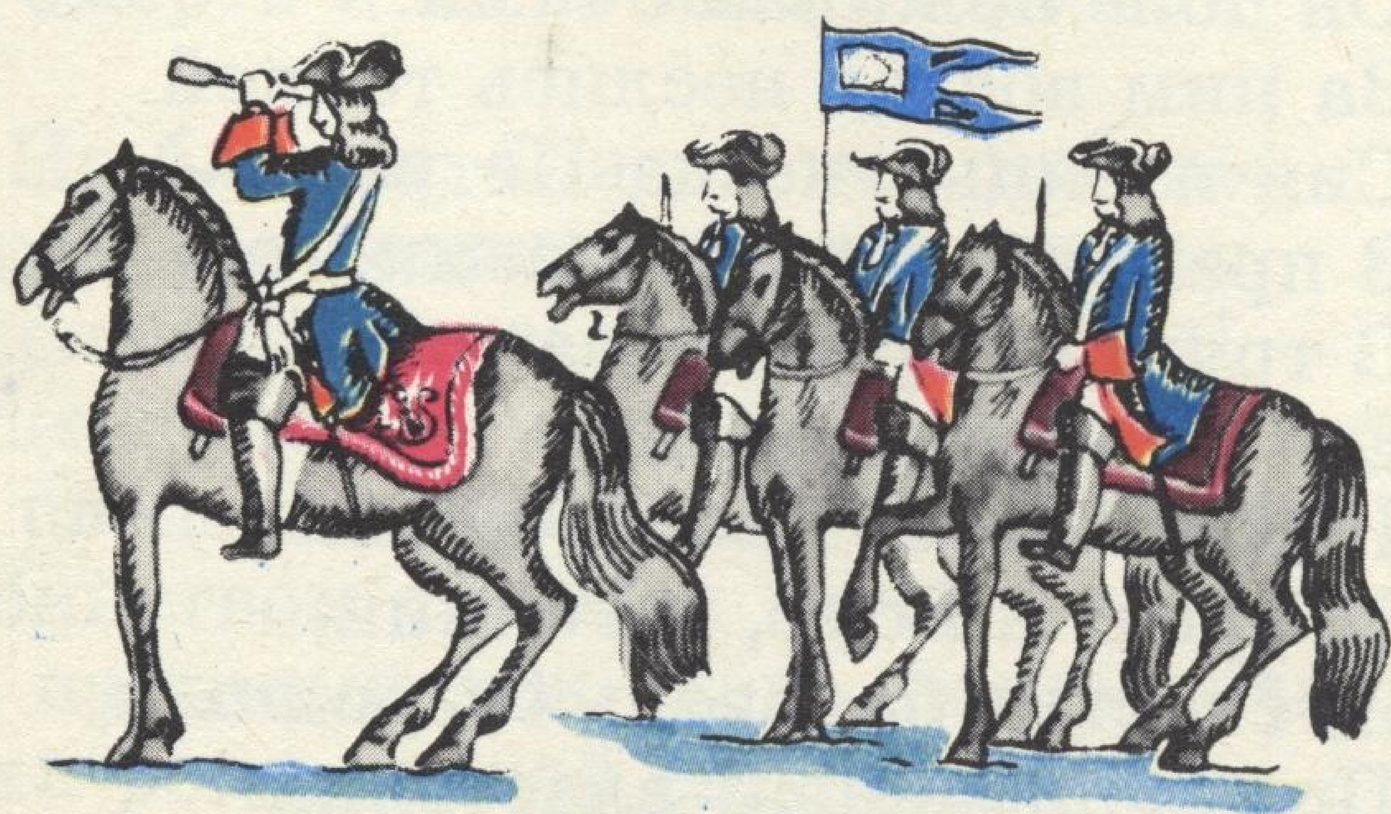
Конница преследовала бегущего неприятеля. К шатру Петра вели пленных шведских генералов и несли знамена.

Принесли разбитые носилки Карла. Но самому Карлу с небольшим отрядом удалось уйти от преследования и бежать в степи за Днепром, которые принадлежали тогда турецкому султану.

После Полтавской битвы бои на море и на суше шли еще двенадцать лет. Но лучшие шведские полки были разгромлены под Полтавой, и шведы не смогли оправиться от этого поражения.

А когда Россия создала сильный флот, Швеции пришлось заключить мир и вернуть старинные русские земли на побережье Балтийского моря. Цель, которую ставил Петр I в Северной войне, была достигнута — Россия получила выход к морю и стала значительно сильнее.

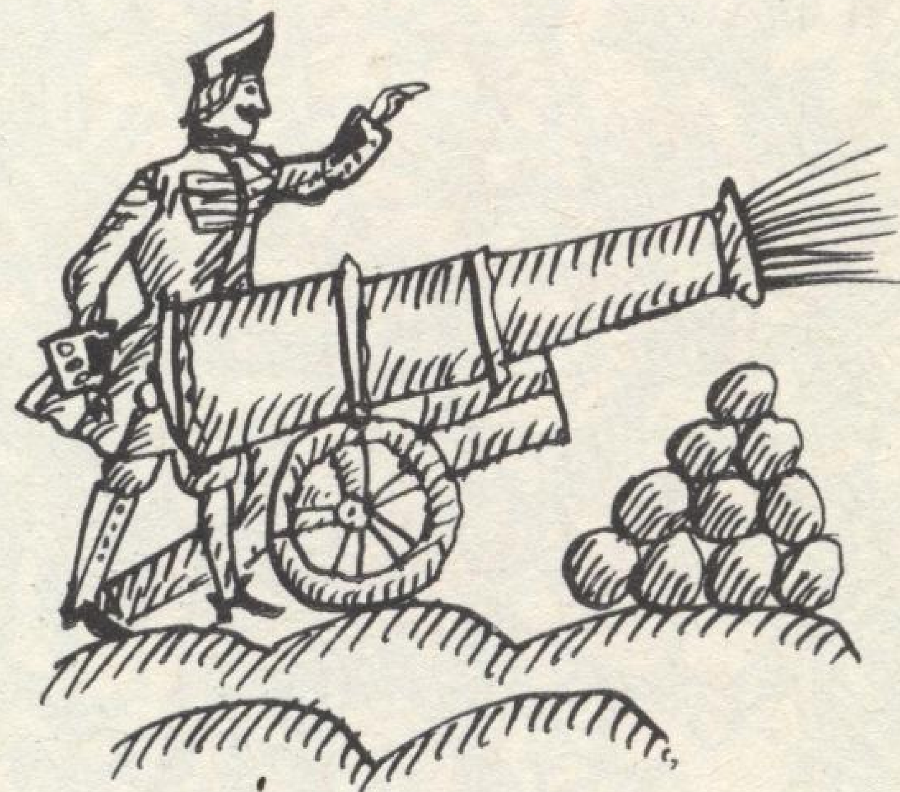
Русская конница.

А. С. ПУШКИН

ПОЛТАВА

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым
багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались
стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огнь окопов
рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ее стремление крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там,
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлиппенбах.
Тесним мы шведов
рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь,
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Равняясь строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирев,
Прервали свой голодный рев.
И се—равнину оглашая
Далече грянуло УРА:
Полки увидели Петра.

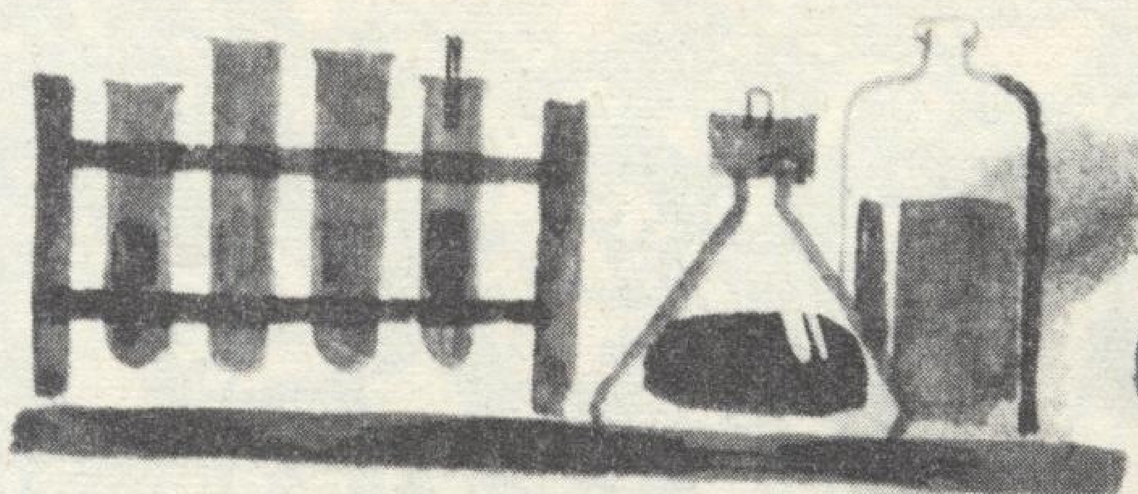
И он промчался пред полками,
Могущ и радостен как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова—
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины.
И грянул бой. Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся сплеча.
Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский—колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон...

Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит:
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.

ИНТЕРВЬЮ О САМОМ

В коридоре 228-й московской школы стояли трое друзей-десятиклассников и разговаривали. **Гриша Лейзерёнок, Толя Рябушкин** и **Алик Аркин** только что сдали последний выпускной экзамен и теперь ждали, когда объявят оценки. Оттого, что ребята десять лет учились вместе, и оттого, что эти десять лет остались позади, разговор у них был откровенный.

Совершенно случайно свидетелем этого разговора оказался наш корреспондент, выполнявший задание редакции. Вот так, сами того не подозревая, трое десятиклассников дали интервью журналу «Пионер».

— Что кислые такие? — спросил друзей Толик.— Не рады, что школу кончаете?

— Рады,— без особого энтузиазма откликнулся Гриша.— Мне не школы жаль. В жизни много еще чего будет, может, и поинтереснее. Мне жаль, что не всё мы от школы взяли, не все возможности использовали...

— Ну, ты-то ничего не упустил,— убежденно произнес Толя.— Всегда был отличником, для тебя четверка — редкость.

— Не в этом дело,— возразил Гриша.— Если на то пошло, вы с Аликом ненамного хуже меня учитесь. У тебя одна тройка, у Алика две... И все равно, сколько было за десять лет таких дней, когда мы шли в школу только потому, что н а д о.

— Ну и что ж такого,— вмешался Алик,— может, в эти дни были неинтересные уроки. Если предмет не нравится, конечно, скучно учиться.

— Это точно. Мне химия всегда не нравилась, сплошные тройки! — вздохнул Толя.

— Химия и мне не нравилась,— сказал Гриша,— но я вытягивал на четыре. И я уверен, что даже нелюбимые уроки могли бы стать интересными, если бы мы постарались... Помнишь, как Аркин делал по литературе доклад «Современники Маяковского»? Целый час говорил, а все слушали, даже перемену пропустили.

— Ну правильно: он в литературе — ас!

— А ты в математике ас, а я в физике... Вот и получается,— заключил Гриша,— что если бы все мы выступали на уроках, как Алик...

— Да ладно вам, ребята! — запротестовал Алик Аркин.

— ...то на всех уроках было бы интересно! Всем! — закончил Гриша.

— Так. Можно вопрос? — ехидно спросил Толик и поднял руку.— Где взять время на доклады? Ты сколько времени на уроки тратишь?

— Четыре-пять часов,— ответил Гриша.

— И я три-четыре часа в день. А если сочинение на дом задавали, то и по восемь часов сидел. А ты, Алик?

— Я? Часов этак по... м-м-м... в общем, когда как.

— Хорошо, — продолжал Толя.— Плюс к этому у меня математический кружок два раза в неделю. И у тебя, Гриша, тоже...

— Два раза,— кивнул Гриша.

— ...у Алика литературный кружок во Дворце пионеров, верно?

— Верно, — согласился Алик.— А еще книги, театр. Или это не в счет?

— Затем,— продолжал, Толик,— у меня секция по лыжам и конькам, у Гриши — велоспорт, у Алика — шахматы. Правильно я говорю?—Друзья кивнули.— Типичный случай — не хватало времени...

— А я считаю,— возразил Гриша,— что это не мешало, а помогало нам учиться. Взять хотя бы математику: лично меня сколько раз выручало на уроке то, что я узнал в кружке. И вообще приятно внести в урок что-то свое — не из хвастовства, а для интереса.

— Это верно,— согласился Толик,— наверное, всякое увлечение помогает. А вот уж спорт — это не для школы, это для себя.

— Чудак ты человек! — рассмеялся Гриша.— Что хорошо для тебя, то хорошо и для школы. Когда ты в форме, учиться легче, это ж ясно. Не знаю, как шахматы...

— А что шахматы?! Если хочешь знать, шахматы больше всего помогают учиться: развивают логическое мышление, тренируют память,— сказал Алик.—

ГЛАВНОМ

Это тебе не педали крутить...

— Память у меня и так тренированная, — заявил Гриша.— Честное слово, я только благодаря памяти десять классов кончил. Если на уроке слушаешь внимательно, запоминаешь — это уже полдела. Дома еще раз прочел — и можно хоть сейчас отвечать...

— Память — это хорошо,— согласился Толик,— а работоспособность лучше. Или, как учителя говорят, усидчивость. Тут все от силы воли зависит. Алик, чего молчишь?

— Память, усидчивость, работоспособность, кружки, спорт...—задумчиво произнес Алик.— Спору нет, все это помогает нам учиться. Но программы с каждым годом усложняются. Посмотрите, сейчас второклашки такие задачки щелкают, какие нам в пятом классе не снились. Жалуемся, что времени не хватает. А что дальше будет? Тут ни с какой памятью, ни с какой усидчивостью не управишься... Гриш, ты планируешь свое время?

— Нет,— ответил Гриша.— Хотя уверен, что это здорово помогает учиться. Помню, в первом или во втором классе нам говорили что-то про режим дня. Ну мы, конечно, по несознательности пропустили это мимо ушей. С тех пор нам об этом никто не говорил.

— И я без плана занимался,— сказал Толя.— Не научили. А может, не научился... А вот как вы думаете,— спросил он ребят,— если все это использовать: память, силу воли, знания, полученные в кружках, если день свой правильно организовывать, может каждый учиться хорошо?

— Наверно, может,— подумав, решил Гриша.— Если хорошенько за себя возьмется... И еще если товарищи помогут.

— Наверное, это и есть самое главное,— предположил Толя.— Помните, у нас в классе был пост взаимопомощи? Ведь очень многим он помог... Только почему-то в старших классах про него забыли...

Рассудительный Алик Аркин наконец высказал свое мнение:

— Отстающие бывают двух типов: одни не могут учиться, другие не хотят. Таких, которые не могут, если и есть, то очень мало. Зато многие не хотят учиться по-настоящему: то ли заставить себя не могут, то ли им неинтересно. А чаще всего запускают учебу, а потом уже не хватает сил взяться и наверстать... В принципе это неглупые ребята, с ними есть о чем поговорить. Лучше всего помочь им могли бы мы сами, потому что учителей отстающие или боятся, или стесняются. Иногда учитель спрашивает: «Есть вопросы?» И хотя тема не всем понятна, никто руки не подымет. Наверное, думают про себя: «Все поняли, один я такой тупой. Лучше уж промолчу».

— А я специально не спрашивал, — признался Гриша.— Мне приятно самому в справочниках покопаться, в энциклопедию заглянуть. Статьи по литературе почитать, документы по истории.

— Кстати,— добавил Толя,— толковая вещь — энциклопедия. Написано вроде коротко, зато ёмко!

— Если бы я не читал литературную критику, я бы так не знал литературу,— сказал Алик.— Но меня всегда интересовала новая мысль, а не повторение учебника. Мне интересно тогда, когда я ищу новое, что-то такое, чего раньше не знал. Появляется ощущение, словно сам совершаешь открытие. Вот что, по-моему, в учебе самое главное.

— Что-то много у нас самого главного получилось,— заметил Толик.

— А мы, по правде говоря, на это главное раньше очень мало внимания обращали,— вздохнул Гриша.— А жаль!

Теперь настал твой черед высказаться:

В ЧЕМ ТЫ СОГЛАСЕН С РЕБЯТАМИ, А В ЧЕМ ХОЧЕШЬ ПОСПОРИТЬ?

ЧТО ТЫ СЧИТАЕШЬ САМЫМ ГЛАВНЫМ В УЧЕБЕ?

КАКИЕ КАЧЕСТВА ПОМОГАЮТ ТЕБЕ УЧИТЬСЯ? КАКИЕ МЕШАЮТ?

КАКИМИ НАВЫКАМИ ТЫ ХОТЕЛ БЫ ОВЛАДЕТЬ?

Напиши. Мы постараемся помочь тебе.

Записал С. МАКЕЕВ

Морозовская

Окончание. Начало в №№ 8, 9.

А тем временем в Петербург одна за другой летели шифрованные депеши. «Издавна правлением товарищества практикуются крайне высокие взыски и штрафы с рабочих с целью этим способом понизить задельную плату. Вычеты эти составляют в среднем до 30% с заработанного рубля»,— докладывали жандармы.

«Озлобление рабочих отчасти справедливо. Поводом к прискорбным событиям, начавшимся 7 января, послужило то крайнее угнетение, которому подвергаются рабочие, поступающие на эту фабрику. Правление на уступки не идет и облегчения рабочим делать не желает» — так докладывал о стачке губернатор.

Прочитав эту депешу, государь воскликнул:

— Что они там, с ума посходили? Переговоры ведут... Дипломаты! Никак не наведут порядок на одной только мануфактуре... Мало войск — возьмите еще... Надо же прекратить это безобразие!..

Ребятишки с Ваней-приютским во главе носились по Никольскому, сдирая объявления Морозова и вывешивая те, что дал им Волков.

Полтора года спустя, 3 июня 1886 года, юристы с университетскими дипломами разработают «рабочий» закон, слово в слово перепишут их требования об ограничении вычетов за прогул по вине хозяина, об уплате жалованья не позднее как через две недели, о том, что воспрещается фабрикантам присваивать штрафные деньги.

Но все это потом, а пока в Орехово бодро входили четыре казачьи сотни на подмогу двум пехотным батальонам.

...В местечке было тихо, начальство попряталось, ни одного человека пока не арестовали. Когда Петр Анисимович пришел домой, Сазоновна всплакнула вдруг.

— Ну, чего ты! Как видишь, ничего плохого пока не случилось,— успокаивал ее Петр Анисимович.

Из окна было видно, как на переезд вышло человек тридцать казаков. Толпой, прогуляться. Солнышко было нехолодное в тот день. Оттепель приспела, снег помягчал. Поглядеть на казаков высыпали фабричные.

Моисеенко стал поспешно одеваться.

— Куда? Поешь хоть!

— Через полчасика прибегу. На казаков поглядеть охота.

Настроение на переезде у всех хорошее. Шутки, смех.

Фабричные узнали Петра Анисимыча, обрадовались ему.

— Вот они, какие казаки-то, вольные люди! — как бы удивился Анисимыч.

— Чего ж, особые, что ли? — подзадорил его рыжий улыбчатый казачина.

— Как не особые? Особые. Казак — вольный человек, купцу в кабалу охотой не пойдет. Казака лишь смерть к земле прикрепит, да он даже мертвый воли не забудет.

Казаку изба— поле чистое!
Казаку жена — сабля острая!
Казаку торговать не товарами,
А лихим мечом, алой кровию!

Это уже из Навроцкого, из «Стеньки Разина» наизусть шпарил.

Да теперь времена изменилися,
Атаманы у вас с есаулами
Разжирели, как свиньи, от лености,
Поглупели, как бабы от старости.

Царь так пригрел теперь вашего брата, что и не пикнете. Позабыли волю, рабством своим величаетесь. Нет, не тот казаком называется, кто свою доблесть на беззащитном народе показывает. Казак тот, кто за народ стоит, добывает волюшку для народа.

Казаки, слушая, серьезными стали, кто ухмылялся, кто хмурился. Ни одного слова в ответ. Постояли и пошли в отведенную им казарму.

— Ребята,— сказал своим Моисеенко,— вы тоже расходитесь. Главное, толпами не собирайтесь, разгонять будут. С казаками ссориться нам невыгодно.

Увидел в толпе Волкова.

— Где ты был, в Москве? — спросил Волков.

— Может, и в Москве... Видишь, войска нагоняют, значит, жди арестов, а наше с тобой дело еще не сделано. Пошли-ка, брат, еще раз поглядим наши требования, вечером прочтем в казармах, а завтра губернатору подадим. Говорят, московский прокурор приехал!

— Приехал. Муравьев его фамилия.

Владислав БАХРЕВСКИЙ

стачка

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки **Ф. ЛЕМКУЛЯ,** заслуженного художника РСФСР.

«Объявляется Савве Морозову, что за эту сбавку ткачи и прядильщики не соглашаются работать. А если нам не прибавишь расценок, то дай нам всем расчет и разочти нас по Пасху, а то, если не разочтешь нас по Пасху, то мы будем бунтоваться до самой Пасхи. Ну, будь согласен на эту табель, а то, ежели не согласишься, то фабрики вам не водить».

Одну такую «табель» доставили Тимофею Саввичу.

За окном брезжило серое утро 9 января 1885 года. Морозов, тщательно одетый, но осунувшийся, с мешками под глазами — ночь не спал,— разорвал серую бумажку и, глядя в окно, приказал:

— Подайте лошадей! Поеду в Москву.

Девятого же января в Орехово вернулся Моисеенко. Танюша, его воспитанница, накануне была в Орехове, и Моисеенко знал: ткачи Викулы и Зимина работу не оставили, потому что им вышла от хозяев прибавка. Вместе с Лукою — он пограмотней был — выработали они требования рабочих, которые касались не только Морозова, но и фабрикантов всей России.

— Муравьев? Какой-то Муравьев обвинителем был, когда цареубийц судили. Большая шишка.

Их окружили рабочие.

— Видите, что это такое — стоять всем сообща?— спросил Моисеенко.— Бастуем мы, а у Викулы и у Зимина рабочим прибавку сделали на десять процентов. А вот кабы все фабрики встали, то и прибавка другая была, процентов пятьдесят накинули бы...

Десятого ходили по казармам, читали требования. Власти рабочих не трогали, рабочие властей на задирали.

Губернатор в тот день доложил в Петербург: «Наружных беспорядков нет, но убеждений рабочие не слушают».

Волков переходил мост через Клязьму с опаской. На мосту теперь поставили охрану: зуевских в Орехово не пускали, чтобы не переняли бунт. Моисеенко встречу в Зуеве зря назначил: вся полиция, тайная и явная, в Орехове. Волков обдумывал, что сказать казакам, если остановят, но тут услышал громкий спор. Бабуся напирала на дюжих казаков:

— Ишь, встали! Зачем иду? В церковь!

— В Орехово ступай молись.

— Не у вас мне спрашивать, где молиться. К Пантелеймону я иду, а Пантелеймон — в Зуеве!.. Вот Васька идет, наш человек, грамотный, у него спросите! — показала на Волкова.

— Проходите! — махнул рукой казак.— А то еще толпу соберете.

Волков пошел за старушкой, удивляясь тому, как ловко все вышло. Но бабуся не унималась и по глухоте своей беседу вела так, что слыхать было на обоих берегах Клязьмы.

— Я ведь в церковь иду свечку ставить за твое здравие и за здравие Петра Анисимыча. За вас, наших заступничков.

— Бабушка! Сколько годков-то тебе? — поспешил перевести разговор Волков.

— Я и свечку поставлю, и молитву закажу, и сама помолюсь,— продолжала старуха.

Казак, стоящий на зуевской стороне моста, покосился, но не задержал.

— А что, бабушка,— как перешли мост, спросил Волков,— так уж плохи наши дела, что только от бога нам помощи ждать?

— Казарменские все пойдут вас отбивать, коли заарестуют... А у меня драться силов нет. Глядишь, моя молитва сильнее силы будет.

Волков поспешил распрощаться с громкоголосой бабушкой и направился в трактир Кофеева. Моисеенко сидел в темном углу, пил чай с баранками. Как только Волков сел, передал ему тетрадь.

— Ну, Сергеич, теперь черед за нами. Здесь требования. Смотри не струсь. Губернатор шишка, за ним полк солдат, а за тобою—одиннадцать тысяч рабочих. Говори смелее. Все равно нам ареста не миновать.

Волков спрятал тетрадь под рубашку.

Петр Анисимович налил ему чаю, подвинул баранки. Волков покачал головой:

— Не могу.

— Ты попей чайку, попей. За большое дело, Василий, ответ держать нелегко... Если меня сегодня не возьмут, буду пробираться в Москву. Нужно, чтоб про нашу стачку в газетах написали, нужно о морозовской каторге на весь белый свет раззвонить, чтоб господам фабрикантам неповадно было обижать рабочего человека. Только вот ума не приложу, как найти революционеров. Ждал я в эти дни — никого. Такое шумное дело — и никого.

Волков взял стакан. Отхлебнул.

— Пойду, Анисимыч! Губернатор с утра выйдет народ уговаривать.

— Я за тобой следом... Вместе нам нельзя. Если тебя возьмут раньше, я буду с губернатором говорить.

Они посмотрели друг другу в глаза. «Чистая душа!» — подумал Анисимыч о Волкове.

«Неприметный вроде мужичишка, а какая в нем сила! Кряж!» — подумал о Моисеенко Волков.

— Я старушку встретил,— сказал он вслух.— Пошла за наше здравие свечку ставить.

— Вот и славно! — улыбнулся Моисеенко.

— Дядя Анисимыч, назад!

Моисеенко зорко глянул вдоль пустынной улицы и только тогда скосил глаза на голос: возле старого вяза стоял мальчишка и подавал ему какие-то знаки. Моисеенко отступил за дерево.

— Ваня, ты?

— Я, дядя Анисимыч! Не ходи дальше, губернатор дядю Волкова забрал, а с ним еще человек, может, сто!

— Куда это забрал?

— Во двор их всех впихнули, а у ворот—караул. С пиками, с ружьями.

— Так... Твои приютские-то где? Далеко?

Ваня сунул два пальца в рот и свистнул. Тотчас из-за углов, с деревьев посыпались мальчишки и девчонки.

— Это мы тебя бережем, понял?

— Меня? Кто же это вас надоумил меня беречь?

— Дядя Волков... Ей-богу! Если, говорит, кто наскочит, орите и звените, чтоб на помощь люди бежали.

Моисеенко оглядел подскочивших мальчишек и девчонок, впереди приютские, Ванино воинство.

— Летите, братцы, лётом во все казармы, и чтоб все люди тотчас на улицу шли. «Волкова губернатор схватил!»— так и кричите.

Ребята врассыпную, один Ваня не ушел.

— Мне от тебя отойти нельзя.— Голову опустил.— Сам понимаешь, шпики тебя, небось, днем с огнем ищут.

Анисимыч подмигнул:

— Не дрейфь, Ваня. Они, может, и теперь на нас через щелочку глядят, а взять—кишка тонка. Смотри, как люди-то из казарм высыпают.

Моисеенко поднял правую руку, пошел к рабочим:

— Братцы! Идем к губернатору. Если ему нужно, пусть всех забирает, а не нужно, пусть наших товарищей всех до одного отпустит.

Бросились к воротам.

— Товсь! — раздалась воинская команда. Казаки выставили пики.

Толпа подалась в сторону.

— Айда в банные ворота! — закричали.

Банные ворота были отворены. Толпа ворвалась во двор. Кто-то кинулся к звонкам.

Тревога! Тревога!

Люди бежали из казарм на помощь. Петр Анисимович прислонился к стене, перевел дух. В глазах плыли зеленые и красные круги.

— Дядя Анисимыч!

Как трудно разжать веки!

— Это ты, Ваня?

— Нет. Я Ванин друг. Помнишь, ты в приют к нам приходил?

Петр Анисимович, сбросив оцепенение, поглядел на мальчика.

— А, черняненький! Помню.

— Я знаю, где сидят арестованные.

Тяжесть отлетела прочь.

— Где? Караул есть? Много?

— Никого.

— Веди.

Чернявый повел в приют.

Трое маленьких мальчиков ползали по полу в просторном зале.

— Где же арестованные?

— В другом отделении! Вот дверь.

Дверь была заперта, у стен стояли тяжелые скамейки.

— Помогите!

Мальчишки тут как тут уже. Подняли скамейки, раскачали и ударили по двери.

Дверь чуть подалась. Еще удар, и дверь распахнулась настежь.

Столовая приютская. На другом ее конце сгрудились арестованные.

— Выходи! Волков здесь?

— Его в контору с Шелухиным увели.

Все разбежались. Но человек семь осталось.

— А вы что же? На милость надеетесь? Глядите, промахнетесь.

Моисеенко побежал из приюта. Четверо, поколебавшись— за ним, трое остались: струсили.

Во дворе уже солдаты рассыпались цепью. Теснят.

— Что вы делаете? — крикнул Моисеенко с крыльца.— На кого подняли ружья? На отцов своих, на братьев!

Подбежал к самой цепи.

На него медленно шел солдат. Так же медленно, не сильно, уперся штыком в грудь.

Моисеенко схватил ствол ружья, дернул на себя, и неожиданно ружье оказалось у него в руках. Не по своей, видать, охоте солдат на рабочего ружье направил.

Моисеенко бросил ружье в снег.

— Отходи, ребята!

Толпа качнулась, попятилась. Солдаты перестроились, ружья— на руку. Замерли.

Моисеенко увидел, что среди рабочих есть раненые.

— Что тут было?

— Дрались с солдатами. Они кинулись нам наперерез, ну, а мы на них.

«Вон как осмелели»,— подумал о своих.

Во дворе появились владимирский губернатор, московский прокурор Муравьев, владимирский прокурор, полковник на лошади, с ним казаки, тоже на лошадях.

— Рабочие! — властно крикнул губернатор.— Вы противитесь власти, которая поставлена над вами еще более высшей властью! Вы нарушаете порядок и своими поступками делаете для себя же хуже.

«Вот и мой черед», – сказал себе Моисеенко и выступил из толпы.

— Неправда! Не мы нарушаем порядок! Это вы арестовали рабочих, которые подали вам наши требования. Поглядите, вон кровь рабочих, раненных вашими солдатами.

— Этого нужно арестовать! — наклонился с седла к губернатору полковник.

— Попробуй!—крикнул Моисеенко.

Полковник тронул повод, но Моисеенко исчез в толпе. Он крикнул из толпы:

— Освободите Волкова и остальных! Иначе вам придется всех нас арестовать, с женами и детьми.

Моисеенко прибежал в девятую, самую людную казарму. В коридоре столкнулся с Ефимом и Матвеем— неразлучными друзьями.

— Такое дело... Давайте, ребята, живо по каморкам. Собирайте людей, пойдем к Главной конторе Волкова отбивать.

Коридоры ожили, загудели, гул все нарастал, и вот уже катился вниз по железной лестнице сердитый народ.

— Пошли Василия, нашего человека, выручать! — крикнул Моисеенко, распахивая наружную дверь.

Толпа направилась к Главной конторе.

Ворота во двор заперты. Перед ними две сотни солдат и казаки на лошадях.

— Выпускайте Василия, нашего человека!

Зазвенели окна. Засвистели нагайки. Толпа качнулась, разломилась надвое. Распахнулись ворота. Еще сотня казаков, окружив Волкова, прокладывала дорогу к рельсам. А на рельсах ждал под парами поезд. На крыше поезда, на подножках, на буферах— жандармы. Паровоз свистнул, тронулся. Волкова сунули в вагон на ходу.

Глубокой ночью Моисеенко ушел в Ликино.

Хождения Петра Анисимовича

В Ликине Моисеенко застал всех своих в сборе: татьянин день. У Танюши именины.

Петр Анисимович поздоровался, дверь за собой закрыл и давай раздеваться. Зипунок скинул, пиджачок, рубаха к труди прилипла. Вся в крови.

Лука осмотрел рану.

— Неглубоко. Скоро заживет.

Танюша увидала кровь, заплакала.

— Имениннице грех плакать. Мне не больно.

Танюша вдруг быстро сняла с себя крестик и надела на Петра Анисимовича.

— Бог вас хранит!

— Ты письма из Сибири или уничтожь, или спрячь получше! — напомнил Луке Петр Анисимович.

Поговорили о сибирских ссыльных, написали им письма: Лука — своим друзьям, Петр Анисимович — Лаговскому.

— Сюда бы их! — тосковал Моисеенко.— Надо, чтоб о стачке нашей по всей России слух прошел. Толковых, грамотных людей надо найти, студентов.

— Пойди в Москву к моему брату. Он человек наш, свяжет тебя с революционерами.

Днем идти было опасно, дождался Петр Анисимович ночи, надел братовы валяные сапоги, его же полушубок и шапку. Отправился на железную дорогу. Решил в Павловском Посаде на поезд сесть, хоть и далеко до Посада — двадцать верст, зато безопаснее.

Ох, ножки, ноженьки! Опять на вас вся надежда.

Моисеенко шел размашисто, не торопясь: до утреннего поезда времени много, а раньше прийти тоже не больно хорошо.

Черным пятном среди снегов распластался деревянный Павловский Посад. Тихо. Темно. Только в привокзальном трактире горит огонь.

Сонный буфетчик поднял на него безразличные глаза.

— Переночевать можно?

— За пять копеек можно. Паспорт есть?

— Да я из Бунькова! Будь другом, чайком попотчуй.

Сел за стол. В трактире никого.

Только буфетчик принес чаю, как заскрипел снег на дворе. Раздались голоса. Вошло двое, один с фонарем.

— Кто это сейчас пришел?— спросили у буфетчика.

Моисеенко, как бы очнувшись от дремы, не торопясь подошел к рукомойнику, умылся, утерся платком и сел за свой чай.

Двое тоже заказали чай.

— Скорей бы уж прихватили этого бунтовщика!— пробурчал один.—Он-то, небось, спит и сны видит, а ты бегай, высунувши язык, всю ночь напролет.

— Ты погляди этого-то!— шепнул второй.

— Сам погляди.

Второй встал, подсел к Моисеенко.

— Откуда, мил человек? Куда в такую рань?

— Из Бунькова я. На фабрику Коншина в Москву за товаром еду.— Моисеенко долго и сладко зевнул.— Дремлется. Поспешил, а теперь вот сиди, жди...

Субъект отошел, а Моисеенко так вдруг и прошибло потом, вспомнил, что в кармане у него письма в Сибирь.

Задрожали рельсы, загудела чугунка, засвистел приближающийся паровоз.

— Не прозевай,— сказал буфетчик Петру Анисимовичу.

Тот вскочил, стал расплачиваться. Двое тоже быстро поднялись и вышли. Моисеенко — за ними следом. Они — на станцию, а он—двумя прыжками за угол.

Двое уже назад бегут, сунулись в трактир и бегом на станцию.

А тем временем Петр Анисимович, за добрую версту обойдя стороною вокзал, шагал в Богородск.

Добравшись до Москвы, Моисеенко направился к Покровским воротам, там водовозом служил брат Луки, Петр Иванович. Только подошел к Покровскому бассейну, а водовоз вот он, вместе со своей бочкой.

Поздоровались, поговорили о погоде, о Луке, у него, мол, все в порядке, бунт Ликино не затронул. А то, что у Морозова на Никольской мануфактуре бунт, в Москве уже знали. Моисеенко и спросил напрямик, не укажет ли Петр Иванович человека, кого можно познакомить с интеллигенцией, которая за народ. Петр Иванович развел руками.

На том и расстались.

В адресном столе разыскал адрес сестры Матрены. Она жила у строгих хозяев, потому пошли с нею в трактир, чаю попили. О своем житье Петр Анисимович помалкивал, все больше слушал. Спросил адрес бабушки, обещал зайти.

От Матрены направился к Девичьему полю, здесь на фабрике Гюбнера работал двоюродный брат. На фабрику Моисеенко не пустили— посторонний человек.

Делать нечего, кинулся к университету, авось, попадется хороший студент.

Студентов много, а как к ним подойти? Не решился Петр Анисимович подойти к ним. Как знать, чьи они детки.

У разносчика газет купил — три номера «Русских ведомостей».

Пошел в трактир, взял чаю. В одном из номеров газеты написано было про стачку на Никольской мануфактуре. Сообщалось, что бунтовщиков высылают на родину.

«Да ведь мужики и слова за себя сказать не умеют! — подумал, и сразу ему стало ясно, что надо делать.

Вечером он был уже в поезде. Сошел в Дрезне. Прежде, чем отдаться в руки властей, хотел поговорить с Лукой. Пусть Лука едет в Петербург, ищет связей с революционерами.

В Ликине на околице наскочил на патруль.

— Это ты, Петр Анисимыч!

— Я!

— А мы тебя три дня ждем.

— Коли дождались, берите.

— Да нет, ступай себе. Луку твоего взяли и брата.

— Так...— Постоял с мужиками.— Вы, это самое...— Пойду с воспитанницей попрощаюсь. Тогда и приходите за мной.

Александр III просматривал донесения с Никольской мануфактуры каждый день.

12 января. Из Орехова выслано 112 человек в Москву, 71 — во Владимирскую тюрьму.

13 января. В Москву — 93, во Владимир — 36 человек.

14-го. Оцеплены казармы. Арестовано 170 рабочих.

15-го. Рабочие стали выходить на работу.

16-го. В Москву выслано 220 человек, во Владимир — 82.

17-го. В разные губернии, на родину, выслано 333 человека. «К мере этой (арестам),— сообщал губернатор,—к сожалению, толпа относится не только равнодушно, но идет под арест весьма охотно. Арестованные поют песни и весело вступают в отведенное для них помещение, встречаемые радостными возгласами находящихся там прежде задержанных своих товарищей».

И, наконец, долгожданная телеграмма.

18 января. Арестован главный зачинщик стачки Петр Анисимов Моисеенко.

«С этих пор стачку можно считать законченной и порядок восстановленным. 19 января уже работало 4508 человек. На понедельник записалось еще триста».

Синий карандаш на уголке донесения начертал:

«Дай бог, чтобы так и продолжалось».

— Дядя Анисимыч, не ходи дальше...

Суд

Знаменитый адвокат Плевако был защитником Волкова и Моисеенко на первом суде, в феврале 1886 года. Тогда он сказал: «Я сознаюсь, грешный человек, что до настоящего времени не знал ничего. Фабрика Морозова была защищена китайской стеной от взоров всех, туда не проникал луч света, и только благодаря стачке мы теперь можем проследить, какова была жизнь на фабрике. Если мы, читая книгу о чернокожих невольниках, возмущаемся, то теперь перед нами белые невольники».

В феврале судили семнадцать человек по обвинению в убийстве и стачке. Двоих оправдали, остальных приговорили к отсидке от двух недель до двух месяцев, а Моисеенко, Волкову и прядильщику Яковлеву дали три месяца тюрьмы и приговор постановили в исполнение не приводить до решения суда присяжных по другому делу.

23 мая 1886 года. Сегодня слушается дело тридцати трех. На скамье подсудимых — трое. Если этих троих признают виновными, то сядут за решетку и остальные тридцать.

На этот суд Плевако не приехал.

— Плохо, что Плевако отказался вести ваше дело,— сказал Волков.

— За нас хорошо заступиться — себе беды нажить. Хлопочите, не хлопочите,— усмехается Анисимович,— а ссылки нам все равно не миновать, даже если оправдают. Нам суд этот важен не ради спасения шкуры, нам нужно Морозова перед людьми выставить, чтоб за его кудрями, за благолепием разглядели в нем волка.

Зал суда. В зале тесно. Публика отборная, нарядная: для нее суд— представление. Рабочие — в задних рядах. И вдруг — движение в зале. Поглядел Анисимович — а это рабочие встали и поклонились подсудимым. Покло-

нился и он в ответ, и Волков, и Лифанов. Тут привели остальных тридцать человек, которые до суда на свободе были.

Началась судебная процедура.

...Первым допрашивали следователя Боскарева.

— Мне довелось в качестве следователя,— говорит Боскарев, волнуясь,—первому приехать на фабрику. Я буду говорить как свидетель того, что видел и знаю... Я увидел картину стихийного народного гнева.

Здесь сидят на скамье подсудимых как руководители стачки Моисеенко, Волков и Лифанов. А я скажу, что эти руководители не разрушали, а защищали от разрушения. Они уговаривали народ не трогать хозяйского добра. Но накопившаяся злоба народа за гнет и попрание всяких человеческих прав фабрикантом сделала то, что мы теперь видим.

«Вот это да! — удивился Моисеенко.— Вон он как! За нас».

— Нужно удивляться не тому, что произошло,—быстро и точно рассказав о положении на фабрике, закончил свои показания Боскарев,—а тому удивляться, как это мог народ терпеть до сего времени.

Председатель суда предлагает сторонам задавать вопросы. Вопросов нет.

— У меня есть! — говорит Моисеенко.

Все взоры к нему. У дамочек — бинокли: ведь Моисеенко —главное действующее лицо.

— Известно ли свидетелю, что фабрика Тимофея Морозова находится в чересполосном владении с фабрикой Викулы Морозова? Были ли какие-либо разрушения у Викулы?—Голос спокойный, ясный, ровный.

— Прошу меня извинить. Я действительно упустил из виду тот факт, что у Викулы Морозова не было тронуто, что называется, ни одной щепки. Я просто поражался таким отношением народа к чужому добру,— отвечал Боскарев.

Вызывается директор Дианов.

— На наших фабриках условия, видимо, хороши. Я сказал: «видимо». А на самом деле они просто хороши. Если Тимофей Саввич плохо печется о рабочих, то кто же тогда — хорошо? У нас великолепные общежития, у нас баня, больница, школа, библиотека... А рабочим все мало! Все мало! Если у нас плохо, то почему же на нашу фабрику приходят со всех губерний? Да, Тимофей Саввич строг. Он поставил великую задачу — вывести русскую промышленность на мировой рынок. Мы с радостью нынче говорим: товары Никольской мануфактуры выдерживают любую конкуренцию. Для такой задачи, господа, качество продукции, вы отлично понимаете, основа основ. Штрафы— бич лентяев. Русского лентяйства! Для талантливых людей на нашей фабрике дорога открыта. Я сам пришел к Морозовым мальчиком в контору.

У защитника подсудимых Шубинского вопрос:

— Свидетель — компаньон фабрики?

— Да.

— Скажите, кем было дано распоряжение поставить у дверей стражу 7 января?

— Один рабочий сообщил нам, что ткачи хотят забастовать, что забастовщики остановят рабочих и не пустят на фабрику.

— А для чего стража была вооружена?

— Боялись, что рабочие учинят бунт.

— Значит, вы знали и хотели помешать рабочим собраться?

— Да.

— У меня все.— Защитник сел.

— Позвольте мне вопрос! — Опять Моисеенко.— По чьему распоряжению писались штрафы?

— Это зависело от хозяина.

— Вы тоже компаньон. Хозяин назначал штрафы без вашего согласия?

— Ему было предоставлено это право.

— Право грабить рабочих?

— Прекратите! — вскочил председатель.

— Хорошо. У меня другой вопрос. Знали вы ткача Гаврилу Чирьева, у которого машиной оторвало руку?

— Он пьяница.

— Значит, вы знали Чирьева. А не скажете ли вы, почему утопилась его жена?

— Прекратите! — обрывает его председатель.— Вопрос не имеет отношения к делу.

— Имеет. Она утопилась потому, что устала от вечной нужды, хотя всю жизнь работала. И муж ее тоже всю жизнь работал. Они оба были ткачами.

Дианов развел руками.

— Тимофей Саввич богат, но он не может отвечать за всеобщую российскую нужду.

— Я спрашиваю вас.— Голос у Моисеенко зазвенел.— Виноват ли Морозов в том, что довел женщину, мать многих детей, до самоубийства?

— Прекратите! Я выведу вас! — кричит председатель.

Объявляется перерыв.

Четвертый день идет суд.

Дал свои показания Лука Иванов в качестве свидетеля. Он отсидел в тюрьме десять месяцев и был отпущен за отсутствием улик.

Прокурор поднимает вопрос о переписке подсудимого Моисеенко и свидетеля Иванова с революционерами, отбывающими ссылку в Сибири.

Защита отклоняет его вопрос, как не имеющий отношения к делу.

Тогда прокурор предъявляет суду перехваченную записку. Ее написал в тюрьме Моисеенко для передачи Луке Иванову: «Давай писать газету «Голос заключенных». Все, что узнаешь, пиши, и я буду писать... И тут будет бунт, а мы постараемся раздуть. Я уже кое-что начал...»

— Против хорошего не бунтуют! — дает ответ Моисеенко.— Арестантские щи — хоть руки полощи. В тюрьме кормят помоями. Если их на собаку плеснуть, за тридевять земель убежит. Посмотрите на моего товарища Волкова. У него в тюрьме развился туберкулез, но он не получает никакой медицинской помощи.

Прокурор дает попятный: опасная тема. Вызывается следующий свидетель.

Дианов, столкнувшись в перерыве с братом Моисеенко, спросил:

— Твой брат из студентов? Где он учился?

— Нигде.

— Не верю. И Лука этот тоже, наверное, из студентов.

Заканчивается допрос свидетелей вызовом Морозова Тимофея Саввича.

— Скажите, пожалуйста, за что писались штрафы? — задает вопрос Моисеенко.

Морозов напряженно следит за губами Моисеенко, словно оглох.

— Штрафы писались за порчу.

— Покажите господину Морозову расчетные книжки,— просит Моисеенко.

Подают книжки.

— Объясните вот эту запись,— требует защитник. Штраф пятьдесят копеек. И буква «Б».

У Морозова дрожат руки. Достает очки, берет книжку.

— Пятьдесят копеек и «Б»... Действительно... видимо... Думаю, что... это «бездельничал».

«Вот это да! — удивляется про себя Моисеенко.— Хозяин не знал своей же азбуки: «Б» — близна, «К» — кромка, «Н» — недосека».

Председатель затевает с защитой перепалку, выгораживает господина фабриканта, но за дело взялся защитник.

Тимофей Саввич растерянно перебирает предлагаемые ему рабочие книжки, вздыхает, поднимает глаза к потолку.

— Прошу на время освободить меня от дачи показаний,— выдавливает он из себя.

Просьбу тотчас уважили.

Тимофей Саввич идет по залу, все взоры обращены на него. Вот свободное место. Стал садиться, глянул на соседку, а это Сазоновна, жена заводилы. Ему ее раньше показали. Тимофей Саввич вскочил, шарахнулся в сторону, а тут, как назло, ботинок поехал по полу, и Морозов, взмахнув руками, чуть не хлопнулся перед Сазоновной на колени.

В зале захохотали. Вскочил — и через зал! Бегом!

И вот они стояли лицом к лицу, обвинители и обвиняемые. Председатель суда, порывшись в бумагах, торопливо объявил:

— Присяжные на сто один вопрос обвинения ответили: «Нет, не виновны. Действовали в свою защиту».

— Анисимыч! — взревели задние ряды.

Но председатель настойчиво звонит в колокольчик. Суд еще не закончен. Еще одно совещание.

Эпилог

Александр III просматривает отчеты губернаторов. Из Средней Азии доносят, что хлопок там растет прекрасно и, если расширить посевные площади, то со временем ввоз хлопка из Англии можно будет совершенно прекратить.

В 1884 году засевали в России триста десятин, в 1885 году — тысячу, в 1886 — засеяно уже 12 тысяч.

Петр Анисимович и Сазоновна с трудом добрались до Белозерска.

Спокойная жизнь в государстве наскучила? Неужели не понимают: дай поблажку этим присяжным, и нигилизм пойдет прорастать, как сорная трава.

Отмена крепостного права, по мнению Александра III, повредила России, но старого не вернешь.

«Что же нужно для укрепления власти и порядка в стране? Подачка рабочим сделана. Третьего июня принят новый закон о найме рабочих... Но всего этого мало, нужна цепочка мероприятий по удушению не только самого нигилизма, но даже духа его».

Александр просматривает газеты.

«Вчера в старом богоспасаемом граде Владимире раздался сто один салютный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса... С народными массами шутить опасно» — так пишет возмущенный судом присяжных и морозовской стачкой редактор и хозяин «Московских ведомостей» Катков.

«Судебный процесс вызвал к себе огромный интерес в России, где он, несомненно, явится исходным пунктом нового фазиса рабочего движения» — так пишут в зарубежном журнале «Социалист».

— Нет, нигилизм не умер!

Государь берет очередное послание обер-прокурора святейшего синода, своего учителя Победоносцева:

«В Российском государстве не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти государственной. Необходимо дать председателю безусловное право устранять публичность по некоторым делам и умножить разряды дел, по закону производимых в закрытом заседании.

Необходимо принять решительные меры к обузданию и ограничению адвокатского произвола... Давно уже пора принять меры против этого сословия, которое всюду, где ни распространялось, представляло величайшую опасность для государственного порядка...

Учреждение присяжных в уголовном суде оказалось для России совершенно ложным, совсем несообразным с условиями нашего быта и с устройством наших судов. От этого учреждения необходимо нам отделаться».

— Это то, что нужно. Стачечников оправдал суд присяжных. Если этот суд вреден государству, зачем он? «Запретить»,— мчится по бумаге синий карандаш императора.

Забытый богом, царем и властями городок Белозерск.

Ноябрьское небо до того отяжелело от влаги, что уже не в силах тащить груз облаков. Сыро, скучно и горько.

Петр Анисимович и Сазоновна с трудом добрались до Белозерска. Сазоновна не может идти, в Белозерске не передохнешь, тут только дневка. С утра снова в путь. Вот-вот грянет зима, а до Архангельска не меньше пятидесяти дней ходьбы.

Вдруг к арестантам прибежал молоденький, розовощекий тюремный доктор.

— Вы ткач? Моисеенко? Я приказал дать вам и вашей жене подводу.

Вечером доктор прислал ужин и два рубля денег.

«Вон куда весть дошла про орехово-зуевских ткачей!» — подумал Моисеенко и повеселел.

— Не пропадем, Сазоновна! Люди не дадут пропасть, коли знают, что ты за других пострадал.

КОНЕЦ

Час с Валерием

С. ИВАНОВ

**Июнь 1976 года — это было тревожное,
волнующее и радостное
для всех спортсменов
и всех болельщиков время.
По дороге на киевский Центральный стадион,
выйдя из троллейбуса,
я купил «Спортивную газету».
На первой полосе крупно было набрано:
«До летних Олимпийских
игр осталось 36 дней».
Тогда никто еще и отдаленно
не мог представить себе
захватывающих перипетий Монреаля.
Но я шел на стадион,
чтобы встретиться с выдающимся спортсменом.
Никогда прежде на Олимпийских играх
наши спортсмены
не выигрывали в спринте медалей.
Валерий Борзов выиграл сразу две,
причем сразу две золотые.
Достижение это долго не удастся повторить,
долго!**

— Валерий, расскажите, пожалуйста, как вы начинали, где, во сколько лет. Словом, как это все было?

— Было это в 1962 году, в городе Новая Каховка. Первого моего тренера звали Борис Иванович Войтас. Я учился в шестом классе, и было мне двенадцать лет. Однажды на уроке физкультуры Борис Иванович предложил мне заниматься легкой атлетикой... В общем, самый обычный путь. Так начинали или могут начать очень многие ребята. Надо только не упускать свой шанс — не быть излишне робким и не лениться.

— Итак, вас пригласили в секцию легкой атлетики. А в это время кругом было столько увлекательнейших видов спорта. Я уж не говорю про футбол или хоккей. Это, как говорится, само собой. Но ведь много и другого: гимнастика, например, — сама красота, парусный спорт — романтика, мужество...

— У каждого свои интересы, и каждый любит свое!

— Но почему именно спринт? Согласитесь, Валерий, стометровка — это не так уж зрелищно, не так эмоционально...

— Я мог бы сейчас начать говорить о том, как прекрасны, как свободны движения в лег-

Борзовым

**Встретились мы с Валерием
в весьма достопримечательном месте.
И я думаю, многие из тех,
кто читает сейчас эти строчки,
дорого бы отдали, чтоб побывать там,
в раздевалке киевских футболистов.
Большая, просторная комната,
рядом, в «прихожей», кушетка для массажа,
шкафчик — кажется, с медикаментами...**

**А здесь — высокие, покойные кресла,
рядом вешалки для одежды, все удобно, чисто.
Сквозь окна, покрытые рифленым стеклом,
струится неяркий, чуть рассеянный свет.**

**За дверью в третью комнату
слышны
редкие и звонкие капли — там душевая.**

**Итак,
мы сидим в креслах,
где во время перерыва и перед игрой
располагаются Колотов, или Мунтян, или
Блохин...**

кой атлетике, как прекрасно ощущение стремительного и в то же время легкого бега. Но я не стану этого делать. Легкая атлетика — моя любовь, вот и весь ответ.

А когда есть уверенность, что это единственно твое, тогда не страшны временные неудачи на соревнованиях и сверхусилия, сверхтруд на тренировках. Все это я люблю!

— Что ж, так прямо с первого шага, с первой стометровки и влюбились?

— Как сказать... Теперь я часто думаю, что сначала легкая атлетика «полюбила» меня.

— Как это?

— У меня почти сразу стало хорошо получаться. Лучше, чем у других. А ребятам нравится делать то, что хорошо получается...

— Спортивному миру хорошо известна удивительная одаренность легкоатлета Валерия Борзова. Но известно и умение Борзова работать... Способности и трудолюбие. Каково их соотношение при достижении успеха? Что важнее?

— Не открою Америки, если скажу: чтобы добиться высокого результата, нужно и то и другое. Хотя я знавал ребят способных, но нетрудолюбивых. Они достигали довольно высокого уровня. Но высшего никогда! И это надо

Фотографии М. БАТАШОВА.

иметь в виду всем лентяям. Если, конечно, всю жизнь собираешься проходить в подающих надежды, тогда другое дело, тогда валяй ленись. Но если хочешь добиться действительно серьезного успеха, необходима совсем иная програм-

ма. Таланту, чтобы расцвести, непременно нужны усилия. Это каждый должен знать совершенно четко!

— И все-таки что же важнее, одаренность или...

— Я лично считаю, одаренность, талант! Иначе зазря убьешь уйму сил, времени, тренировка радости приносить не будет. Настроение, конечно, ужасное. И так изо дня в день. Поэтому при выборе спортивной «профессии» (да и вообще профессии!) человеку очень важно хорошенько, серьезно подумать, посоветоваться с людьми знающими. Сколько, например, способных легкоатлетов, штангистов, фигуристов (здесь можно назвать едва ли не любой вид спорта) «пропали» в футбольных или хоккейных секциях. Почему? Потому что погнались за модой! «Как все, так и я».

— Родись способным, будь трудолюбивым, станешь хорошим спортсменом. Но хороших спортсменов много, а чемпион один. Какие особые качества нужны для того, чтобы стать чемпионом? Или, возьмем шире, победителем?

— Это важный вопрос... Когда-то, помните, существовала про нас, спортсменов, поговорка, что, мол, сила есть, ума не надо. Теперь я уж давно ее не слышу — «вымерла»: изменились у людей представления о спорте, изменился, между прочим, и сам спорт. И все же нет-нет да и скажут про нас: «Чего уж там, какой с него спрос — столько человек физически работает. Так, конечно, голова у него на втором месте...» Я хотел бы сказать этим «доброхотам», что чемпионом (естественно, при всех прочих равных условиях) становится всегда тот, чья личность развита более гармонично. У кого высокие спортивные качества сочетаются с острым умом, со знанием жизни, с интеллигентностью.

Для примера назову лишь несколько имен: доктор медицинских наук Геннадий Шатков, писатель Юрий Власов, лауреат многих международных фотовыставок журналист Алексей Хомич, кандидат педагогических наук Лариса Латынина...

Но это еще не все. Тот, кто собирается стать чемпионом, должен научиться владеть собою. Я видел и грустных чемпионов и веселых, но раздраженных, кричащих, скажем, на товарища, на тренера — никогда!.. И еще одно: чемпион — это всегда человек смелый, уверенный в себе. А то как иной раз бывает: отличный спортсмен, одаренный, интеллигентный, а твердости, мужества не хватает. И вот на соревновании срыв — огромный труд, огромный расход душевных сил идут насмарку. Обидно!

— Спорт — борьба, а в борьбе, наверное, естественны соперники...

— В честной борьбе могут быть только друзья-соперники. Относиться к кому-то из них враждебно, по-моему, просто глупо. В конце концов, если б не было соперников, соперничества, не было бы и соревнований. А без этого спорт стал бы пресным!.. Ты спортсмен и если проиграешь, вини в том не соперника, а себя.

— Расскажите, пожалуйста, о наиболее интересном сопернике.

— Каждый соперник чем-то интересен. Каждый — личность со своим набором достоинств и недостатков. Азарт, захватывающая привлекательность борьбы в том и состоят, чтобы суметь найти противодействие их достоинствам. Кроме скорости, которая, естественно, главный козырь в руках спринтера, важное значение имеют и психологические факторы. Например, сколько раз ты встречался с соперником и сколько раз из них сумел выиграть. Мы, спринтеры, эту арифметику помним очень точно.

— Ну, в этом смысле вашим соперникам совсем легко, потому что сколько раз они встречались с Валерием Борзовым, столько раз и проигрывали. Если не ошибаюсь, вы за последние годы выиграли все крупные соревнования, в которых участвовали.

— Да, это верно.

— А сколько лет вы уже в большом спорте?

— Восемь...

— Теперь хоть одним глазком хотелось бы заглянуть в вашу творческую лабораторию... Я не спрашиваю о специальных вещах, но, может быть, в тренировке большого спортсмена существует что-то основное, самое важное, что могло бы пригодиться спортсмену начинающему да и просто «рядовому» человеку?

— Весь спорт держится на Общей Физической Подготовке. Впрочем, крепким, здоровым, ловким важно быть не только спортсмену. Зарядка, тренировки (самостоятельные, а лучше под руководством тренера), соревнование на сдачу норм ГТО — по-моему, это необходимо всем, кто хочет быть бодрым, здоровым и уверенным в себе.

— Иной раз слышишь мнение, что, мол, тренировки — это действительно дело стоящее, а нормами ГТО можно и пренебречь.

— Ошибка! Спорт без соревнований, как мы уже говорили, — штука уж очень пресная, скучная. А спорт и скука — это несовместимо!.. Необходимо бороться, необходимо побеждать, необходимо знать свои возможности, например, для того хотя бы, чтоб завтра сделать шаг вперед. Наконец, получить спортивную награду, значок ГТО, — важно да и очень радостно.

— Вы, кажется, заканчиваете диссертацию? Расскажите немного о ней.

— Трудно рассказать. Она посвящена как раз весьма специальным вопросам. Называется она «Старт и стартовый разбег». В процессе тренировок возникли вопросы. Для успешного продолжения работы нужны были исследования. Я провел их...

— Видимо, вы были здесь в одном лице — и исследователем и объектом исследования?

— Да нет, в науке так не делается. Я наблюдал большую группу спортсменов... Впрочем, и Валерий Борзов тоже входил в нее.

— Когда же защита?

— Все готово. Однако из головы у меня не идет другая защита — защита звания олимпийского чемпиона.

— А мне кажется, Валерий, звание олимпийского чемпиона и тем более звание двукратного олимпийского чемпиона — это пожизненно. Его у человека отнять невозможно.

— Пожалуй, вы правы... И... спасибо на добром слове!

ОТ РЕДАКЦИИ.

Олимпиада-76 теперь уже факт истории. Но болельщику не забыть ее. Мощная, поистине чемпионская победа команды СССР. Успехи наших гимнастов, пловчих, гандболистов, фехтовальщиков, легкоатлетов... А помните?..

Мужская эстафета 4 × 100. Последний этап, наши идут пятыми. Конец? Безнадежно? На дорожке Борзов!

Мгновенная стометровка. А он сумел отыграть почти десять метров. Что это, сверхусилия? Да. Но больше — сверхмужество.

Пройдет не так много времени, и мы начнем считать дни до нашей, московской Олимпиады. И, желая уда́чи советским олимпийцам, мы скажем: «Будьте такими, как Валерий Борзов!»

Елена ГУЛЫГА

По грибы

Петя шел, шел, шел,
Подберезовик нашел.
Подберезовик
Под березою.
Под березой, средь берез
Подберезовик подрос.

Поля шла, шла, шла,
Подосиновик нашла.
Подосиновик
Под осиною.
Под осиной, под осиной
Подосиновик красивый.

Хоровод

Под осинкой хоровод,
А листва в ладоши бьет.
Восемь грибочков
В красных платочках,
Словно матрешки.
Бей, листва, в ладошки!
А сама осинка —
Стой посерединке!

Опята

Ребята, ребята,
Глядите: опята,
Дети пня!
И лезут и лезут
К нему на шею.
Кто подлиннее —
Тот посильнее.

Идет зима

Снег, снег, снег,
Падают снежинки.
Все как будто бы во сне
Или на картинке.

Зима, зима!
Открывай закрома,
Отпирай склады,
Давай снегопады,
Сосульки-висюльки,
Льдинки-слезинки.

Дай нам спозаранку
Горку да санки!
К полдню поближе —
Поле да лыжи!
А под вечерок —
Коньки да каток!

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ!

Поздравляем победителей викторины «Значки и медали международных пионерских и детских демократических организаций»: отряд имени Олега Кошевого Воронцовской восьмилетней школы (Архангельская обл.), Виктания Волкова (с. Рыбная Слобода, ТАССР), Гришу Гриценко (ст. Медведовская, Краснодарский край), Гришу Кузнецова (г. Душанбе), Свету Купряшкину (г. Киев), Тамилу Лисиченко (г. Кривой Рог), Леню Малыгина (г. Архангельск), Таню Марьякину (г. Москва), Володю Шумаева (с. Азеево, Рязанская обл.). Они награждаются почетной грамотой журнала.

Абсолютный победитель конкурса — Фоат Хамидуллин из города Казани. Он награждается грамотой и юбилейным знаком «Пионера». Фоат наиболее полно ответил на все вопросы.

Дорогая редакция!

Я очень рад, что вы провели этот конкурс. Вопросы были интересными. Я уже давно интересуюсь пионерскими и детскими организациями разных стран мира. В школьном КИДе меня выбрали президентом.

Викторина интересная, но она могла бы быть еще интересней, если бы в нее включили вопросы о марках, конвертах и других пионерских сувенирах. Моя коллекция сравнительно небольшая, но она очень дорога мне. И еще у меня к тебе, редакция, есть просьба почаще проводить такие викторины, они помогают больше и лучше узнать о наших сверстниках за рубежом.

До новых встреч!

Фоат Хамидуллин
г. Казань.

ПРОВЕРЬ СЕБЯ! Правильно ли ты ответил на вопросы викторины?

В 1396 году Болгария, разбитая на множество мелких княжеств, была завоевана турками.

Долгое время болгарский народ боролся за свою независимость. Наибольшего накала освободительная борьба болгар достигла в XIX веке под предводительством революционеров-демократов Василя Левского и национального поэта Христо Ботева.

29 мая 1876 года небольшой отряд повстанцев под командованием Христо Ботева захватил пароход «Радецки», который постоянно курсировал по Дунаю. Смельчаки высадились в местечке Козлодуй. Турки откуда-то узнали о месте высадки революционеров и устроили им засаду. Отряд с боем прорвался сквозь огневой заслон врага. А через день — новый бой в местечке Веслеца. Бой жестокий и неравный. Бой последний для Христо Ботева.

Только через два года Болгария освободилась от турецкого ига.

В Болгарии чтут память патриотов. День гибели Христо Ботева стал днем национального траура. Пионерские отряды изучают биографию Христо Ботева. Ходят по местам сражений его отряда.

В июне 1964 года газета болгарских пионеров «Септемврийче» обратилась ко всем ребятам с предложением: «Построим корабль «Радецки»!» Пионеры собирали лекарственные травы, участвовали в закладке скверов и парков, давали платные концерты. Они собрали 450 тысяч левов на постройку корабля. В 1966 году новый корабль «Радецки» сошел со стапелей на воду. Медаль посвящена этому событию.

Теперь болгарские пионеры в награду за отличную учебу и хорошую работу премируются поездкой на корабле «Радецки» в разные страны. Они гостили и в нашей стране.

Все прогрессивное человечество отмечало 30-летие Победы советского народа над фашистской Германией. В память об этом событии Всемирная федерация демократической молодежи выпустила этот значок.

В июле 1945 года был создан во Франции «Союз отважных». Девиз «Объединять и служить» — объединять всех детей страны и служить трудовому народу. Форма у «отважных» — голубая блуза, синие брюки (юбка), значок и синий с красной каймой галстук. Синий цвет галстука олицетворяет мир, дружбу и труд, а красная кайма — память о пролитой крови героев Парижской Коммуны.

В год 100-летия со дня рождения Ленина «Союз отважных» был переименован. Сейчас он называется «Пионеры Франции». На этом значке надпись: «Я люблю всех детей мира».

Значок, посвященный 15-летию СИМЕА — Международного комитета детских и юношеских организаций при МФД.

На значке изображена шестеренка, обрамленная колосьями пшеницы. Это символ единства рабочего класса и крестьянства. Раскрытая книга лежит на государственном флаге Румынии. Над ней языки пламени. Этот символ говорит о том, что главное для румынских пионеров — знания во имя процветания своей родины.

В 1969 году пионерская организация Румынии отмечала свое 20-летие. Организация была награждена орденом — «Звездой Социалистической Республики Румынии 1-го класса». Значок посвящен двадцатилетнему юбилею.

Каждый год в Румынии проводятся фестивали художественной самодеятельности. На одном из фестивалей был выпущен этот значок.

А эта медаль присваивается лучшему румынскому пионеру за смелые поступки и отличную учебу.

Многие из вас участвовали в акции «Салют, Победа!», посвященной 30-летию Победы советского народа над фашизмом. Финские пионеры тоже проводили эту акцию. Значок выпущен в честь этого события.

А этот значок выпущен в Финляндии в знак солидарности с чилийскими патриотами.

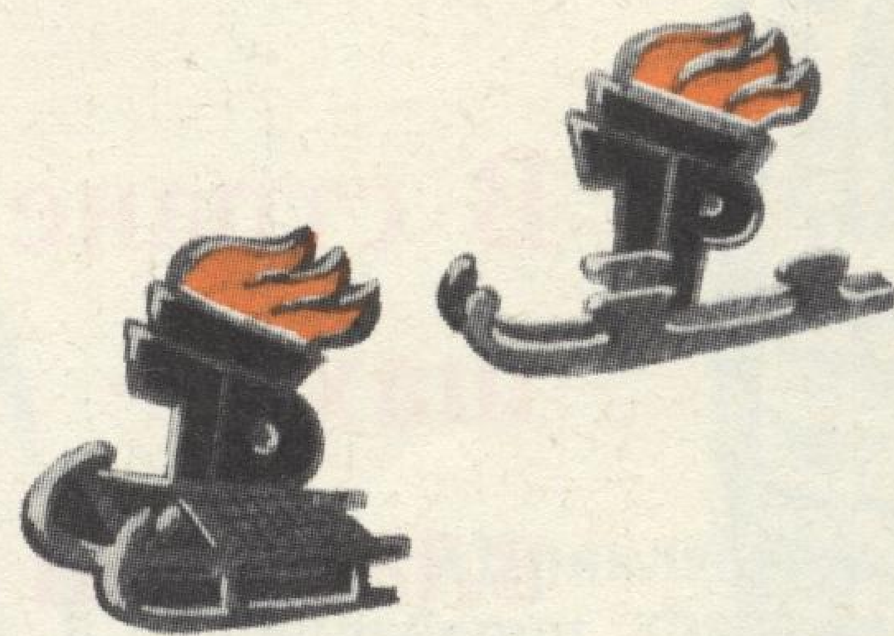
В 1962 году Алжир освободился от колониального господства Франции и получил независимость. Такой значок носят скауты Алжира.

Недалеко от Берлина раскинулась «Пионерская республика имени Вильгельма Пика». Каждый год в республике отдыхает и учится более пяти тысяч ребят. Здесь проводятся различные спортивные соревнования. Призер состязаний награждается вот такой золотой медалью.

В ГДР проходят зимние спортивные соревнования на приз газеты «Троммель» («Барабан»). На спортивной форме ребят можно видеть такие значки.

Медаль выпущена в Чехословакии. Она посвящена Международным играм пионеров по легкоатлетическому четырехборью «Дружба». Впервые соревнования предложила газета польских харцеров «Свят млодых».

У монгольских пионеров есть своя газета «Пионерийн Унэн» («Пионерская правда»). Этот значок выпущен к 30-летию газеты.

В стране шаха— владыки черных и белых полей

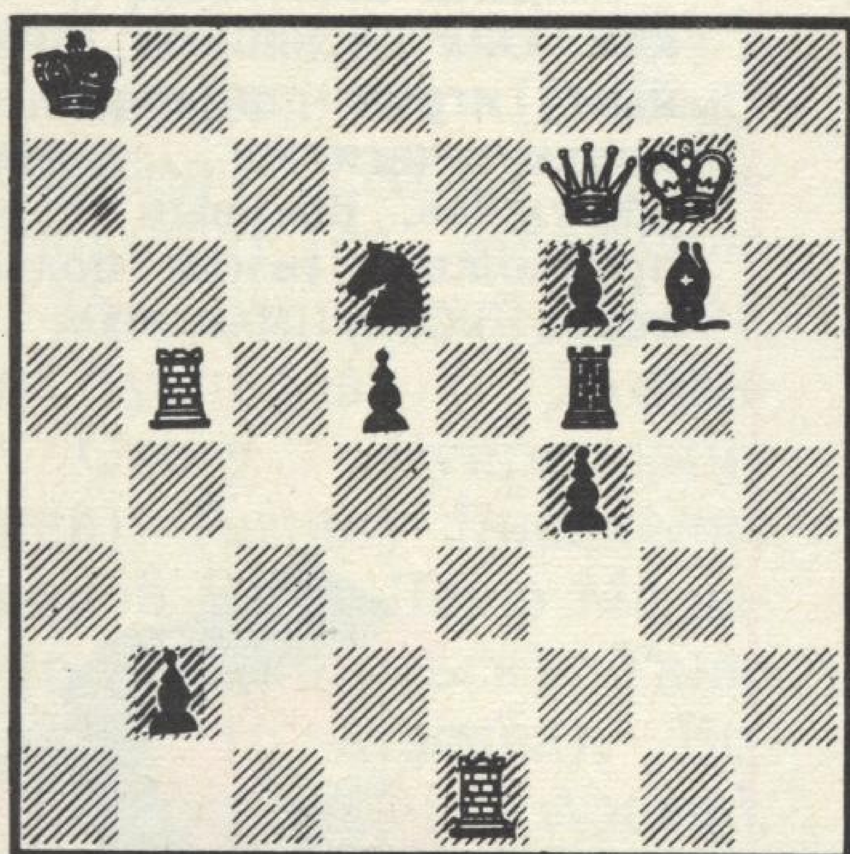

Рисунок Н. МАРКОВОЙ.

ПЕШКИН ПУТЕШЕСТВУЕТ

У Пешкина много друзей и в Народной Республике Болгарии. Они, как и советские ребята, любят шахматы, участвуют в турнирах и матчах, с удовольствием решают конкурсные задачи Пешкина.

Болгарские пионеры пригласили Пешкина к себе в гости. Он побывал в городах Варна и Мездра.

Уже около пятнадцати лет существует детская шахматная секция в Варне. Ее воспитанники — международные мастера Борислава Борисова, Антонина Георгиева, мастера Эмил Христов, Владимир Забунов, многие кандидаты в мастера и перворазрядники.

Сейчас в этой секции 180 мальчиков и девочек. Руководит юными шахматистами опытный тренер, мастер Георгий Даскалов. Среди ребят много способных шахматистов, победителей пионерских турниров и матчей.

За большие спортивные успехи и хорошую работу по организации шахматных кружков в своей школе Пешкин наградил «Грамотами ферзя и ладьи» **Женю Тодорову, Руслана Тошева, Сийку Стоянову, Юрия Елиаса Переца, Женю Стоянову, Ивайло Златинова, Марию Даскалову, Виолу Рашеву, Дмитрия Василева, Карена Бейлеряна, Божидара Пеева, Дони Бенлиева.**

В городе Мездра тоже есть шахматный клуб, и ребята успешно овладевают шахматными знаниями. Занятия с ними проводит мастер Димитрий Ангелов.

Здесь тоже разыгрываются первенства школ, юные шахматисты добиваются отличных результатов в чемпионатах своего округа. «Грамотами ферзя и ладьи» Пешкин наградил пионеров **Иво Григорова, Горана Цонкова, Иво Бацова, Пламена Дмитрова, Славена Василева.**

Посмотрите, какую партию сыграли в «Турнире надежд» ваши сверстники из Варны.

Защита Каро-Канн

И. ЗЛАТИНОВ — Б. СТЕФАНОВ

1. e2—e4 c7—c6. 2. Kb1—c3 d7—d5 3. Kg1—f3 d5 : e4 4. Kc3 : e4 Kb8—d7 5. Cf1—c4 e7—e6. 6. 0—0 Cf8—e7 7. Лf1—e1 Kd7—b6.

Надо было продолжать развитие фигур путем 7... Kgf6.

8. Cc4—b3 Kg8—f6 9. Фd1—e2 0—0 10. Kf3—g5 Kf6—d5?

Надежный защитник почему-то покидает королевскую крепость. Правильно было 10... Kbd5 или 10... h6.

11. d2—d4 Лf8—e8.

И здесь лучше было 11... h6. 12. c2—c3 Ce7—f8. 13. Kg5 : h7!

Справедливое наказание за неточную игру черных. Атака белых развивается стремительно.

13... Kpg8 : h7 14. Ke4—g5+ Kph7—g8.

Конечно, не спасал и «прыжок в огонь» — 14... Kpg6. Найдите сами, как в этом случае белые завершили бы атаку.

15. Фe2—h5 Kd5—f6 16. Фh5 : f7+ Kpg8—h8 17. Лe1—e4! Kf6—g8 18. Лe4—h4+ Kg8—h6 19. Лh4 : h6+. Черные сдались.

КОНКУРС ПЕШКИНА

Тем ребятам, что недобрали очков по решению конкурсных задач, Пешкин дает еще две дополнительные задачи. Автор первой задачи — кандидат технических наук Е. Умнов, автор второй — профессор, доктор технических наук А. Гуляев.

В обеих задачах остроумно развивается атака на черного короля, укрывшегося на поле a8.

(Диаграмма № 1)

В этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода.

Белые: Kpg7, Фf7, Лb5, Лe1 (4); черные: Kpa8, Лf5, Cg6, Kd6, пешки b2, d5, f6, f4 (8).

(Диаграмма № 2)

А здесь мат достигается в три хода. Игру, как обычно, начинают белые.

Белые: Kph2, Фa3, Лe7, Kb4, пешка a7 (5); черные: Kpa8, Лb7, Ca1, Cg6, пешки c3, f4 (6).

Ждем ваших решений.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

Конкурсные задачи ереванских ребят, напечатанные в № 5 «Пионера», решаются так:

Двухходовка Карена Арутюняна и Армена Мартикяна. К цели ведет остроумный маневр ферзя 1. Фf6—d6.

Четырехходовка Карена Мовсесяна оставляет черным мало выбора. После 1. d2—d3! необходимо 1... c6—c5, далее все развивается форсированно — 2. Cg6—h7! c5—c4 3. c2—c3!, и, как бы черные ни играли, одна из белых пешек дает мат на d4.

ПРАВИЛЬНО РЕШИЛИ

В двухходовке — напечатанной в № 1 — к цели ведет ход 1. Фe2. Трехходовку из № 2 решает маневр 1. Лd7.

Среди ребят, приславших правильные решения, судейская коллегия отмечает: **Иру Метревели** (г. Подюга, Архангельской обл.), **Николая Шарого** (Полтавская обл.), **Володю Пилипенко** (Амдерма), **Александра Валова** (с. М-Мичкасс, Пензенская обл.), **Сережу Целищева** (Новосибирск), **Андрея Башкарова** (Свердловск), **Андрея Верещака** (Киев), **Марину Механошину** (Пермь), **Алексея Федорова** (с. Сидоровка, Алтайский край), **Володю Обухова** (Казань), **Сережу Емельянова** (Рига).

ТВЕН АМЕРИКИ

АМЕРИКА ТВЕНА

Да, такое случается не часто: познакомиться с неизвестным произведением очень известного писателя, книги которого мы хорошо знаем, не раз перечитывали. Сегодня мы знакомим вас с неизвестным рассказом Марка Твена, впервые переведенным на русский язык.

Многие из вас, наверное, знают, что настоящее имя писателя Сэмюэл Ленгхорн Клеменс. Он родился в 1835 году в небольшой деревушке Флориде (штат Миссури, США). Почти все свои детские годы он прожил в городе Ганнибале, расположенном на берегу огромной судоходной реки Миссисипи. Здесь вместе со своими одногодками он проводил время в играх и шалостях, учился в местной воскресной школе, купался в Миссисипи и блуждал в пещерах, расположенных неподалеку от города. Здесь же в толпе босоногих шумных мальчишек он нашел и прототипы своих будущих героев — Тома Сойера, Гекльберри Финна, Джо Гарпера и других.

Рано потеряв отца, Сэм, как и другие члены семьи Клеменсов, уже с детства должен был собственным трудом зарабатывать себе на пропитание. Работал учеником типографа в провинциальных газетах, был лоцманом на пароходах, бороздивших реку Миссисипи.

«Марк твен» — «отметь два», — выкрикивали матросы на реке, когда глубина измеряемого ими фарватера достигала двух морских саженей. Это выражение и стало впоследствии псевдонимом писателя.

Твен начал писать еще юношей, но лишь в 1865 году опубликовал свой первый, привлекший к себе внимание рассказ «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса». Автору его тогда было 30 лет.

Много книг написал Марк Твен. Но ребята особенно полюбили «Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна», «Принц и нищий», «Жизнь на Миссисипи».

Писатель любил свою родину и свой народ. И он имел смелость говорить и писать не только о светлых сторонах жизни, но и о «бедах — несправедливостях» своего времени и общества. «У человека есть одно неоспоримо действенное оружие — смех, — писал он, — против смеха ничто не устоит!» И он высмеивал корыстолюбие и цинизм, ханжество и лицемерие буржуазного общества, жестокость и насилие власти капитала.

В 1876 году, когда впервые были напечатаны «Приключения Тома Сойера», Америка отмечала свой столетний юбилей. До этого Америка была колонией Англии. Только 4 апреля 1776 года собравшийся в Филадельфии Второй Континентальный конгресс принял Декларацию независимости и провозгласил образование нового государства — Соединенных Штатов Америки.

В этом году 4 июля США отмечали свой двухсотлетний юбилей. Много воды утекло в Миссисипи. Многое изменилось с тех пор. Но многое и осталось неизменным: неравенство граждан, особенно так называемых «цветных», преступность и серая рутина обывательского существования. Против этого восставали юные герои Твена. Против этого поднимают свой голос и сегодняшние соотечественники писателя: и юные и не юные.

Вот мнение двух американцев в связи с юбилеем США.

— Двухсотлетие, конечно, следует отметить. Люди готовы праздновать что угодно. Они должны радоваться жизни... Меня больше интересует завтрашний день, ибо завтрашний день можно сделать лучше. Самая сложная проблема в Америке сейчас — проблема расовая...

Это сказал Антони Джорж Лопез, учитель начальной школы из города Денвера. А вот что думает Рэнди Келли Эллиот — президент ученического коллектива средней школы города Голдена:

— По-моему, молодежь теперь больше верит в себя и в силы народа. А ключом ко всему этому служит образование, ибо на нем зиждется культура. Но наше будущее зависит также и от других стран. Дожить до двухтысячного года мы сумеем только в том случае, если научимся сосуществовать с другими народами...

Мысли этих людей перекликаются с гуманистическими идеалами, провозглашенными Твеном. Он дорог читателям всех стран своим непобедимым смехом, демократическим содержанием созданных им книг. Своими произведениями Твен помогал и помогает людям понять, что мир чистогана и жестокости отвратителен и что тяжесть заключенного в этом мире зла тянет его ко дну. В ряде своих произведений, в частности в «Новой династии», писатель выразил мысль о том, что будущее на стороне трудового народа, что придет день, и рабочий взойдет «на свой трон», станет хозяином своей страны. И тогда, развивает свою мысль Твен, «голодные будут иметь хлеб, а нагие — одеяния, тогда огонь надежды вспыхнет в глазах отчаявшихся, фальшивые господа исчезнут с глаз земли, и законный властелин займет свое место».

Рассказ Марка Твена «На школьном холме» вместе с другими его произведениями, как это принято в Америке, долгое время хранился в сейфе. Автор завещал опубликовать рассказ через 50 лет после своей смерти. Впервые рассказ был напечатан в 1969 году в книге под названием «Записки таинственного пришельца».

Главным действующим лицом на этот раз будет немного необычный герой — Сорок Четвертый. Он добр, честен, прилежен, необыкновенно талантлив и справедлив, силен, и он активно выступает за то, чтобы торжествовало равенство и справедливость.

Сорок Четвертый наделен прямо-таки кибернетическим даром усваивать все знания, но одновременно он остается прекрасным человеком. Быть может, это прообраз человека будущего?

У нас все любят Твена: и дети и взрослые. Только за годы Советской власти у нас издано свыше пятнадцати миллионов экземпляров книг Марка Твена на разных языках народов Советского Союза.

Об огромном значении Твена говорил Максим Горький. Утверждая, что советским детям нужны лучшие книги, «какие только существуют в литературе всех стран», он называл произведения Марка Твена.

Америка подарила миру Твена. Твен своим читателям — Америку. И мы надеемся, что вы полюбите нового знакомого, Сорок Четвертого, как полюбили Тома и Гекльберри Финна.

Роберт БАБЛОЯН

Марк ТВЕН

НА ШКОЛЬНОМ ХОЛМЕ

РАССКАЗ

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.

Это случилось ни много ни мало — пятьдесят лет назад. Однажды студеным зимним утром толпа мальчиков и девочек из деревни Питсбург медленно поднималась по длинному голому склону холма, на вершине которого находилась школа. Свирепый, холодный ветер обрушивался на ребят то с одной, то с другой стороны, а скованная льдом и занесенная снегом земля не могла служить надежной опорой. То и дело какой-нибудь мальчик, добравшись почти до вершины и уже считая себя вне опасности, вдруг оступался и, лежа на спине, скатывался вниз вслед за своими пустыми санками. Идущие в гору школьники расступались и весело хлопали в ладоши, когда он проносился мимо. Еще мгновение, и мальчик был уже у подножия холма, и ему снова предстояло восхождение на холм. Но все это было забавой и развлечением для мальчика и для всех вокруг, ведь школьники—народ беспечный, они не унывают даже тогда, когда с ними случается беда.

Сид Сойер, хороший мальчик, примерный, осмотрительный, ни разу не поскользнулся и не упал. Санок

Начался урок, и незнакомец сразу попал под обстрел удивленных глаз учеников.

он с собой не таскал, дорогу выбирал с большой осторожностью и потому прибыл в школу без приключений. Том Сойер, хотя и тащил за собой санки, тоже добрался до школы без приключений потому, что рядом с ним был Гек Финн, всегда готовый помочь. В те дни он еще не учился в школе и приходил сюда просто так, чтобы подольше побыть со своим другом.

Генри Баском тоже добрался благополучно. Этот подлый мальчишка, сын богатого работорговца, всегда хвастался своей одеждой. Дома у него была маленькая бойня со всеми необходимыми приспособлениями, настоящая бойня в миниатюре, и он собственноручно забивал щенков и котят. В классе он был вожаком. Слабые и робкие боялись и льстили ему, но никто не любил Генри Баскома. Он добрался до школы без приключений потому, что чернокожий слуга Джейк помогал ему взбираться на гору и тащил за ним санки, не самодельные, а купленные в магазине, отполированные и выкрашенные, с обитыми железом полозьями. В Питсбурге это были единственные фабричные санки. Их привезли из города Сент-Луи.

Наконец собрались все ученики, раскрасневшиеся, запыхавшиеся и продрогшие. Девочки вошли в школу, а мальчики столпились на улице с подветренной стороны. И вот тут ребята увидели новичка. А это событие чрезвычайно интересное, ведь в деревне новый человек — явление более редкое, чем новая комета на небе. На вид новичку было лет пятнадцать. Одет он был с иголочки, скромно, но изящно и с большим вкусом. У него было открытое, добродушное лицо с прекрасными, глубокими и ласковыми глазами, во всем его облике чувствовалась сдержанность и благородство, доброта и обаяние. Большинство мальчишек были приятно удивлены: он напоминал сказочного принца. С деревенской откровенностью они уставились на новичка, но он оставался невозмутимым. Генри Баском протолкался вперед и, оглядев его с ног до головы, вызывающе спросил:

— Ты кто такой? Как тебя зовут?

Новичок отрицательно покачал головой в знак того, что он не понимает вопроса.

— Ты что, оглох? Отвечай!

Снова медленное покачивание головой.

— Отвечай, тебе говорят! А то как дам по шее! Тут вмешался Том Сойер.

— Постой Баском, это нечестно. Если ты хочешь драться с ним, не дожидаясь перемены, как того требуют правила, то давай по закону... Положи себе на плечо что-нибудь, а он пусть сшибет.

— Хорошо. Хочет он того или нет, но я заставлю его драться сейчас же, не сходя с места!

Баском положил на плечо льдышку и сказал:

— А ну, попробуй сшиби!

Новичок недоуменно глядел на него. Тогда Том выступил вперед, тронул мальчика за правое плечо, сбил льдышку со своего плеча, положил ее обратно и показал жестом, что то же самое должен сделать он, новичок. Тот улыбнулся и коснулся пальцем льдышки, лежащей на плече Баскома. В ту же минуту Баском размахнулся, чтобы ударить новичка по лицу, но промахнулся и, поскользнувшись, упал навзничь, покатился под гору под общий хохот.

Раздался звонок, и мальчики ринулись в класс, спеша занять свои места. Незнакомец сел на пустую скамейку и сразу попал под обстрел удивленных глаз взволнованно перешептывающихся девочек.

Начался урок, Арчибальд Фергюсон, старый учитель-шотландец, постучал по столу указкой, потом поднялся на кафедру и томно произнес:

— На молитву!

После краткой молитвы начался урок. Класс загудел, занявшись таблицей умножения. Повторив ее до двенадцати на двенадцать, достали грифельные доски и стали решать задачи по арифметике. Тут на них посыпалось множество замечаний и несколько похвал. Потом ученики превратились в тараторящих попугаев, которые знали все грамматические правила за исключением одного: как этими правилами пользоваться в обычной речи.

— Диктант!— сказал учитель.

Тут его взор, блуждавший по классу, упал на новичка.

— Хм, новенький?! Как тебя зовут, мой мальчик?

Новичок поднялся и с вежливым поклоном сказал:

— Пардон, мсье, жэ нэ компренд па.

Фергюсон с приятным удивлением посмотрел на мальчика и сказал по-французски:

— О, француз, очень приятно! Давненько я не слыхал французской речи. Я единственный человек в деревне, который знает этот язык. Добро пожаловать, добро пожаловать! Буду рад возобновить свою разговорную практику. Значит, ты английского не знаешь?

— Ни слова, сэр,— ответил тот по-французски.

— Придется тебе потрудиться и выучить его.

— С удовольствием, сэр.

— Ты собираешься регулярно посещать школу?

— Если позволите, сэр.

— Что ж, хорошо. Прежде всего займись английским языком. В грамматике около тридцати правил, их нужно выучить на зубок.

— Я уже выучил, сэр: только я не знаю, что значат некоторые слова.

— Что?! Каким образом? Когда ты успел их выучить?

— Я слушал, как класс повторял вслух правила прежде чем приступить к диктанту.

Некоторое время учитель озадаченно смотрел поверх очков на мальчика, затем сказал:

— Если ты не знаешь ни одного английского слова, то как ты узнал, что это урок грамматики?

— По сходству с французским... К тому же по слову «грамматика», сэр.

— Верно. Голова у тебя варит, правила ты быстро выучишь.

— Я их знаю наизусть, сэр.

— Не может быть! Не говори чепухи.

Мальчик вежливо поклонился, ничего не возразив.

Учитель почувствовал себя виноватым и мягко сказал:

— Мне, конечно, не следовало так выражаться, извини. Забудь об этом, мой мальчик. Ну-ка повтори мне правила грамматики. Как сумеешь, не думая об ошибках.

Мальчик легко и просто начал. Одно правило за другим срывались с его губ, а учитель и ученики, затаив дыхание и разинув рты, слушали. Кончив, мальчик вежливо поклонился и стоял в ожидании. Фергюсон две минуты молча сидел в своем кресле, а затем сказал:

— Ты в самом деле не знал этих правил до того, как пришел сюда?

— Да, сэр.

— Клянусь честью, я готов поверить тебе. Правдивость написана на твоем лице. Но нет, не могу, никак... Это выше моих сил. Такая память и такой слух!.. Да это просто невозможно! Ни один человек на свете не обладает такой памятью, как у тебя!

Мальчик опять вежливо опустил голову и промолчал. Старый учитель устыдившись своих слов, добавил:

— Я, конечно, не собирался сказать... Я совсем не хотел... Гм, скажи мне, пожалуйста... не мог бы ты доказать... Ну, например, сделать то же самое по другому предмету. Попробуй, а?

Мальчик невозмутимо, без показной скромности повторил все, что говорили на уроке арифметики учитель, ученики, точно подражая голосу и манере каждого. Это было что-то невероятное! Мальчик не пропустил ни единого жеста, ни одного слова и взгляда.

...Наконец учитель сказал:

— Это самая удивительная штука, когда-либо виденная мною. Ни у кого на этом свете нет такого таланта, как у тебя, малыш. Благодари бога за талант и за благородную скромность... И сколько времени ты можешь удержать в своей памяти все?

— Я никогда не забываю того, что я видел или слышал, сэр.

— Невероятно! Неслыханно! Дай-ка я тебя проэкзаменую, просто ради интереса. Так, возьми вот англо-французский словарь, почитай, пока я займусь с классом. Мы не помешаем?

— Нет, сэр.

Мальчик взял словарь и стал листать страницу за страницей. Он не задерживался на строчках, охватывал всю страницу целиком и переходил к следующей.

Класс занимался то одним, то другим предметом, но сколько грубых промахов и ошибок делали ученики! Ибо восхищенные глаза всех были прикованы к новичку. Через двадцать минут мальчик закрыл книгу. Заметив это, Фергюсон сказал с ноткой разочарования в голосе:

— Извини меня, но я вижу, тебе не интересно!

Мальчик встал и сказал:

— О, сэр, наоборот! Здесь одни и те же слова напи-

саны по-французски и по-английски. Теперь я знаю слова вашего языка. Вот только произношение у меня не очень ладное...

— Ты знаешь слова?! И сколько же слов ты запомнил?

— Все, сэр.

— Но ведь тут шестьсот сорок пять страниц, за такое короткое время ты не мог просмотреть и десятой доли... Две секунды страница? Это невозможно...

Мальчик, не возражая, стоял, почтительно склонив голову.

— Гм, виноват. Мне следовало бы поучиться у тебя вежливости. Так, дай-ка сюда книгу. Начнем.

И снова произошло чудо. Из уст мальчика, словно водопад, хлынули слова, их толкование, данные для примера фразы, названия частей речи, в общем, все. Новичок, ничего не пропустив, повторил все. Даже произношение у него было сравнительно правильное, почти такое, какое было показано в словаре.

Учитель и ученики сидели молча, охваченные благоговейным страхом, восхищаясь прекрасным незнакомцем.

...В наступившей тишине раздался голос учителя:

— Мальчик, ты чудо!.. Ты единственный человек в Америке, который знает все английские слова. Пусть они отстоятся в твоей голове, а синтаксическое строение придет само собой. Теперь возьмись за латынь, потом за греческий, математику и стенографию. Вот книги. Даю тебе по тридцать минут на каждый предмет. На этом твое образование закончится. Но скажи мне, пожалуйста, как ты ухитряешься все запомнить? Каков твой метод, хотел бы я знать? Ты глотаешь страницу за страницей, как будто стираешь с классной доски колонки цифр. Тебе понятно, что я сказал по-английски?

— Да, учитель... Понятно... У меня нет никакого секрета. Я охватываю взором всю страницу... вот и все.

— Ты с первого взгляда видишь ее всю?

— Да. Точно так же я вижу и весь класс. И сразу могу сказать, кто во что одет, какое у кого выражение лица, какие глаза, нос, волосы, завязаны ли шнурки на ботинках. Мне незачем смотреть второй раз.

При этих словах сидевшая в противоположном углу класса Маргарет Стовер поспешила спрятать под стол ноги с расшнурованными туфлями.

— Да, я не встречал еще человека, который мог бы так, окинув одним взглядом, запечатлеть в своей памяти тысячи подробностей. Возможно, такое удивительное существо, как стрекоза, и могло бы это сделать, но там другое дело — у нее двенадцать тысяч глаз.

— Что же, берись за латынь, малыш,—сказал учитель и со вздохом добавил: — Нам же с нашими жалкими способностями придется по-прежнему корпеть над учебниками.

Мальчик взял книгу и стал ее быстро перелистывать, словно подсчитывал, сколько в ней страниц. Класс со скрытым злорадством поглядывал на Генри Баскома и втайне торжествовал, видя, как тот раздосадован. Ведь он был единственным учеником, знавшим латинский язык, и очень кичился этим.

Класс все время гудел и волновался, в нем разгоралась зависть к новичку.

Прошло полчаса, и класс увидел, как мальчик отложил в сторону учебник латинского языка и занялся греческим.

Греческий, математику он одолел в свой черед. Дело дошло до «Нового метода стенографии по названию фонография». Одна минута и двадцать секунд понадобились на овладение этим предметом. Заметив это, учитель спросил:

— Что, покончено со стенографией?

— Она основана на простых законах, сэр. Применять их так же просто, как и правила арифметики. К тому же тут множество примеров, сочетаний английских слов, из которых исключены гласные. Система эта изумительно простая, точная и ясная. Она позволяет записывать греческую речь и латинскую.

— Гм, твой английский совершенствуется прямо на глазах, мой мальчик.

— Да, сэр. Книги, которые я прочитал, помогли мне отточить его языковые формы.

— Я уже не могу больше ничему удивляться. Подойди к доске, я хочу посмотреть, как будет выглядеть стенографическая запись греческого языка. Я продиктую несколько отрывков, а ты записывай.

Мальчик взял мел, и экзамен начался. Учитель диктовал вначале медленно, потом быстрее и быстрее. Мальчик записывал все без труда. Учитель перешел на латинские фразы, английские, французские — мальчик и тут успевал за ним.

— Поразительно, дитя мое... Ошеломляюще поразительно! Еще одно чудо, и я сдаюсь. Вот страница, заполненная колонками цифр. Сложи эти числа. Я видел одного фокусника, он это делал за три с половиной минуты. Итоговая сумма мне известна. Итак, засекаю время!

Новичок взглянул на листок, вежливо поклонился и сказал:

— Четыре миллиона восемьсот шестьдесят пять тысяч четыреста девяносто шесть, если, конечно, неясная двадцать третья цифра в пятой строке сверху—девятка, а не семерка.

— Правильно, рекорд побит. И ты еще успел заметить, на каком месте неясная девятка! Погоди-ка, я отыщу ее. Так, говоришь, двадцать третья в пятой строке сверху? Ага, вот она. В самом деле не ясно, то ли это семь, то ли девять. Но неважно, ответ все равно правилен...

— О-о, неужто мои часы врут? Уже далеко за полдень, а мы и про обед забыли. Такого еще ни разу не случалось за тридцать лет моей работы в школе. Воистину сегодня день чудес! Ну, дети, можете отправляться домой. Так как же тебя зовут, мой маленький чародей?

Все школьники, снедаемые любопытством, окружили новичка и жадно пожирали его завистливыми взглядами. Все, кроме Баскома, который, надувшись, стоял в стороне.

— Кварант-Квотро, сэр. Сорок Четвертый.

— Как-как? Это же порядковый номер, а не имя.

Незнакомец вежливо поклонился. Учитель продолжал:

— Когда же ты прибыл в наши края?

— Вчера вечером, сэр.

— У тебя тут родные?

— Нет, сэр, никого.

— Где же ты остановился?

— Меня приютил в своем доме мистер Хотчкинс.

— Хотчкинсы — прекрасные люди, добрые и отзывчивые. Тебя кто-нибудь представил им?

— Нет, сэр.
— Как тебе удалось объясниться с ними?
— Знаками. Помогли их доброта и сочувствие ко мне — страннику. На дворе было холодно.
— Верно, хорошо сказано, без лишних слов. Это так похоже на Хотчкинсов. Значит, ты вошел... А потом что было?

Мальчик взял словарь и стал листать страницу за страницей.

Сорок Четвертый вежливо склонил голову.
Учитель сказал дружелюбно:
— Еще раз виноват. Забудь об этом, прошу тебя. Я очень рад, что ты приехал сюда, признателен тебе за это...
— Благодарю вас, сэр.
— Мой служебный долг требовал, чтобы я поговорил с тобой прежде, чем ты уйдешь из школы, потому-то я и расспрашивал тебя. Прими это как извинение. Адью!
— Прощайте, учитель!
Класс опустел, но старый Фергюсон продолжал расхаживать между партами с чувством собственного достоинства, приличествующим его служебному положению.

Девочки, оживленно тараторя, быстро разошлись, чтобы поскорее попасть домой и рассказать о чудесах, свидетелями которых они были. Мальчики же толпились у школы и ждали, молча и нетерпеливо. Они почти не обращали внимания на резкий холод, их мысли, видимо, были заняты чем-то очень важным. Генри Баском стоял в стороне, неподалеку от крыльца. Новичок все еще оставался в школе. Том Сойер остановил его и предупредил о грозящей опасности.
— Берегись, он тебя ждет. Я говорю о Генри Баскоме. Смотри, он парень коварный и подлый.
— Ждет меня?!
— Тебя.
— Зачем?
— Чтобы избить.
— Чего ради?
— Да просто так. Он в этом году у нас в классе вожак, а ты новенький.
— У вас такой обычай?
— Да. Хочет он того или не хочет, а должен побить тебя. Иначе ему не быть вожаком. Правда, ему и самому хочется поколотить тебя. Уж очень ты ему досадил с этой латынью.
...Том с новичком вышли на улицу. Когда они поравнялись с Баскомом, тот сделал подножку, чтобы свалить с ног Сорок Четвертого. Но Сорок Четвертый продолжал идти, а упал сам Баском. Да так трахнулся, что все рассмеялись исподтишка. Баском поднялся, весь кипя от злости, и закричал:
— Снимай пальто!.. Тебе придется или драться со мной, или есть землю. Одно из двух. Эй, шире круг! Давай!
— А можно не снимать пальто? Как по правилам?
— Нет,— сказал Том.— Оно тебе будет мешать.
— Не снимай, кукла восковая, если не хочешь,— крикнул Баском.— Все равно это тебе не поможет. Вперед!
Сорок Четвертый, сжав кулаки, приняв оборонительную позу, стоял на месте, а гибкий и верткий Баском кружил, пританцовывая, около него, то подступая к нему, то отступая.
Том с ребятами то и дело кричали Сорок Четвертому.
— Эй, берегись! Берегись!..
На какой-то момент новичок ослабил внимание, Генри подскочил к нему и изо всей силы ударил. Однако незнакомец неуловимым движением уклонился от удара, а Баском, поскользнувшись на льду, грохнулся на землю. Он тут же вскочил и, прихрамывая, еще более разъяренный снова стал приплясывать вокруг противника. Он еще раз атаковал Сорок Четвертого, но ударил он не новичка, а пустоту и опять свалился. После этого он стал внимательнее, не прыгал, а осторожно переступал ногами по скользкой земле. Дрался он усердно, с чувством, с толком наносил удары, однако ни один из них не достиг цели: Сорок Четвертый отводил их ловкими финтами головы или тонко парировал. Баском запыхался, а его противник оставался совершенно бодрым и свежим: ведь он почти не сходил с места и не нанес ни одного удара.

Девочки, оживленно тараторя, обменивались впечатлениями о новом ученике.

Когда Генри остановился, чтобы перевести дыхание, новичок сказал:

— Я думаю, достаточно. Давай-ка оставим это.

Ребята протестующе зашумели, ведь здесь, перед ними происходили выборы вожака класса, и все были заинтересованы в исходе борьбы.

Генри ответил:

— Ты, мисс Нэнси, стой, где стоишь. Не уйдешь отсюда, пока не выясним, за кем будет пояс главаря.

— Так ведь и так уже все ясно. Какой толк продолжать? Ты меня не побил, а у меня нет никакого желания тебя бить.

— У него нет желания! Ишь, какой добрый! Побереги свою доброту, пока тебя не попросят. Вперед!

Теперь новичок стал наносить удары, и каждый раз Генри грохался на землю. Зрителей охватило неистовство. Они поняли, что тирану и мучителю пришел конец и что теперь у них будет защитник. Забыв о своем страхе, они радостно кричали:

— Сорок Четвертый, дай ему! Вздрючь его как следует! Так, вали его! Еще раз! Дай ему хорошенько!

Баском был парень отчаянный. Он падал снова и снова, но каждый раз поднимался и тут же бросался на противника. До тех пор, пока совсем не выдохся. Только тогда он сказал:

— Пояс твой! Но, погоди, я еще разделаюсь с тобой. Я буду не я, если этого не сделаю!..

Он оглядел мальчишек, назвал восьмерых из них, включая и Гека Финна, и сказал:

— Ну, а вы все у меня на примете, поняли? Я слышал, как вы тут орали. Я вам покажу, где раки зимуют. Будете у меня ходить с фонарями.

В глазах новичка впервые, как молния, блеснула вспышка гнева. Вспыхнула и мгновенно исчезла, и он бесстрастно сказал:

— Я тебе не позволю этого.

— Ты не позволишь?! Да кто тебя спрашивать будет? Кого это интересует, что ты позволишь или не позволишь? Да я сейчас же расправлюсь с ними.

— Сказано, не позволю, и не дури. Я тебя пожалел. Я слегка побил тебя, но если ты хоть пальцем тронешь кого-нибудь, я тебя так отделаю, что своих не узнаешь.

Генри не мог сдержать злости. Он подскочил к первому попавшемуся под руку мальчику из «черного списка», но не успел и замахнуться, как был сбит с ног звонкой пощечиной новичка. И неподвижно остался лежать там, где упал.

— Стой!!! Эй!!! — раздался крик проезжавшего мимо отца Генри, человека неприятного и злого. Все боялись его силы и крутого нрава. Он выскочил из саней. Мальчики расступились, и он, подбежав к незнакомцу, свирепо замахнулся кнутом.

— Я покажу тебе!

Сорок Четвертый ловко увернулся и схватил поднятую руку работорговца. Послышался стон... и отец Баскома заковылял прочь со словами:

— О боже! Мне руку сломали...

Из саней выскочила мамаша Генри и, подбежав к поверженному сыну и покалеченному мужу, запричитала над ними. Ребята стояли ни живы ни мертвы, зачарованные разыгравшимся перед ними зрелищем. Оно так захватило их, что только после того, как миссис Баском по-

Генри Баском был раздосадован.

требовала выдачи Сорок Четвертого, чтобы наказать его, мальчишки увидели, что новичок исчез.

Спустя час люди по одному, по двое стали собираться в доме Хотчкинсов, якобы с целью нанести дружеский визит, а на самом деле чтобы взглянуть на чудесного мальчика. Хозяева были полны гордости и радости от того, что он живет именно у них. Радость и гордость Хотчкинса были вполне искренни, потому что он был человек независтливый, по натуре своей восторженный, широкой души, бесконечно добрый и обходительный, по уму и развитию был на голову выше всех в деревне. Был он высокого роста, статный, с выразительными глазами. Если бы не седые волосы, ему можно было бы дать лет на двадцать меньше...

...Собравшиеся сидели, дожидаясь мальчика. Энни Флеминг, племянница Хотчкинсов, держа свечку в руке, одним ухом слушала тетю Рашель, рассказывающую о мальчике прямо-таки легенды, а другим прислушивалась, не стукнет ли щеколда калитки. Она уже отдала свое неискушенное сердце страннику еще накануне вечером, когда впервые увидела его. Милая, прелестная и бесхитростная девушка, которой только что исполнилось восемнадцать лет, еще не знала любви и умела только поклоняться, как огнепоклонники поклоняются солнцу, довольствуясь малым и ничего взамен не требуя.

Почему же его так долго нет? Почему он не пришел к обеду? Время тянулось очень медленно. Собравшиеся со все возрастающим нетерпением ждали прихода незнакомца. Энни встала и вышла из комнаты. Все уже готовы были уйти, так и не повидав мальчика, когда вернулась Энни с написанным на лице разочарованием и болью в сердце, хотя и никто не заметил первого, не заподозрил второго.

— Тетя,— сказала девушка,— он, оказывается, приходил и опять куда-то ушел.

— Значит, так было нужно. Жаль, конечно. Но ты уверена в этом?

— Он переоделся.

— А что, там есть его одежда?

— Да, но не та, в которой он был утром, и не та, что была на нем вчера вечером.

— Миссис Хотчкинс,— обратились к хозяйке собравшиеся гости,— можно нам взглянуть на нее?

— Можно ли? Гм...

— Пожалуйста, разрешите.

Выставили дозорных, чтобы вовремя предупредить о появлении мальчика. Энни встала у парадной двери, тетя Рашель — у черного входа, а остальные отправились в комнату Сорок Четвертого. Там действительно висело платье мальчика, новенькое, красивое. Пальто лежало на кровати, Миссис Хотчкинс подняла его, чтобы показать всем, и вдруг из карманов посыпались золотые и серебряные монеты. Миссис Хотчкинс замерла, оцепенела от ужаса, а горка монет на полу все росла и росла.

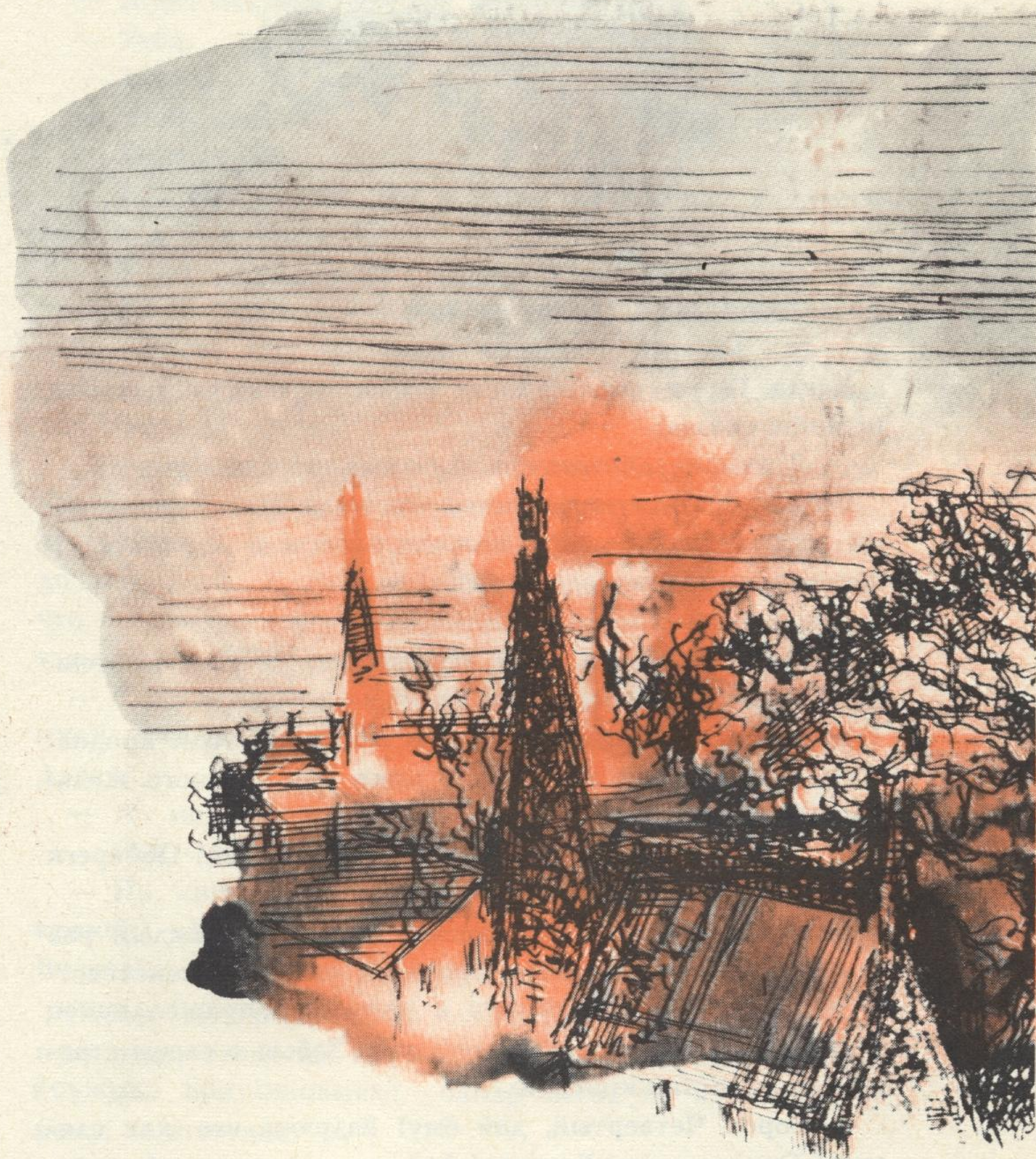
— Положи на место! — закричал ее муж и, вырвав пальто у нее из рук, швырнул на кровать.

— Что было бы, если бы он вдруг вернулся и застал нас здесь. Чем объяснили бы мы свое вторжение? Поскорее соберите деньги и уходите...

...Гости покинули дом. Мистер Хотчкинс заявил, что мальчик, видимо, заигрался со своими сверстниками. А разве есть на свете что-нибудь важнее игры? «Дети есть дети, ничего не поделаешь. И пусть остаются детьми, пока возможно. Это лучшая пора жизни, к тому же самая короткая».

На дворе потемнело. Горизонт закрыли тяжелые, черные тучи, предвещая снегопад, что и сбылось в скором времени.

Наступил вечер. Вечер того дня, который впоследствии получил название дня Большой бури. Разразился настоящий ураган, хотя в те времена это выразительное слово еще не было придумано. Ураган прошелся по стране длинной узкой полосой, на десять дней засыпав снегом деревни и плантации так, как в свое время, восемнадцать веков назад, была засыпана камнями и пеплом Помпея. Большая буря приступила к делу спокойно и методично. Без хвастовства и крика. Не было ни ветра, ни шума! Человек, проходя по улице мимо освещенных

окон, мог увидеть, как тихо падал снег и ложился на тротуар мягко, ровно и артистично, быстро и равномерно увеличивая снежный покров. Прохожий мог также заметить, что снег был необычный — он не падал хлопьями, а сыпался, словно алмазный порошок.

Затем поднялся ветер и запел зловещую песню. Он все крепчал, и вскоре его вой превратился в рев и рычание. Он поднимал в воздух снег и нагромождал высоченные сугробы. Хотчкинсы заволновались не на шутку. Они подошли к парадной двери, и слуга Джеф рывком отворил ее. Ветер засвистел на самой высокой ноте, и на Джефа, словно из ковша землечерпалки, посыпался снег.

— Скорей закройте дверь,— закричал хозяин.

Дверь закрыли. Порывы ветра сотрясали дом. Хотчкинс закрыл лицо руками и простонал:

— О, господи! В такую бурю он наверняка погибнет.

...Вдруг в освещенном зале они увидели пришельца. Он шел навстречу. Мистер Хотчкинс сказал прерывающимся от волнения голосом:

— О, как я рад!.. Я уже не чаял увидеть тебя живым...

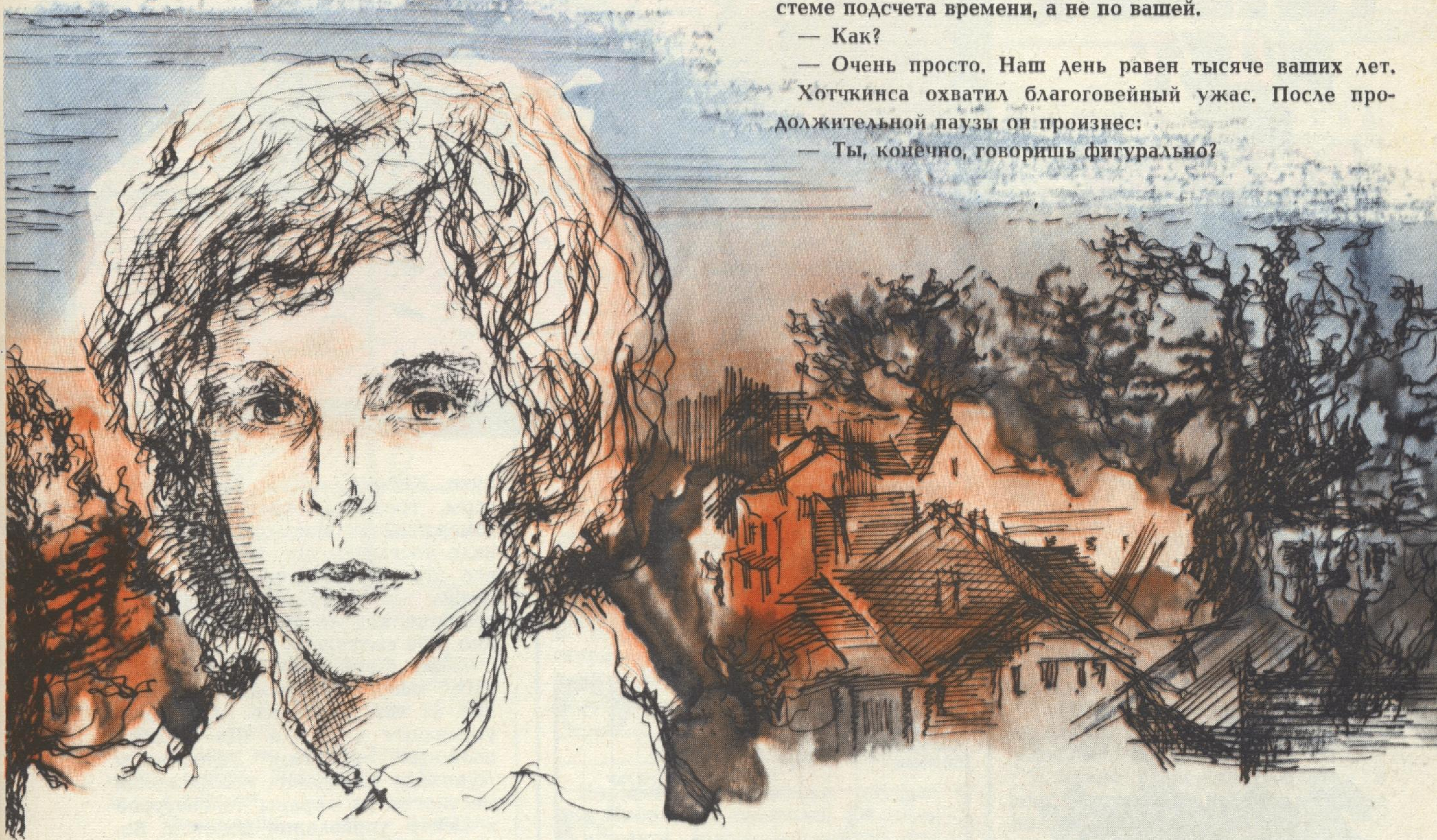
Радости Хотчкинса не было предела. Он вытащил заветную бутылку виски, через несколько минут сварил отличный пунш и разлил его по бокалам.

Мальчик отхлебнул глоток и, заметив, что напиток приятен на вкус, спросил, из чего он сделан.

— Как из чего? Из виски, конечно. Сейчас мы с тобой еще закурим. Вообще-то я не курю как президент лиги борьбы с курением, но ради знакомства...

Он вскочил и достал курительные трубки, одну из них протянул мальчику. Тот с интересом осмотрел ее и спросил, что с ней делать.

— Как? — удивился мистер Хотчкинс.— Уж не хо-

Сорок Четвертый: «Завтра же я отправлюсь в путешествие по земному шару, исследую многие страны и народы...»

чешь ли ты сказать, что не куришь? Никогда я не видел мальчика, который бы не курил.

— А что там, в трубке?

— Табак, разумеется.

— А-а, знаю. Сэр Колтер Релей, описывая быт индейцев, упоминал о табаке. Я читал об этом.

— Боже ты мой, он читал! Неужели ты ничего не знаешь, кроме того, что прочел в книгах? Где ты родился?

— Я иностранец.

— Не может быть! Ты говоришь без всякого акцента. Где ты рос?

— На небе.

У мистера Хотчкинса выпала трубка из одной руки и рюмка — из другой. Он сидел, тупо уставившись на мальчика.

Потом, придя немного в себя, он сказал:

— Давай выпьем за твое здоровье и закусим как следует.

— Это можно, но я не хочу есть.

— Разве ты не голоден?

— Я никогда не бываю голодным.

— Очень жаль. Ты многое потерял. Теперь расскажи мне, пожалуйста, если можешь, немного о себе...

— Я родился еще задолго до появления Адама...

— Что?!..

— Чему вы так удивились?

— Твои слова слишком неожиданны для меня. Ведь с тех пор прошло более шести тысяч лет, а ты выглядишь пятнадцатилетним пареньком...

— Верно, так оно и есть. Почти так... По нашей системе подсчета времени, а не по вашей.

— Как?

— Очень просто. Наш день равен тысяче ваших лет.

Хотчкинса охватил благоговейный ужас. После продолжительной паузы он произнес:

— Ты, конечно, говоришь фигурально?

— Да нет! В самом буквальном смысле. Минута нашего времени равна сорока одному и двум третям вашего года. По нашей системе мне сейчас пятнадцать лет, а по вашей — без малого пять миллионов.

— Что же, продолжай рассказывать. Я даже не могу представить себе такие астрономические цифры.

— Так вот, неделю назад я жил на небе. Разумеется, я и раньше там жил, но неделю назад по нашему летосчислению я увидел вашу землю. Заинтересовался и решил исследовать ее. Вот потому я и здесь.

...У меня пока нет определенного плана. Начну я с изучения людей. Завтра же отправляюсь в путешествие по земному шару, исследую многие страны и народы, изучу их языки, прочту их книги... Но вы, кажется, утомились сегодня. Ложитесь спать. Спокойной ночи!..

На следующее утро ветер стих, исчезли тучи, и вместе с ними исчез пришелец из другого временного пояса.

Сокращенный перевод с

Рисунки
Б. КЫШТЫМОВА.

КИБИК ИДЕТ ПО МАРСУ

Вернувшись из Харькова, Икс немедленно собрал своих друзей на экстренное заседание. Достал из портфеля какие-то таблицы и схемы и разложил их на столе.

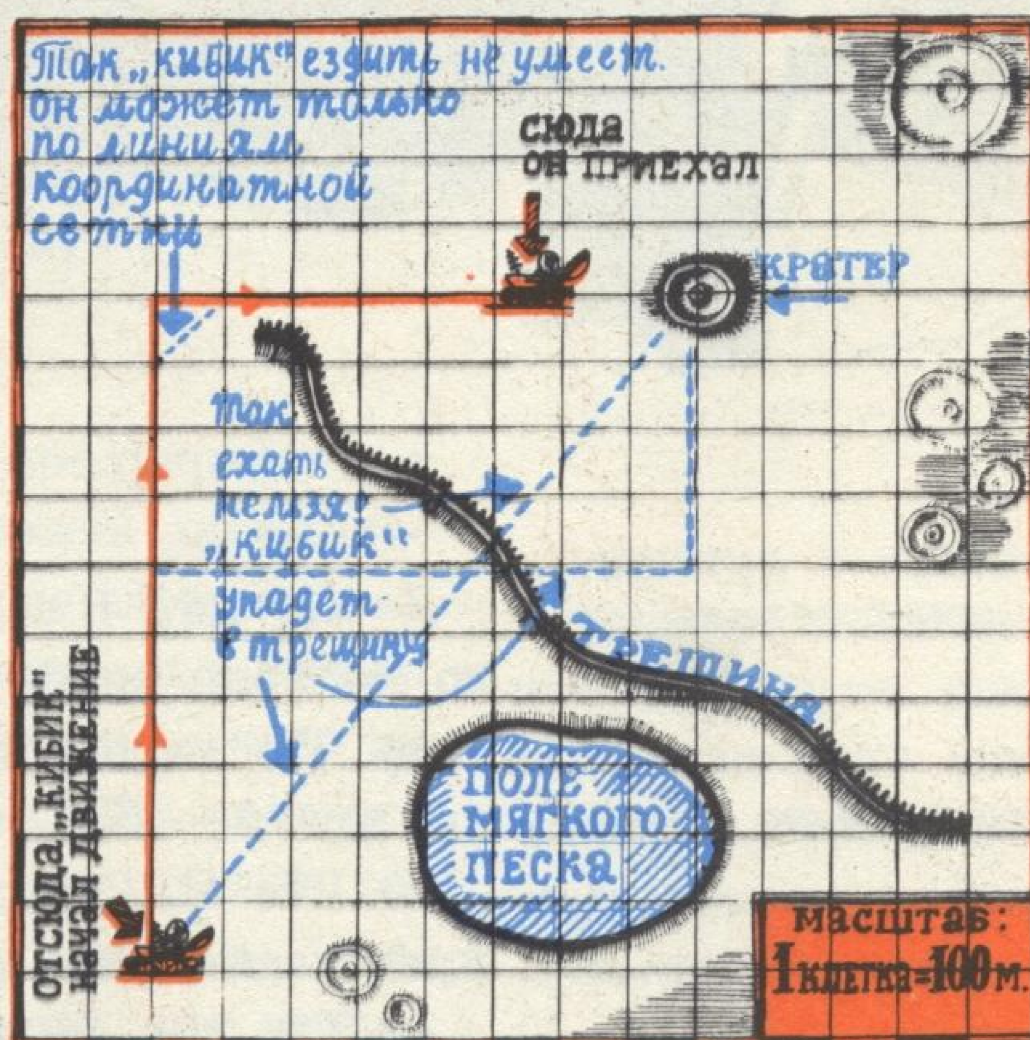
— Прежде всего хочу сообщить вам, что Школа юных кибернетиков да и сами юные харьковчане мне очень понравились. Где еще ребят, начиная с третьего класса, учат работать на вычислительных машинах? Где знакомят их с основами кибернетики и программирования? Пока только в школе при Харьковском дворце пионеров! Но ближе к делу. Посмотрите на этот рисунок, его мне подарили харьковские кибернетики.— Икс с гордостью расправил на столе листок бумаги.

Знакомьтесь — Кибик

— Похоже на Луноход,— сказал Игрек, внимательно разглядывая рисунок.

— Конечно, похоже. Это ведь тоже автоматический самоходный аппарат, только не для Луны, а для исследования Марса и других планет. Ребята из Харькова назвали его Кибиком в честь науки кибернетики. Самое интересное у Кибика — программное управление: у него есть память, и он может запомнить программу работы на несколько часов вперед. Харьковские кибернетики уже работали с ним по такой вот программе:

Включить двигатель,
пройти один километр на север,
повернуть направо,

пройти еще 500 метров,
сфотографировать кратер прямо по курсу,
остановиться,
ждать новой программы.

— А зачем все это? Пусть идет прямо к кратеру без всякой программы,— возразил Зет, рассматривая схему первого маршрута.

— Без программы нельзя! На пути Кибика много опасностей: горы, трещины, кратеры, глыбы замерзшей углекислоты. Маршрут надо составить так, чтобы обойти все эти препятствия. Ведь если Кибик застрянет в какой-нибудь трещине, его не починишь по радио и не вытащишь...

— На Луне тоже много опасных мест,— продолжал спорить Зет. И тем не менее Луноходом управляют с Земли без всяких сложных программ. Телекамеры Лунохода передают изображение местности на экраны телевизоров в Центр управления полетом. Водители видят на экранах все препятствия и управляют машиной так, будто сами находятся на Луноходе.

— Верно,— подтвердил Игрек.— Это гораздо проще. Только на марсоходе придется поставить антенны значительно больше и радиопередатчики помощнее.

— Не выйдет! — сказал Икс.— Даже пробовать не стоит.

— Почему?

Икс посмотрел на рисунок и сказал:

— Я тоже подумал об этом сначала и сказал ребятам, но они мне доказали, что управление Кибиком отличается от управления Луноходом. Дело в том...

— Подожди,— остановил его Игрек.— Пусть на этот вопрос ответят наши читатели. **Итак, почему марсоходом надо управлять с Земли иначе, чем Луноходом?**

ЧТО УМЕЕТ И ЧЕГО НЕ УМЕЕТ КИБИК

Икс развернул схему и рядом положил какую-то таблицу.

— Как и Луноход, Кибик понимает язык цифр: только для него их записывают на специальных бланках — вот таких. Например, программа движения по первому маршруту записывается так. Каж-

КИБИК-1	НАЗВАНИЕ ПРОГРАММЫ „Пионер"-1				СТРАНИЦА № 1
НОМЕР КОМАНДЫ	КОМАНДА				ПРИМЕЧАНИЕ
1	0	1	0	0	
2	0	2	1	0	
3	1	1	0	1	
4	0	2	0	5	
5	2	0	0	0	
6	4	4	0	0	
ПРОГРАММУ СОСТАВИЛ					ИКС

дая команда обозначается цифрами. Например, команда «включить двигатель» выглядит так: 0100. Коротко и ясно!

— А мне не ясно! Зачем так много цифр? Передайте «1» — и дело с концом.

— Понимаешь ли, каждая команда для Кибика состоит из четырех цифр. Первые две цифры указывают Кибику, **ЧТО нужно сделать**, какую операцию выполнить. Например, 01—включить двигатель, 02 — двигаться прямо, 11 — повернуть вправо. Вторые две цифры указывают, **КАК выполнять команду.** Например, по команде 02 02 Кибик пройдет 200 метров, по команде 02 01—100 метров, а по команде 02 20 — целых два километра.

— А если нужно пройти 50 метров?

— Этого Кибик не умеет: он не знает дробей.

— А если все-таки понадобится такая команда?

— Не знаю, что тогда делать. Ребята, которые проектировали Кибика, решили, что без этого пока можно обойтись. Может быть, наши читатели что-нибудь предложат? Харьковчане не откажутся усовершенствовать Кибика.

— А у меня еще один вопрос,— не унимался Игрек.— Сколько есть способов запустить двигатель Кибика?

— Насколько я знаю, один.

— Тогда зачем нужны вторые две цифры в первой команде? Что они означают?

— Ничего не означают. Там можно написать любые две цифры,— именно потому, что есть только **один способ** запустить двигатель.

— Зачем же их писать? Напишите 01, и все ясно.

— Нельзя, — сказал Икс. — Цифры программ передаются Кибику по радио подряд: 010002101101020520004400.

При условии, что каждая команда состоит из четырех цифр, Кибику легко отличить один приказ от другого. Если же часть команд будет передаваться двумя цифрами, без вторых частей, он не поймет, где какая команда кончается. Поэтому в любой команде должны быть записаны все четыре цифры.

— И еще: в твоей программе есть команда 44. Неужели Кибик может выполнить 44 разных команды? Так много?

— Нет, их гораздо меньше. 44— это не «сорок четыре», а «четыре — четыре». Первая цифра обозначает тип команды: с нуля начинаются команды управления двигателем, с единицы — команды поворота. Так что 44 — четвертая команда типа «4».

— А как узнать, какие еще команды есть у Кибика? Пока ты назвал только пять.

— Не все, но об остальных я расскажу позже, когда харьковчане отправят Кибика на Марс. В следующих номерах нашего журнала мы расскажем об испытаниях Кибика и первых его приключениях на Красной планете.

НАШ КОНКУРС

Харьковчане проводят испытания Кибика на полигоне. Полигон в памяти вычислительной ма-

шины. Первое задание для Кибика: посетить точки А, В, С и Д, в каждой из них произвести исследование и фотосъемку, по дороге сфотографировать объекты М и N. Сейчас Кибик находится в точке К и развернут на север. Харьковчане просили наших читателей помочь им составить программу.

Пусть это будет главным заданием нашего нового конкурса «Кибик идет по Марсу». Лучшие программы мы передадим в Школу кибернетиков, фамилии их авторов напечатаем в журнале.

Работы должны быть выполнены в ученических тетрадях в клеточку. Аккуратно, по клеточкам, перерисуйте схему полигона из журнала и нанесите трассу, по которой у вас пойдет Кибик. Программа записывается в той же тетради на страницах, расчерченных в форме бланка, как показано на нашем рисунке. В конце просим ответить на наши вопросы:

1. Почему марсоходом нельзя управлять так, как управляют Луноходом?

2. Какие усовершенствования в конструкции и системе команд Кибика вы предлагаете?

— Не забудьте написать на обложке тетрадки фамилию, имя, номер школы, класс и свой почтовый домашний адрес,— добавил Игрек.

— С нетерпением ждем ваших писем! — воскликнул Икс.

Г. ЗВЕНИГОРОДСКИЙ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ИЗВЕЩАЮТ МОСКВИЧЕЙ

Начинается учебный год в Вечерней математической школе (ВМШ) при Московском математическом обществе. По традиции — ведь преподаватели ВМШ много лет ведут «Встречи с Тремя Неизвестными» — приглашаем на занятия школьников 5, 6, 7, 8-х классов. Узнать о начале занятий можно во второй половине сентября по телефонам: 137-17-69, 291-85-72, 128-76-59.

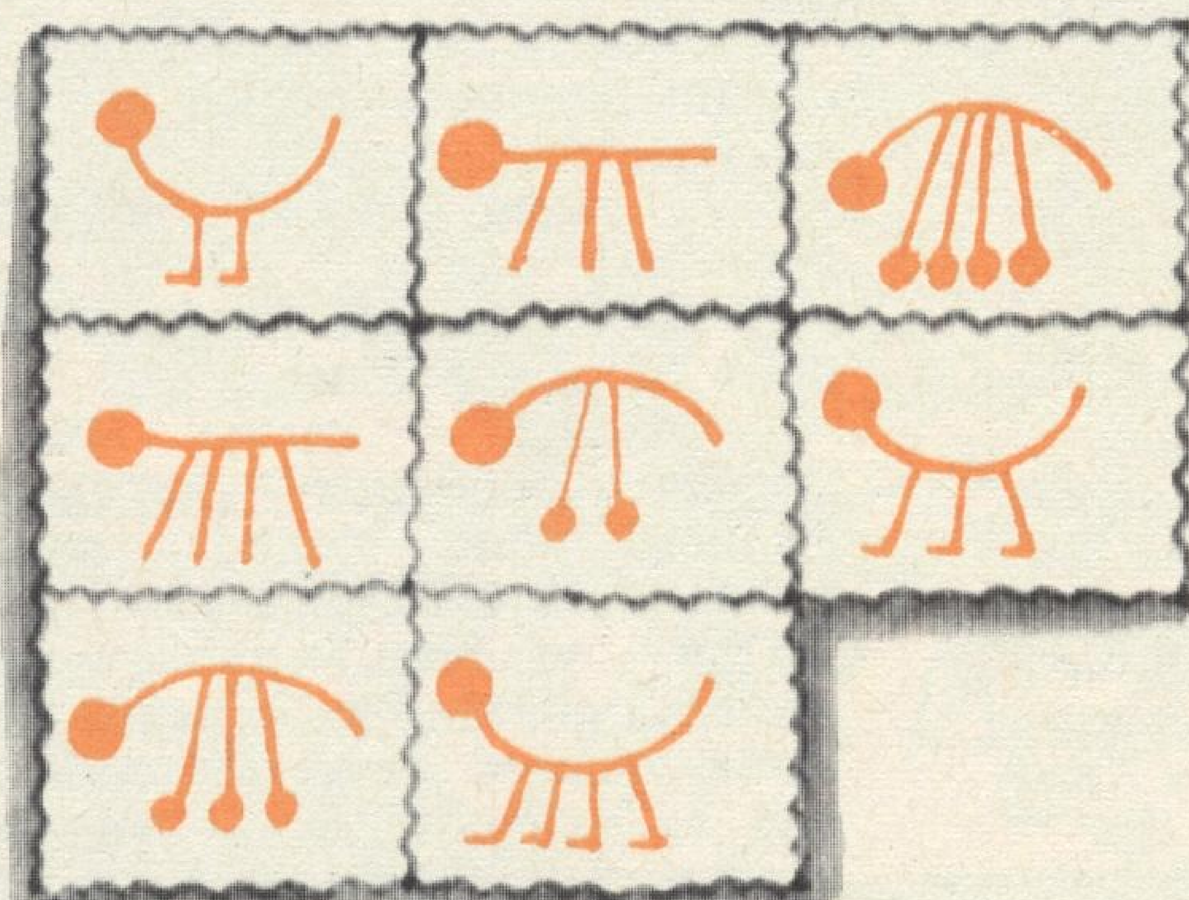
Приходите в ВМШ!

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Марсианские марки

С Марса прислан нам в подарок
Блок древнейших редких марок.
Бесконечно ценен он,
Но немножко поврежден:
Нет одной из девяти.
Как бы нам ее найти?
Шесть других лежат
в конверте,
Нет ли там ее, проверьте?
Но сперва на марки в блоке
Повнимательней взгляни,
Очень строгому закону
Подчиняются они!
Ради марки угловой
Поработай головой!

Остров сокровищ

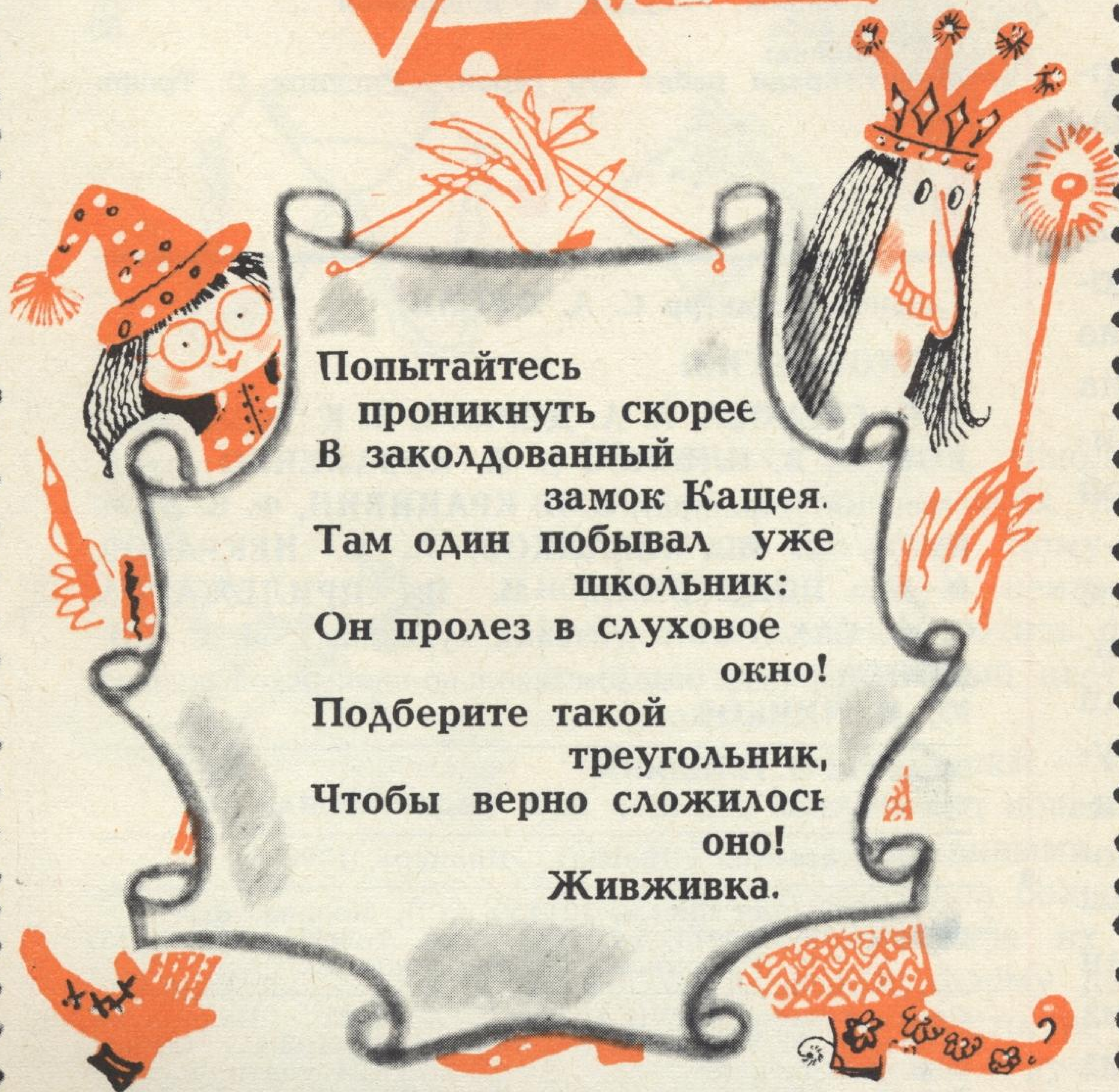

На дальнем острове когда-то
Сундук зарыли два пирата.
Его найти довольно просто
Тому, кто попадет на остров.
Однако твердо помнить надо:
На всем своем пути до клада
Не пересечь обязан ты
Ни разу ни одной черты.
Тебе дается пять минут!
В ответе опиши маршрут.

КАПИТАН ПЕРО.

Замок Кащея

Попытайтесь
проникнуть скорее
В заколдованный
замок Кащея.
Там один побывал уже
школьник:
Он пролез в слуховое
окно!
Подберите такой
треугольник,
Чтобы верно сложилось
оно!
Живживка.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 9

Игры Лупы и Пинцета

Три ядра

Во втором ряду — второе и пятое ядра.
В третьем — третье ядро.

Игры Деда Буквоеда

Кто это?

У вас должны получиться слова: транзистор, теленок, карандаш, линейка, злость, бретелька, ползень, шоколад.

Поиграем в кубики?

Макет Живживки под буквами СВ.

Игры деда Буквоеда

ШТОПКА

Один козел на . . .
Купил себе . . .
На кожаной . . .
И две . . .
Гуляя по долинам
Гуляя по . . .
Ботинки . . .
Себе он чистит . . .
Всегда он ставит . . .
На маленький . . .

Заштопай понемногу
Концы у этих строк!

Отточенное слово
Острее, чем игла!
И нарисуй смешного
Рогатого козла!

Встреча в Детве

Если вы захотите взглянуть на карту, то найдете наш городок Детву в Средней Словакии. В парках, скверах, на улицах у нас много цветов, и город цветет до самой осени.

Когда наш город готовился к XV съезду Коммунистической партии Чехословакии, у нас в школе проходили «Ленинские дни». К празднику готовились все члены Кружка молодых друзей СССР. Нам давно хотелось пригласить в гости советских пионеров. Школа, где учатся советские ребята, находится в соседнем городке Зволине. Мы отправили им приглашение.

И вот наступил долгожданный день. Все собрались в школьном концертном зале. Сначала мы относились друг к другу робко, осторожно, ведь особенно не были знакомы. А когда подружились, нам стало легко и радостно. Мы пели революционные и пионерские песни, а одна советская девочка спела на словацком языке нашу народную... Много читали стихов о Родине и Коммунистической партии. Смотрели фильм о Ленине.

Потом все вместе со знаменами строем под дробь барабанов шли к братским могилам. Там молча и торжественно положили цветы на мрамор. Наступила тишина. Минута молчания. Два отряда, советский и словацкий, стояли, не шелохнувшись. Каждый смотрел на золотые строчки мраморных плит — имена солдат, не вернувшихся из боя... Иван Петрович Орлов из Москвы, Иван Сахно из Киева, Гаврила Васильевич Заболотный из Винницкой области. Их фотографии в рамках висят в вестибюле нашей школы. Перед ними всегда живые цветы.

Ту минуту молчания мы никогда не забудем. А вырастем — сделаем все, чтобы не было войны. Только нужно всегда стоять рядом, плечом к плечу, как тогда, в «Ленинские дни», у мраморных плит с цветами.

Иозеф Страпко,
ЧССР, г. Детва.

СОДЕРЖАНИЕ

Макет **А. М. ГРИШИНА.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**

Адрес для писем, 101459, ГСП, Москва, А-37.
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 27/VII 1976 г. А 00981. Подписано к печати 31/VIII 1976 г. Формат 84×108 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2286. Заказ № 2603.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

МНОГИЕ РЕБЯТА СПРАШИВАЮТ, КОГДА МОЖНО БУДЕТ ПОДПИСАТЬСЯ НА «ПИОНЕР» НА 1977 ГОД. ПОДПИСКА УЖЕ НАЧАЛАСЬ. ЖУРНАЛ МОЖНО ВЫПИСАТЬ ДЛЯ СЕБЯ, ДЛЯ СВОЕГО ЗВЕНА ИЛИ ДЛЯ ВСЕГО ОТРЯДА.

Школьная форма.., школьную форму.., о школьной форме. Во всех падежах склоняют девочки два эти слова. Кому-то хочется совсем новую форму, какую неизвестно, но новую. Кому-то не хочется носить фартук, а кому-то не нравится коричневый цвет, лучше бы зеленый или синий.

«Повезло мальчишкам, — обижаются девочки, — у них второй год новая форма! А мы?..»

Если быть справедливыми, то мальчикам новая форма нужна была больше, чем девочкам, слишком нехороша была их прежняя форма. И стоит ли новую форму девочкам придумывать? Это ведь не просто, не один класс одеть, и даже не один город — нужны миллионы метров новой ткани, новые линии кроя, новая технология для фабрик.

А пока... не будем обижаться. Во-первых, приятно, что мальчики, которые учатся вместе с вами, такие стройные, такие элегантные. А во-вторых, вспомним, что у девочек отменная фантазия и умелые руки.

Мы посоветовались с Калинкой... и она напомнила, что в прошлом году летом было в «Пионере» отличное школьное платье, и, между прочим, два-три новых воротничка с манжетами могут отлично разнообразить как будто надоевшее платье...

Погибнуть, но спасти

Слова Юрия **ЛУЦКЕВИЧА.**
Музыка Вячеслава **ВЕТРОВА**

Густой туман,
Густой туман.
Предутренняя тишь,
Последний миг,
Последний миг
Солдатского привала.
Осенний лес, ты почему молчишь?
Хотя б тревога дятлом застучала! } 2 раза
Скорей, рассвет,
Скорей, рассвет,
Вокруг рассыпь лучи,
Предупреди,
Предупреди
Гайдара о засаде.
Лежат в мундирах черных палачи,
Дыханьем греют черные приклады. } 2 раза
Мгновенье есть,
Мгновенье есть
Прыжком нырнуть в кусты,
Но в грудь друзей
Ударит залп горячий!
Погибнуть, но спасти,
Спасти, спасти!
Гайдар не может поступить иначе! } 2 раза
Восходят дни,
Восходят дни,
И трубачи трубят,
И ветер смех,
И ветер смех
Над всей страною носит.
Солдатским шагом
Впереди ребят
Идет Гайдар в колонне знаменосцев. } 2 раза

В темпе сдержанного марша

Гус. той туман, густой туман, предутрення. я тишь, пос. ледний миг, пос. ледний миг солдатского привала. О. сенний лес, ты почему молчишь? Хотя б тре. во. га дятлом засту. ча. ла! О. сенний лес, ты по. че. му мол. чишь? Хотя б тре. во. га дятлом засту. ча. ла!

Для повторения: Ско.

Для окончания: носцев.

Цена 25 коп.
Индекс 70694